

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 6 2021

Литературно-художественный журнал

12+

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ЕЛЕНЫ ЛЯЛИНОЙ

Кошка-боярыня с чашкой чая

В России пьют чай с медведями из самоваров

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 6 2021

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Михаил МУЛЛИН. Это я устроил дождь	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктория ТАТУР. Азбука Морзе	10
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Анна ЧЕРКАСОВА. Инопланетянин из 2 «А»	20
ПОЭТОГРАД	
Валентин СОРОКИН. Пушок — Настин дружок	30
ОТРАЖЕНИЯ	
Анна ХАРЛАНОВА. Из сборника «Добрые рассказы»	39
ПОЭТОГРАД	
Александр ЗИМИН. Я хочу открыть вам тайну	46
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Любовь АНУФРИЕВА. Мышка Клара и Новый год	49
ПОЭТОГРАД	
Наталья БЕЛОЕДОВА. Про Колю	58
ОТРАЖЕНИЯ	
Наталья БОНДАРЕНКО. Привет! Я — Артёмка	63
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Евгений НОВИЦКИЙ. Приключения маленького Феррари	118
ПОЭТОГРАД	
Александр ШУРАЛЁВ. Удивительное разноцветье	127
ОТРАЖЕНИЯ	
Галина МАШТАКОВА. Коробка с сюрпризом	133
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Светлана ГОЛУБЕВА. Сказки для маленьких	145
Вячеслав РЫЖЕНКОВ. Молчун и Непоседа	150
ОТРАЖЕНИЯ	
Наталья ПОТАПОВА. Два рассказа	159
Светлана ПАНКРАТОВА. Чудо	162
Ольга БЕЛОВА. Ёж Фёдор	163
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Елена ЛЯЛИНА. Саратовские сказки	166
СТАТЬИ	
Мария ЗНОБИЦЕВА. Солнечный остров Тамары Михеевой: современные повести для подростков о дружбе, доброте и надежде	170
Елизавета МАРТЫНОВА. «Эти зданья воздвигнуты Словом...»	177
РЕЦЕНЗИИ	
Наталья ОСИПОВА. Светлая атмосфера детства	187
Вячеслав ХАРИТОНОВ. Любознательный Артёмка	188
Татьяна ЛИМАНОВСКАЯ. «Эту книгу я посвящаю всем детям...»	189
КОНКУРС	
В России появилась новая литературная премия им. Александра Казинцева для авторов до 45 лет	191

Михаил
МУЛЛИН

ЭТО Я УСТРОИЛ ДОЖДЬ

СЧИТАЛКА

В воскресенье, в полвторого
Шла по городу корова.
Ей кричат: – Куда же Вы?
Нету в городе травы,
Нету клевера, капусты,
А газон жевать – невкусно!
Но она сказала: – Мму-у-у!
Это вам не по умму-у-у-у!
Я пришла не сено есть –
Я хочу в троллейбус влезть!
Вот и влезла – у-у-у – как тесно!
Уступи корове место!

ТЁТЯ ИРА

В квартире рядом – шум и ад,
Война и гром в квартире.
Там пять разгневанных мышат
Бегут за тётей Ирой.
Толпа, от страха не дыша,
Застыла вдоль дороги,
Где тётя Ира от мышат
Едва уносит ноги.
Ведь наша тётя Ира
Обидеть их хотела.
Ведь их запасы сыра
Она в кладовке съела!
Мышата так разъярены,
Что говорят друг другу:
– Когда её догоним мы,
На час поставим в угол!

-
- Михаил Семёнович Муллин (1946–2020) родился в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великоросс» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Член Союза журналистов России и Союза писателей России.

МАТРОС И МАТРАС

У матроса был матрас.
На матрасе спал матрос.
И такому положенью
Рады были все до слёз.
На далёкой параллели
Начал шторм качать баркас –
И матрос упал с постели,
На него упал матрас.
И матрос, лежавший снизу,
Озадачен был всерьёз.
А матрас тогда подумал:
– Он матрас, а я – матрос!

ПРО СОВ

А у сов нет усов.
Трудно совам без усов.
Мы заступимся за сов,
Совам мы дадим засов,
Чтобы совы закрывались,
Чтобы к совам не совались!
Но сказали совы:
– Что вы?!

Да, усов нет у сов,
Но не нужно нам усов,
Да и вы-то сами –
Тоже не с усами!

ДЯТЕЛ

Стук на липе не стихает
Дятел гусениц считает.
Стук да звяк,
Стук да звяк:
«Р-раз червяк,
И два – червяк!»
Дятел счётом так доволен,
Но подходит к дятлу Оля.
Подошла на пять шагов
И сказала Оля птице:
«Можно ж дважды одного
Сосчитать –
и ошибиться!..»
Дятел стучать перестал,
Дятел девочке сказал:
«Я ошибок, –
Он сказал, –
Никогда не знаю:
Я, как что-то сосчитал,
Сразу же съедаю!»

НЕДОУМЕНИЕ

Подошёл Серёжка в садике
Поболтать к подружке Наденьке:
– У тебя братишка есть?
– Брата? Нет, Серёжа.
– Может быть, сестрёнка есть?
– И сестрёнки – тоже...
– Ну и ну, – сказал Серёжка, –
С кем же ты тогда дерёшься?!

НА ПРОПОЛКЕ

Заблудился одуванчик –
И попал в наш огород,
Будто рыжий Мальчик-с-пальчик
Улыбнулся во весь рот.
Золотое моё чудо,
Не волнуйся, не грусти –
Я срывать тебя не буду;
Я полю, а ты – расти!

ДЕВОЧКА В ГОРОШЕК

Расскажу я вот что,
Ну а ты послушай:
– Есть у мамы дочка
В золотых веснушках.
И ещё сказать
Должен хоть в двух строчках,
Что в горошек платье
Мама сшила дочке.
От такой картины
Улыбнулась лошадь:
Платице в горошек
И девочка – в горошек!

ПРО ЩУКУ

Шагали с сетью рыбаки.
Они ловили щуку.
Не хочет щука из реки –
Вот какая штука.

Гадали люди: «Ну дела!
И как тут не расстроиться?
Куда же щука уплыла,
Зачем она не ловится?»

А щука думала: «Ей-ей,
Чему же тут дивиться:
Сама ловлю я пескарей –
Мне некогда ловиться!»

ЗВОНОК

Мне недавно позвонил
Африканский крокодил
И со мной по-африкански
Целый час проговорил.
Он сказал тепло и властно:
«Караман узень квебек!» –
Это значит, мол, ужасно
Я скучаю по тебе!
Мол, расстроен я до злости
Вот уже четыре дня,
Мол, когда приедешь в гости,
Будет праздник у меня!
Я ему ответил: «Данке.
Ду ю спик парле саке!»
На чистейшем африканском
Крокодильем языке.
«Как решу, что мне резонно
Угодить в твоё меню,
Я тебе по телефону
Сам немедля позвоню!»
Рассердился крокодил,
Трубку сразу положил.
От досадной неудачи
Принял он несчастный вид,
И в надежде одурачить
Не тебе ли он звонит?

ЗА ДАЛЬНИМ МОРЕМ

За дальним морем есть страна,
А в ней гора – до звёзд стена,
И на горе, что до небес,
Растёт-шумит дремучий лес.
А в том лесу – могучий дуб,
Его обнять – не хватит рук.
Дупло большое на дубу...
Но дуб... семь тигров стерегут!
Но если ты на корабле
В страну ту приплывёшь,
Потом приблизишься к горе
И на неё взойдёшь,
И если ты, презрев испуг,
Найдёшь тот самый дуб,
И, тигров мёртвыми поклав,
Ты доберёшься до дупла,
То... скажешь честно на весь свет,
Что ничего в дупле том нет!

ПОЧЕМУ СОБАКА ХВОСТОМ ВИЛЯЕТ?

Как садам – кусты,
Как шипы для роз,
Как жуку усы,
Нужен Жучке хвост.

Как не может жить
Без воды судак,
Так не может быть
Без хвоста собак.

Есть на свете лёд
И не тающий,
Может птица быть
Нелетающей,
А собаке хвост
Полагается,
Ведь собака хвостом улыбается.

ТРИ ХРАБРЫХ МЫШОНКА

Три храбрых мышонка из города Вольска
В зверинце увидели льва.
– Ах, сколько в нём шерсти!
– А мяса в нём сколько!
– За год его сгложешь едва!..
– А хвост как украшен!
– А грива какая!
– Ах, как покусать его хочется!
– Так жаль, что он в клетке, людьми охраняем,
Нельзя на него поохотиться!

ЗИМА

У нас забава новая –
На саночках езда.
По брови шаль пуховую
Надвинула изба.
Улётся ветер вежливый
В берлогу ночевать.
А ёлки – бабы снежные –
Иголок не видеть.
Снегурочки, девчата ли
Румяные идут,
Сапожками печатают
Печенье на снегу.
И зяблики слетаются –
Смотреть им – не устать,
Как снеговик пытается
По-человечьи встать.

ПОД ЁЛКОЙ

Раз, два, три, четыре, пять –
Надо ёлку наряжать.
Вот игрушки – все на ветках,
А теперь пошли конфетки –
Дело медленно идёт...
Почему-то так бывает,
Что конфеты попадают...
Две – на ёлку,
Третья – в рот!

ЭТО Я УСТРОИЛ ДОЖДЬ

Жаркая погода,
Нет дождя три года.
Может, был он ночью,
Я не знаю точно.
Из-за суши этой
Нет цветов всё лето.
Вот и мальва в этот год
Не цветёт и не цветёт...

Я хватаю в руки лейку –
И скорее по аллейке
За водою с нею –
Я цветы жалею.
Лью на клумбу воду –
Изменил погоду!

Удивляются цветы:
«Разве дождь устроил ты?!»
Головой качает клён,
Он, наверно, удивлён:
«Почему все капли
Лишь на корни капали?
Что за дождик был такой,
Если я совсем сухой?!»
Я ему ответил: «Что ж,
Это просто низкий дождь!»

ХИТРАЯ ТЕНЬ

Куда б ни шёл я, целый день
И ей со мной шагать не лень,
И так же, как за каждым,
Со мной моя шагает тень
Смешно и очень важно.

И лишь недавно я узнал,
Что ей не всё равно:
Тень не пошла со мной в подвал,
Где сыро и... темно.

БАРАН-ЖЕНИХ

Баран-раскрасавец
Из города Ницы
По переписке
Надумал жениться.
И, прочитав все газеты Шри-Ланки,
Он отослал предложенье...
Баранке!

ДВА КОТЁНКА

С утра дрались котята
На кухне тёти Дуси.
Один был полосатый,
Другой – роскошно бусый.

И вскоре, между прочим,
Как утверждает слух,
От них летели клочья,
Как из подушек пух.

Один котёнок бусый,
Другой был полосат.
И шум они подняли,
Как целых сто котят!

И вот явилась грустно
Взглянуть на этот бой
На кухню тётя Дуся
С огромною метлой.

И вымела из кухни
Дерущихся котят,
Не справившись при этом,
Кто прав, кто виноват.

А прав был тот – в полоску,
С красивой кличкой Граф.
А если разобраться,
То бусый тоже прав!

Пусть порваны обои.
Разодрана тетрадь,
Но их нельзя... обоих
Из кухни выметать!

Уж не такой и толстый
Муки на кухне слой!
И это оскорбительно –
Мести котят метлой!

**Виктория
ТАТУР**

АЗБУКА МОРЗЕ

МУЗЫКА У СТАРОГО ДОМА

– Ненавижу этот аккордеон! – Стёпка согнулся на стуле от тяжести инструмента.

– С твоими способностями так относиться к музыке – преступление! – Мама с укором посмотрела на сына. – К любой мелодии ноты можешь подобрать.

– Ну и что? Не пойду больше в музыкалку!

– А инструмент куда?

– Продадим, – огрызнулся Стёпка.

– Какой предприниматель нашёлся! А ты забыл, чей он?

Стёпка угрюмо уставился в ноты и принялся мучить инструмент. Он уже столько раз слышал эту семейную историю!

Аккордеон достался ему от прадеда Анатолия Григорьевича. Стёпка его совсем не помнил.

Анатолий Григорьевич вернулся с войны с двумя медалями и одной правой рукой. Левую ему по локоть оторвало при разминировании моста на подступах к Берлину. Мама рассказывала, что он часто доставал из-под кровати аккордеон и играл. Единственной рукой. А Стёпка неуклюже приплясывал, колотя по полу пухлыми ножками.

Маленькому Стёпке нравилось рассматривать инструмент. Самой интересной была металлическая заплатка на боку, прикрывающая дыру от пули. В войну прадедуска не расставался с инструментом. Во время атаки аккордеон заслонил его от вражеской пули. Стёпка несмело дотрагивался до заплатки пальцем и тут же отдёргивал его. Поэтому и решил пойти в музыкальную школу, а теперь жалел и с тоской смотрел в окно, где на деревьях распукали почки.

-
- Виктория Владимировна Татур – победительница литературного конкурса «Первая книга» на Международном фестивале «Чудо-книга». Дважды победитель литературных конкурсов Михайловского заповедника им. А.С. Пушкина. Дипломант первой степени в литературном конкурсе «Хрустальный родник». Лауреат Международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2020», литературного конкурса «Живой родник» в номинации «Проза для детей». Участница Всероссийской школы писательского мастерства Центрального региона от СЭИП им. Филатова (2019), участница семинаров молодых писателей в Оренбурге, Самаре, Вологде, Химках. Член Международного творческого объединения детских авторов. Публиковалась в сборниках «Валины сказки», «О бабушках и дедушках», «Таинственная планета», «Будь человеком!», в журналах «Литературный маяк», «Формаслов», «Путеводная звезда», «Простокваша», «Литература».

- На майские в деревню поедем, – заметив его взгляд, сказала мама.
- Ура-а-а! – Стёпка вскочил и с грохотом уронил аккордеон.

Утром Стёпка проснулся от громкого шуршания. Мама собирала сумки.

– Доброе утро, – сказала она, увидев сына. – Ноты не забудь.

– Что? Аккордеон с собой брать?

– Конечно. Надолго уезжаем. Тебе заниматься надо.

– Вот невезуха! – Стёпка с силой захлопнул дверь в ванную.

За завтраком он бухтел и сетовал, что такой маленький, а уже страшно несчастный. В дороге, пока мама вела машину, Стёпка почти не разговаривал. Безучастно глядел на мелькающие за окном деревья и чувствовал тяжесть аккордеона, который лежал в багажнике.

– Будь добр, не изображай перед бабушкой мировую скорбь, – попросила мама, в сумерках въезжая в деревню.

– Ладно, – отозвался Стёпка, увидев знакомые деревянные дома.

Настроение приподнялось: уже завтра он увидится с друзьями.

– Мам, – оживился он, рассматривая одинокий дом на пригорке, – а правда, что дядя Витя сумасшедший? Ребята говорят, он с облаками разговаривает. И ругается страшно, когда к нему в сад за яблоками лезут.

– Кому ж понравится, что у него яблоки крадут?

– Так мы попробовать просто.

– Стёпка, тебе своих яблок мало? Дядя Витя войну прошёл, старенький совсем. Он, кстати, тоже на аккордеоне играл.

– А теперь?

– Теперь уже нет, – мама притормозила у деревянного забора.

На крыльце их встречала бабушка. Она помогла занести сумки в дом. А Стёпка поплёлся сзади, подтягивая тяжёлый аккордеон.

Втроём они допоздна сидели на кухне. Стёпка глядел на потрескивающие в печке поленья.

Утром, позавтракав, он схватил куртку, чтобы бежать к ребятам.

– Стёпа, – бабушка осторожно дотронулась до металлической заплатки аккордеона, – сыграешь?

Он украдкой посмотрел на маму и поплёлся в комнату:

– Только быстро...

Его пальцы ловко бегали по клавишам. И дом, в котором раньше так часто звучал аккордеон, казалось, с благодарностью откликался и позвякивал чашками в старом серванте.

Вдруг Стёпкины пальцы споткнулись и разъехались.

– Да ну! – Он со злостью сжал меха.

– Вот всегда у него так, – не выдержала мама. – Немного сыграет и бросит.

– Не ругайся, – сказала бабушка, – придёт время, сыграет.

Несколько дней подряд Стёпка пропадал с ребятами. Домой приходил к ужину. Наспех смывал с лица весеннюю пыль и оттирал с рук ржавый сок одуванчиков.

– Целый день носишься. И на аккордеоне не играешь, – сказала мама за ужином.

– Жавтра поиграю, – с набитым ртом отозвался он.

– У тебя это «жавтра» никогда не наступает, – передразнила его мама. – Живёшь одним днём.

– Скоро черёмуха зацветёт... – Бабушка неопределённо махнула рукой. – Похолодает. Вот и будет заниматься.

Бабушка оказалась права. На следующий день вся деревня стояла в черёмуховом цвету. Деревья будто нацепили пушистые снежные шапки, от которых исходил такой одуряющий аромат, что кружилась голова. Стёпа представил себя великаном. Вот сейчас он подует на этот снежный пух, и тысячи перьев закружатся в воздухе.

Одно не радовало Стёпку: синегривые тучи будто сговорились и навалились на небо. А потом и вовсе зарядил дождь.

В этот день мама наконец заставила заниматься на аккордеоне.

Неожиданно раздался стук.

– Виктор Андреич, в такой-то ливень! – Бабушка открыла дверь, впуская дядю Витю.

– Авось не растаю, – сказал он, поставив на пол корзину. – Я за картошкой. У меня в этом году вся вышла.

– Неужели сажать будете? – удивилась бабушка.

– Сидеть надоело. Так маленько в огороде чего поделаю.

– Стёпа, сходи в погреб, набери картошки.

Стёпка сжал меха на аккордеоне и выглянул в прихожую.

– Внук приехал, – пояснила бабушка. – Музыка учится.

– Хорошо, коллеги, значит, – одобрил дядя Витя.

Когда Стёпка вылез из погреба с полной корзиной, мама сказала:

– Помоги дяде Вите картошку донести.

В дверь снова постучали.

– Погнали на сеновал! – закричали мальчишки, толкаясь в коридоре. – Там крыша есть, в футбол играть можно.

Стёпка растерянно посмотрел на маму.

– Отнеси картошку, – она сняла с вешалки его куртку, – а потом иди куда хочешь.

– Догонишь! – крикнули мальчишки и выскочили из дома.

Стёпка взял корзину и поплёлся за дядей Витей. Тот шёл бодро, казалось, совсем не замечая дождя. Тропинка на пригорок чавкала под ногами.

– Слышишь, дуб поёт? – спросил дядя Витя, подходя к дому.

– Не-а, – отозвался Стёпка.

– У него песня из глубины от самых корней идёт.

Стёпка пожал плечами и поставил корзину на скамейку у двери дома.

– Ну, я побежал?

Он рванул под проливным дождём. Несколько раз чуть не поскользнулся, перепрыгивая пузырящиеся лужи. Вдруг услышал странные, ни на что не похожие звуки. Стёпка оглянулся и удивлённо посмотрел на дуб. Затем поднял голову вверх.

В небе летел клин журавлей. Огромные птицы разрезали воздух мощными крыльями и курлыкали жалобно и печально. Стёпка замер, размазывая капли дождя по лицу. Он не пошевелился, пока за кромкой леса не скрылась последняя птица.

Вдруг опомнился и побежал на сеновал. Рухнул на кучу старой соломы и, не обращая внимания на ребят, долго переводил дух.

Дождь не прекращался несколько дней. Всё это время Стёпка пропадал с друзьями. К аккордеону он так и не притронулся.

Однажды, когда, весь промокший, он прибежал к ужину, бабушка сказала:

– Завтра 9 Мая. Пирогов напеку.

– Мы тебе поможем. – Мама вытирала полотенцем волосы сыну. – А в десять часов парад по телевизору посмотрим.

– Не, в десять я не могу, – Стёпка вырвался из полотенца, – у нас завтра решающий матч.

– А я думала, ты нам сыграешь, – расстроилась бабушка.

– Да пацаны тогда без меня начнут!

– Подождут твои пацаны! – отрезала мама.

– Что мне теперь, дома сидеть из-за этого праздника? – от обиды у Стёпки в горле застрял колючий комок.

Ужинали молча. Стёпка демонстративно рано отправился спать. Ночью ему снился сон, будто приходил прадед Анатолий Григорьевич. Вернее, Стёпка не видел его лица, но точно знал, это был он. Прадед протянул единственную руку и похлопал его по плечу. Затем взял аккордеон и скрылся за дверью.

Утром Стёпка проснулся от яркого солнца. Обрадовался, что надоевший дождь наконец прекратился. Вдруг резко соскочил с постели и заглянул под кровать. Аккордеон лежал на месте.

Стёпка несмело прошёл в кухню.

– С праздником! – Бабушка выкладывала на противень пироги.

– И тебя, – проговорил он.

Ему было как-то не по себе. То ли он всё ещё обижался, то ли чувствовал стыд за вчерашнее.

На подоконнике заметил чёрно-белую фотографию Анатолия Григорьевича с медалями на груди, а рядом вазочку с веточками черёмухи.

– А мама где?

– За молоком к тёте Наде ушла. Пойду воды принесу.

Бабушка вытащила из-под скамейки пустое железное ведро.

– Давай я, – вызвался Стёпка.

Он выскочил на крыльцо и прищурился. В небе поднималось солнце, и в воздухе разлилось долгожданное тепло. В деревне стояла небывалая, торжественная тишина: не гудели косы, не звенели электропилы. Даже собаки не лаяли.

Стёпка направился к колодцу. Откинул тяжёлую деревянную крышку, зачерпнул воды и поднял ведро. Шёл к крыльцу осторожно, стараясь не расплескать ни капли.

Вдруг в воздухе что-то треснуло.словно разом дали гудок несколько паровозов. Стёпка замер. Это был аккордеон. Затем звук выровнялся, и полилась печальная музыка.

Он посмотрел на пригорок. Вдалеке у дома на пригорке разглядел дядю Витю. Тот держал инструмент, плавно раздвигая меха. У Стёпки защипало в носу. Где-то он уже слышал эту мелодию. Там было что-то про землянку и огонь. В животе у него сделалось горячо, а за спиной будто выросли крылья.

Стёпка как зачарованный стоял и слушал, не замечая тяжести ведра. Ему вдруг нестерпимо захотелось влиться в эту мелодию, подхватить её и понести над полями, над деревьями, унося высоко-высоко в небо.

Он оставил ведро у ступеней крыльца, ворвался в дом и побежал в спальню.

– Что с тобой? – испугалась бабушка.

Он боялся проронить слово. Боялся разрушить то, что чувствовал в это мгновение. Молча вытащил аккордеон и выскочил с ним на улицу.

Дядя Витя уже играл другую мелодию. Тоже очень красивую и печальную. Стёпка несмело прошёлся пальцами по клавишам, извлёк несколько нот, сбился и снова заиграл, подхватывая музыку.

Внезапно у старого дома на пригорке всё стихло. А через секунду мелодия зазвучала с новой силой. И вот уже два аккордеона выводили печальную

песню о солдатах, что не вернулись домой и превратились в белых журавлей. Эта песня разносилась по всей деревне, вливаясь в каждый двор, в каждый дом. А в чистом голубом небе переливалось солнце.

Стёпка не чувствовал боли в натёртых плечах от старых кожаных лямок. Не замечал маму, что замерла у калитки с банкой молока. Не видел непривычно притихших ребят, столпившихся за забором.

И вдруг он вспомнил! Ясно увидел прадеда Анатолия Григорьевича, как тот со слезами на глазах единственной рукой играл эту мелодию. А маленький Стёпка, ещё не понимая слов, стоял и заворожённо слушал.

ВЕСЕННИЙ ДУБЛЁР

Через две недели в школе концерт «День смеха» к 1 апреля. Все стараются самую смешную сценку придумать, чтобы грамоту получить. Но Кларенция сказала, что будем ставить былинку про Илью Муромца и Соловья Разбойника.

Кларенция – это глыба ледяная, по совместительству наша новая учительница Клара Анатольевна. Ребята из 4 «Б», как узнали об этом, сразу сказали:

– Во не повезло! Сочувствуем...

Когда идёт по коридорам, хочется в стену вжаться. Как глянет на тебя – будто просканирует. Ещё строгая очень и не улыбается никогда. Наша Алёна Денисовна ушла от нас за три месяца до конца учебного года. А мы ведь с первого класса вместе. И теперь очень расстроились. Она добрая была и весёлая. Кто-то из девочек даже заплакал. А тут ещё былины эти.

– У-у-у, – загудели мы, – давайте что-нибудь современное придумаем. Про роботов. Или про супергероев, как они со стиральной машинкой сражаются.

– Класс, тихо! – Кларенция стукнула ладонью по столу. – Вы с этой современностью совсем свою историю не знаете. А богатыри посильнее ваших супергероев будут.

И мы и замолчали. Всё равно опозоримся с этими былинами.

– Серёжа, будешь Соловьём Разбойником. – Она даже не взглянула на меня.

Ей-то всё равно, что я об этом думаю. Её приказы не обсуждаются.

– А чего это он сразу? – вскипел Егор. – Смотрите, как я умею! – И свистнул на весь класс.

Уверен, не хотел он быть никаким Соловьём Разбойником. Но он вечно со мной соревнуется и старается быть лучше меня.

– Егор! Дневник на стол! – Из глаз Кларенции молнии полетели. – В школе свистеть не положено!

Егор пихнул меня и отнёс свой дневник на учительский стол.

– Будешь Серёжиным дублёром, – неожиданно смягчилась Кларенция. – Вдруг заболит? Вот и выйдешь на сцену вместо него.

– Ладно, – буркнул Егор и, обиженный, за парту сел.

Мы оставались после уроков, репетировали. И Егор ни одну репетицию не пропустил. Всё ждал, наверное, что Кларенция его вместо меня возьмёт. А в последний день перед спектаклем Кларенция разрешила нам подышать воздухом для настроения. Ещё бы, такое солнце было – настоящее, весеннее. И мы всем классом выбежали на улицу.

– Что за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? – Я так в роль вошёл, что носился по площадке, забирался на турник и орал во всё горло.

Спрыгивал перед Мишкой Фёдоровым (он у нас Илью Муромца играет), валил его на землю и кричал:

– Спать не даёт Соловью-Разбойнику!

Егор не отставал, отпихивал меня от Мишки и вопил:

– Не верь ему, я настоящий Соловей Разбойник!

Мишка от нас удирал. А мы за ним носились. Так разгорячились, что я шапку снял, а Егор куртку расстегнул. Девчонки визжали и тоже разбежались. Тогда я зарычал по-звериному. Егор дикой чайкой закричал, даже стаей диких чаек. Так, что уши заложило.

– Что это за дикие вопли? – Кларенция дёрнула меня за рукав. – А ну, немедленно шапку надень! Солнце сейчас обманчивое. Заболеешь.

Но я же Соловей Разбойник! От меня земля дрожит, столетние дубы нагибаются.

– И ты куртку застегни! – Она укоризненно на Егора посмотрела. – Простудишься. Хватит носиться! Ведём себя прилично!

А на следующий день, 1 апреля, школа превратилась в пчелиный улей. Ребята друг друга разыгрывали. Но мне не до смеха. У меня горло болело. Решил молчать до спектакля, чтобы голос не тратить. А Егор тоже молчал. Наверное, от зависти, что он выступать не будет.

Наконец все в актовом зале собрались. На меня нахлобучили шапку с двумя рогами из проволоки, узбекский халат и красные шаровары. И вот Илья Муромец, Мишка Фёдоров, в доспехах из фольги закричал:

– Выходи, Соловей-Разбойник, на честный бой!

А я молчу.

– Что глядишь на меня, разбойник, или русских богатырей не видывал? – снова повторил Мишка.

У меня голос совсем пропал. Зрители зашушукались. Вижу, за кулисами Егор стоит. И лицо такое грустное делает, будто ему меня жалко. А сам-то радуется, наверно.

– Выходи, говорю! Соловей ты, в конце концов, или нет? – нетерпеливо повторил Мишка и зашептал: – Не позорь нас.

Я от волнения красный, как мои шаровары. Не знаю, что делать. В зале уже смешки начались. Слышу, Кларенция сказала Егору: «Давай, дублёр, не подведи!» И на сцену его вытолкнула.

– Ага, вот и настоящий Соловей Разбойник! – не растерялся Мишка, глядя на него. – Ну, будешь ты драться с богатырём русским?

– Кхэм, кхэм, – закашлялся Егор, шмыгнул носом и прохрипел: – Сегодня не могу.

Зрители захохотали.

– Это ещё почему? – удивился Мишка.

– Я.. я двуглавый Змей Горыныч, – нашёлся Егор, обнял меня за плечи и ещё сильнее захрипел. – Воды колодезной напился. Простудился.

– Ты передай Соловью Разбойнику, – сообразил Мишка, – что я его тут жду.

– Передам, если встречу... – Егор закашлялся и, держа меня за руку, полетел за кулисы.

Сквозь громкий смех зрителей Мишка закричал:

– Так будет кто-нибудь со мной драться или нет?

У него от отчаяния даже шлем набекрень съехал.

Теперь зал гудел, стучал ногами и покатывался со смеху. Поднялся страшный шум. Вдруг Кларенция выхватила у меня шлем с рогами, на голову натянула и на сцену выскочила. Да ка-а-ак свистнет! Аж стёкла в окнах задрожали.

У Ильи Муромца даже деревянный меч из рук выпал. От неожиданности в зале все притихли.

В полной тишине Кларенция вдруг закричала:

– Что за невежа тут Соловья Разбойника от Змея Горыныча отличить не может?

В общем, здорово они с Мишкой сценку доиграли.

После спектакля нас с Егором домой отправили лечиться.

– Спасибо, выручил, – просипел я. – Классный Змей Горыныч получился!

– Да ладно, – прохрипел Егор. – А весеннее солнце и вправду обманчивое.

А я подумал, что это солнце, кажется, смогло растопить «ледяную» Кларенцию.

Потом мы узнали, что нашему классу грамоту дали за креативную постановку русской былины.

АЗБУКА МОРЗЕ

В тот день невезение обрушилось на Витьку. Только вчера он с мамой приехал на море, а сегодня лежит в больнице с кишечной палочкой.

– Нет у меня никаких палок в животе, – кричал Витя, когда ехал на скорой. – И веток тоже нет.

Но врач объяснил, что палочка – это такая противная бактерия. Если б Витька не наглотался морской воды, может, всё и обошлось.

Витьку положили в стерильно белую палату, сделали укол и поставили капельницу. Он заметил три пустые кровати: на железных пружинах лежали свёрнутые матрацы. «Это что, только я один летом заболел?» – с тоской подумал он.

Через два часа в палату вошла высокая медсестра с гладкими чёрными волосами и острым носом. Она проворно удалила иглу из Витькиной руки – сняла капельницу.

Витька скривился, слез с кровати и хотел выйти в коридор, размяться.

– Из палаты выходить запрещено! – строгим, металлическим голосом сказала медсестра.

Она выкатила капельницу на длинном металлическом шесте и скрылась за дверью.

Два дня Витька маялся и не знал, куда себя деть. Планшет надоед, читать не хотелось, а пресные макароны с жидким супом в горло не лезли.

Однажды ночью сквозь сон он услышал, как в соседней палате кто-то отчаянно закашлял. «Новенького привезли», – пробормотал Витька и крепко заснул.

Утром после завтрака он нырнул в планшет, запрыгнул в кабину танка и начал палить по врагам. За стенкой залпы перебивал сосед, громыхая кашлем. Витька недовольно стукнул кулаком в стену. Оттуда незамедлительно отозвались и послали точечный удар в два раза мощнее. «Ну, погоди, – решил Витька, – сейчас я тебе задам». Он стукнул ещё сильнее. Сосед тотчас обрушил на стену два снаряда. Битва продолжалась добрых десять минут, пока в палату не ворвалась медсестра.

– Что это вы тут устроили? – прикрикнула она.

– А чего он кашляет и в стену дерётся?! – возмутился Витька.

– Кашляет, потому что болеет, – отрезала она.

Витька полежал в кровати некоторое время и от скуки стукнул кулаком в стену, но не очень сильно. В ответ раздался робкий стук. «Наверно, соседу тоже от медсестры влетело», – подумал Витька.

С ума сходить от тоски и одиночества он не собирался. Витька вырвал лист из альбома и написал: «ПРИВЕТ Я ВИТЯ». Буквы то напозлали друг на друга, то отскакивали в разные стороны. Он сложил листок пополам и случайно порезал об острый край палец. На бумагу упала капля крови. И Витя приписал около капли: «Я РАНИН».

Нижняя половина двери в палате деревянная, а верхняя – стеклянная. Витька встал на цыпочки. Упёрся лицом в стекло так, что щёки по нему расплылись и превратились в два блина. В коридоре пусто. Он осторожно приоткрыл дверь и в два прыжка оказался у соседней палаты. Тотчас просунул листок в щель и мигом юркнул обратно.

Минуты тянулись, как ожидание на посадку в самолёт: долго, страшно и интересно одновременно. Если сосед за стенкой не трус, обязательно ответит. Наконец заветный листок скользнул под дверь. Витька метнулся с кровати и схватил письмо. На бумаге ровным, круглым почерком, словно по линейке, выстроились слова: «Я САША. У МЕНЯ ВОСПАЛЕНИЕ ЛЁГКИХ. ДАВАЙ ДРУЖИТЬ». А внизу рядом с пятном крови приписка: «ПОПРОСИ У ВРАЧА ЗЕЛЁНКУ».

«Какой заботливый», – подумал Витя и написал в ответ: «ДАВАЙ. Я ЖИВУ В МАСКВЕ. УЧУСЬ В 3 КЛАССЕ».

Он осторожно высунул нос из-за двери, затем голову, а потом всего себя разом. Шмыгнул к соседней палате и запустил в щель уже измятый листок. Пулей бросился обратно, с разбегу стукнулся об косяк, взвыл и прыгнул на кровать. Время шло, но записка у его двери так и не появлялась.

– Ты там живой? – спросил Витя, осторожно стукнув в стенку.

Ни звука. Он забеспокоился и снова позвал:

– Эй!

За стеной раздался надрывный кашель соседа.

«Живой, – обрадовался Витька, – болеет!» Он расхаживал по палате, ждал и прислушивался. Наконец под дверью робко показался краешек листа.

– Во настроил, – удивился Витя, разворачивая листок.

И, сосредоточенно пытая, прочёл: «Я ТОЖЕ ЖИВУ В МОСКВЕ. ХОЖУ В 3 КЛАСС. ЗАНИМАЮСЬ ПЛАВАНЬЕМ И АНГЛИЙСКИМ. Я УЧУСЬ ВЫШИВАТЬ. У МЕНЯ ЕСТЬ ЧЕРЕПАХА».

– Плаванье и английский – это хорошо. Только одно странно, хм... вышивать учится, – рассуждал Витька. – Ну ничего, я из него сделаю настоящего мужчину.

До чего же он обрадовался, что Сашка тоже в Москве живёт!

Хорошенько подумав, он принялся писать ответ: «Я ЗАНЕМАЮС ФУТБОЛОМ И БАРБОЙ». Он почесал нос фломастером и дописал: «НАБЛЮДАЮ ЗА ВАРОНАМИ». Сложил листок и со свистом выскочил за дверь. Даже проверить забыл, нет ли кого в коридоре. Внезапно на его плечо опустилась чья-то тяжёлая рука. Витька вздрогнул, поднял глаза и увидел ту же медсестру с острым носом.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела она.

– Я.. я... – от страха он начал заикаться.

– Марш в палату, иначе два укола поставлю, чтоб впредь по коридорам не шастал!

Витька попятился, спиной толкнул дверь и лёг на кровать. Из-за стены раздался нетерпеливый стук. Это сосед Сашка письма дождался. «Погоди, Санёк, что-нибудь придумаем», – не сдавался Витька и стукнул кулаком в ответ. Но голова не думала. От скуки он взял книгу о машинах и прочёл, что механик может определить поломку по стуку и шуму двигателя.

– По сту-ку, – пробормотал Витя, а потом обрадовался и закричал: – По стуку!

Он бросился к планшету и нашёл в поисковике Азбуку Морзе. Вырвал из альбома лист и написал на нём буквы алфавита в столбик. Затем к каждой букве из точек и тире нарисовал шрифт. А внизу листа приписал дополнение: «Точка – стук кулаком, тире – стук ладонью».

Когда Витька закончил, на этаже погасили свет. Палата погрузилась в полумрак, а сосед за стеной ждал письма. Витя выглянул за дверь. В полутёмном коридоре ни души. На цыпочках прокрался к соседней палате и просунул в щель листок. Резко рванул обратно и рухнул на кровать.

Он всё ждал, когда сосед прочтёт послание и ответит первым закодированным шифром. Но за стенкой молчали.

На следующее утро Витька аж подпрыгнул и чуть не подавился кашей, когда сосед простучал ему: бум-плюм-плюм-бум, бум-плюм-бум, бум-бум, бум-плюм-плюм, бум, плюм.

Витька судорожно схватил свой листок с Азбукой Морзе и, вслушиваясь в удары кулаком и ладонью, перевёл: «Привет». Он тут же проколол в ответ свой «привет».

- Ты овсянку ел? – простучал сосед.
- Только половину, – забарабанил Витька.
- Мороженого хочется, – робко простучал сосед.
- А мне гамбургера, – отозвался Витька.
- Тебе уколы делают?
- Нет, только таблетки дают.
- Везёт, – пробарабанил сосед.

За несколько дней Витя с Сашей наловчились в новой азбуке и теперь болтали целыми днями напролёт: обсуждали горькие лекарства, пресные обеды и ворон за окном. Витька уже не представлял жизни без Сашки. Оказалось, они учатся в одной школе, только в разных классах.

«Ура-а-а! – ликовал Витька. – Гулять вместе будем, на великах кататься. С вышивкой покончим: ребята узнают, засмеют. Лучше научу его в футбол играть. Здорово, когда у тебя есть лучший друг! Мальчишки вообще дружить умеют, не то что девчонки».

Однажды Сашка простучал какую-то чепуху про цыплёнка. «Это, наверно, сбой в азбуке», – подумал Витя. И только он хотел у Сашки об этом спросить, как в палату вошёл врач. Ощупал напоследок Витькин живот и велел собирать вещи. Его сегодня выписывали.

Витя страшно расстроился. Как же теперь без друга? Только он хотел простучать об этом Сашке, как в палату вошла медсестра. Помогла ему собрать рюкзак и вывела за дверь.

– Подожди здесь, – она кивнула на стул, – сейчас подойду. По коридору не шастать.

Витя уселся, поглядывая на Сашкину палату. Страшно хотелось заглянуть и попрощаться с ним. Но ещё больший страх Витька испытывал перед медсестрой, которая могла появиться в любую секунду. Вдруг дверь отворилась, и оттуда вышла девочка с торчащими из-за ушей тоненькими косичками. В руках она держала большую розовую сумку.

Девочка улыбнулась, и на её щеках появились две забавные ямочки.

- Ты Витя? – робко спросила она.
- Да, – неохотно бросил он и отвернулся.
- Здорово, что выписывают? – снова спросила девочка.
- Угу.

– А ко мне две вороны прилетали попрощаться. Я им кусок хлеба отдала, который в обед не доела.

Витька подумал, что у неё температура поднялась, раз она про каких-то ворон говорит.

Они немного помолчали.

– Как там Сашка, всё ещё болеет? – решил наконец спросить Витя.

– Какой Саша? – не поняла девочка.

– Ну, твой сосед. Ты же с ним в палате лежала.

– Не было у меня никакого соседа.

– Как не было? – вскипел Витя. – Я же сам видел, как ты из его палаты выходила.

– Выходила, – кивнула она, – только я там одна лежала.

– Неправда, – еще больше рассердился Витя и вскочил со стула, – не с призраком же я по секретной азбуке перестукивался.

– Не с призраком, – подтвердила девочка, – а со мной. Я – Саша.

– Врёшь!

– А вот и не вру! – в доказательство она вытащила из кармана измятый листок и протянула его Вите.

– Ты, – оторопел он, глядя на альбомный лист, исписанный точками и тире, – девочка?

– Самая настоящая. Можешь меня ущипнуть, если не веришь, только не очень больно.

– Но, я думал... ты мальчик. И имя у тебя... такое... – не договорил Витька и плюхнулся обратно на стул.

– Подумаешь, имя. Я, между прочим, в футбол играть умею. Спорим, ты мне гол не забьёшь?

И она рассмеялась. Вите понравился её смех: звонкий и добрый. Он даже подумал, что, может, и поддался бы ей. Но только один раз.

А Саша вытащила из сумки аккуратно сложенный белый платочек и протянула Вите.

– Это тебе.

Витя неуверенно взял подарок и развернул его. На платке был вышит забавный цыплёнок. Он походил на жёлтый клубок, из которого высовывались крошечные лапки, раскинутые в разные стороны. Из клубка показался клюв в две ниточки. А вместо глаза – завязанный чёрный узелок.

– Спасибо, – пробормотал Витя, чувствуя, как его щёки краснеют.

– Я же говорила: вышивать учусь! – гордо сказала Саша.

Вскоре подошла медсестра. Она провела их по длинному коридору и посадила в грохочущий лифт. Пока спускались вниз, ребята переглядывались и хихикали.

В холле первого этажа взволнованные мамы ожидали детей.

– Представляешь, – Витя бросился обнимать маму, – я думал, она мальчик, а она – девчонка...

Витя запнулся и затем продолжил:

– А она – девочка.

– А я-то думала, – смеялась Саша, прижимаясь к своей маме, – чего это он мне всё про футбол да про танки? Хорошо ещё про пауков ничего не набарабанил, а то я бы одна спать боялась.

– Ты чего, пауки, знаешь, какие классные! Хочешь, я тебе завтра богомола покажу?

– Ну давай, – нерешительно ответила Саша и посмотрела на маму.

Утром они все вместе отправились на городской пляж. Море было тёплым, солнце – ярким, песок – щекоющим, воздух – свободным. А богомол, глядя на Витю с Сашей, сидел под персиковым деревом и улыбался.

**Анна
ЧЕРКАСОВА**

ИНОПЛАНЕТЯНИН ИЗ 2 «А»

ЕСТЬ КОНТАКТ

Однажды в кладовке самой обычной школы Земли случайно появился космический корабль с пришельцем-второклассником с далёкой планеты. Ученики 2 «А» первыми его увидели. Среди всех землян именно второклассники выделяются способностью первыми замечать всё странное и необыкновенное.

– Меня зовут Пиу-Пиу 125, – представился инопланетянин. – Но друзья называют просто – Пиу-Пиу.

– А мы второклассники. Не путай с второгодниками! – ответили ему второклассники. – Если хочешь, мы устроим тебе экскурсию по нашей школе. Будешь сегодня учиться с нами?

Пиу-Пиу крепко зажмурился. На его планете все крепко зажмуривают глаза, когда на что-то соглашаются. А ещё на его планете все школьники так любят экскурсии, что ходят на них чуть ли не каждый день.

НОВЕНЬКИЙ

«Дзинь-дзинь!» – вдруг раздалось по всей школе, едва Пиу-Пиу переступил порог кабинета.

Это совершенно внезапно начался урок.

Ученики 2 «А» быстро побежали к своим партам, и только Пиу-Пиу так и остался стоять около двери.

Учительница Елена Николаевна зашла в класс, внимательно осмотрела инопланетянина и сказала:

– Новенький? Почему ты не в школьной форме? Надеюсь, у тебя есть дневник, чтобы я могла записать тебе замечание?

-
- Анна Юрьевна Черкасова родилась в 1983 году в Красноярском крае. Окончила Сибирский государственный технологический университет. Публиковалась в альманахе «Домовёнок», журналах «Понимашка», «Солнышко», «Антологии литературы для детей» (Красноярск, 2017), сборнике «Гражданам детям» (Волгоград, 2018) и др. Победитель конкурса «Валины сказки», автор сборника «Добрые сказки» (Оренбург, 2017). Вошла в тройку победителей II Международной литературной премии «Перископ-2018» в номинации «Творчество для детей и подростков» (Волгоград). Участница Международного форума молодых писателей в подмосковных Липках в 2003 году, Всероссийского семинара молодых литераторов «Очарованные словом» (Красноярск, 2005).

Пиу-Пиу почесал пузо. На его планете все так делают, когда что-то непонятное происходит. Но мальчик по имени Миша выручил нового друга.

– Отдай этот, – сунул он Пиу-Пиу свой дневник, – у меня всё равно мама очень-очень добрая, а замечаний очень-очень много. Она или не заметит ещё одной записи, или не разозлится.

– А у нас не пишут замечаний, – Пиу-Пиу дёрнул себя за ухо. (Инопланетяне всегда так делают, когда удивляются.) – Тем, кто плохо себя ведёт, просто на уроке не дают конфет.

– У вас что, на уроках конфеты дают? – удивился другой мальчик, Гоша.

– Конечно! А иначе никто в школу ходить не будет. А у вас конфет совсем не дают? Даже маленьких таких карамелек?

Гоша грустно покачал головой. Пиу-Пиу снова дёрнул себя за ухо.

– Правильно пишут в газетах, – вздохнул Гоша, – пора что-то менять в нашей системе образования.

ЗА ПАРТОЙ

– Куда же тебя посадить? – спросила Елена Николаевна инопланетянина.

Пиу-Пиу высунул язык. Так многие инопланетяне делают, когда не знают, что ответить.

– Может быть, туда? – Елена Николаевна показала на одну из парт.

– Но там уже кто-то сидит! – воскликнул Пиу-Пиу.

– Сам ты «кто-то»! А я Света! – ответила Света, которая и вправду сидела за партой и кулак показала так, чтобы только Пиу-Пиу увидел.

– Надеюсь, ты не будешь обижать соседку по парте? – спросила учительница.

– А у нас нет соседей по парте, – Пиу-Пиу дёрнул Гошу за рукав. – Мы сидим по одному и как можно дальше друг от друга.

– Но зачем? – глаза у Гоши стали круглыми от удивления, как у многих землян, когда приходится удивляться.

– Чтобы не мешать друг другу учиться, конечно! – Пиу-Пиу быстро-быстро замотал головой.

Инопланетяне так головой мотают, когда приходится говорить то, что все и так знают.

– Почему сразу «мешать»? Ведь можно, наоборот, помогать! Или иногда хотя бы давать списывать.. – Гоша с нежностью посмотрел на свою соседку по парте, отличницу Алину. – Нет, всё-таки у нас в школе лучше!

ПАРА РУЧЕК

Сел Пиу-Пиу рядом со Светой. Достал из кармана что-то похожее на кошелек. Стукнул им по столу тихонько, и получился у него портфель.

Света повернулась к учителю, а сама глаза косит на Пиу-Пиу.

Инопланетянин положил перед собой лист бумаги. Достал две ручки и взял по одной в каждую руку.

– Непонятный этот инопланетянин, – фыркнула Света Гоше, который сидел как раз за ней. – На уроке нужны одна ручка, один карандаш, одна линейка и – как ни странно! – один ластик. Но точно не две ручки одновременно.

Гоша голову вытянул, посмотрел на инопланетянина. Почесал затылок – многие земные мальчики так делают, когда что-то непонятное видят.

– Пиу-Пиу, зачем тебе две ручки?

– Как зачем? – Инопланетянин быстро-быстро замотал головой. – Одной я пишу, когда просят что-то записать. А другой не пишу, когда не говорят записывать.

ЛЮБИМОЕ УМНОЖЕНИЕ

На первом уроке была проверочная работа на умножение. Пиу-Пиу обрадовался, потому что он и вообще все инопланетяне любят математику.

На Земле многие люди любят читать, а на родине Пиу-Пиу обожают считать. Часто, например, перед сном взрослые-инопланетяне с детьми-инопланетяничками решают уравнения – чтобы лучше спалось. А самые интересные и сложные примеры публикуют в газетах и показывают по телевизору.

– Ура-ура, прекрасная игра! – сказал Пиу-Пиу и тут же начал считать, а у самого улыбка до ушей.

Гоша немного подумал, потом ткнул инопланетянина карандашом в спину. Так всегда на Земле школьники с задней парты зовут школьников с передней парты.

– Пиу-Пиу! Раз ты так любишь умножение, реши и за меня, – шёпотом попросил Гоша.

Пиу-Пиу выхватил листок с заданиями у мальчика и с жадностью набросился на примеры.

– Всё решил! – похвастался Пиу-Пиу через минуту и с сожалением вернул листок.

– Так тут ничего не разберёшь! – тихонько возмутился Гоша. – Ты пишешь как курица лапой! Или даже как курица двумя лапами! Или как две курицы двумя лапами! Ужасный почерк!

– О да! – Пиу-Пиу гордо шлёпнул себя по лбу, как это принято на его планете. – У меня есть один очень хороший почерк и один очень плохой.

– А зачем тебе два почерка? – захлопал глазами Гоша. (На планете Земля некоторые люди так делают, когда что-то не понимают.)

– Хороший почерк – для контрольных работ. А плохим почерком я специально пишу – чтобы у меня не списывали.

ПЯТЁРКА

Когда проверочная работа закончилась, учительница взяла сначала листок с умножением у Пиу-Пиу.

– Ты, наверное, пришёл к нам из обычной школы, а не из математической, как наша? – спросила Елена Николаевна инопланетянина. – Наверное, несправедливо будет ставить тебе неудовлетворительную оценку, если ты плохо справился с заданием?

Проверила учительница математические примеры и удивлённо взглянула на Пиу-Пиу.

– Ты точно не списывал? – спросила она и тут же добавила: – Я думаю, тут без всяких вопросов нужно ставить пятёрку с плюсом.

Пиу-Пиу удивился и дёрнул себя за ухо.

– Это слишком лёгкий пример: пять плюс...

Но учительница его уже не слушала и собирала работы у других учеников – земных.

– Я не понимаю, – ткнул Пиу-Пиу в бок Свету, – какой пример мне задал учитель за то, что я хорошо решил задание?

– Это тебе оценку поставили, – пожала плечами Света, потому что все на Земле знают, что такое «пятёрка с плюсом». – В журнале напишут цифру пять, и всё. А плюс – это совсем не оценка. Он в журнал не ставится. Это так... Для красоты.

И Света убрала прядь светлых локонов за ухо.

– Не понимаю... Просто напишут одну цифру на бумажке?

– Да. Тебе напишут «5». Ещё могут написать «4», «3» или «2».

– А на моей планете всем, кто хорошо решил примеры, в награду выдают другие сложные примеры. Потому что все любят решать примеры.

– А мы любим получать цифры, а не решать ещё больше примеров, – ответила Света и показала Пиу-Пиу язык.

ОДИНАКОВОЕ

Посмотрел Пиу-Пиу на язык Светы, а потом на её листок с проверочной работой по математике и говорит:

– Ты плохо решила примеры и сделала две ошибки.

Света стукнула инопланетянина по голове учебником. Света всегда даёт учебником по голове мальчишкам, которые рядом с ней сидят. Вот и инопланетянину дала.

– Она что, в меня влюбилась? – обернулся Пиу-Пиу к новому знакомому, Гоше, сидящему как раз за Светой.

– Нет, она разозлилась, – пояснил мальчик и покраснел.

– А у нас, – инопланетянин потёр под носом, (В его школе все трут пальцем под носом, когда говорят или думают о девочках.) – у нас бьют учебником по голове тех, в кого влюбились.

– У нас тоже! – Гоша подпрыгнул от радости, что это одинаково во всех школах разных планет.

– Но ты же сказал, что Света разозлилась, а не влюбилась! – Пиу-Пиу так не терпелось услышать ответ, что он даже ушами пошевелил.

– У нас девочки бьют по голове и когда влюбляются, и когда злятся! – гордо ответил Гоша.

И тут же получил учебником по голове от соседки по парте, Алины.

– А эта девочка в тебя влюбилась или на тебя разозлилась? – уточнил инопланетянин.

Гоша только счастливо улыбнулся.

ПЕРЕМЕНА

Прозвенел звонок, и началась перемена.

Все вскочили с мест. Мальчики бегали по классу и кидали друг в друга скомканным листом бумаги, как это делают все школьники на Земле. Девочки разбились на три группы и тихонько обсуждали инопланетянина. На Земле многие девочки любят делиться на группы и шёпотом о ком-нибудь поговорить.

А Пиу-Пиу улёгся на парте, вытянул ноги, под голову положил учебник по математике, сладко зевнул и закрыл глаза.

– Ты что делаешь? – остановился около парты с лежащим инопланетянином Федя.

Дело в том, что Федя, в отличие от других мальчиков, на переменах не бегает по классу. Потому что предпочитает прыгать по партам. Так только некоторые мальчики на Земле делают, хотя учителя и просят их отказаться от этой вредной привычки. А тут Пиу-Пиу разлёгся и загородил Феде дорогу.

– Я ложусь спать! – инопланетянин приподнялся на локте. – У нас на переменах так принято. А у вас?

– А у нас просто нужно отдыхать, – ответил Федя.

– Но ведь лучше всего отдыхать во сне! – Пиу-Пиу почесал пузо, потом быстро-быстро замотал головой. – У нас кто первое всех на перемене заснул, тому дополнительно примеры дают порешать!

Девочки ахнули и схватились за головы:

– Бедненькие вы!

– На переменах я всегда лучший ученик! И за это почти каждый день получаю хорошие примеры на сложение. А в вашей школе мне обязаны поставить «пять» по засыпанию!

Пиу-Пиу снова улёгся и тут же уснул. Он был очень доволен, что так хорошо изучил систему оценок в школе на планете Земля.

ВТОРОЙ УРОК

Перемена заканчивалась. Второклассники разбудили Пиу-Пиу.

– Скоро будет второй урок, – сказал инопланетянину Федя и вытащил из кармана жёлтый карандаш. (У Феде всегда в карманах много всякой всячины.) – Сейчас рисование начнётся.

Пиу-Пиу кукарекнул и спрятался под стол.

Федя тоже залез под стол к Пиу-Пиу.

– Ты чего кукарекаешь?

– Страшновато стало, – ответил Пиу-Пиу.

Дело в том, что инопланетяне от страха именно кукарекают.

– А что же страшного в рисовании? – удивился Федя.

– Ну как, ведь на рисовании все должны нарисовать на лице самую страшную рожицу, какую возможно, и напугать любого одноклассника!

– А зачем? – услышав про рисование на другой планете, под парту к Пиу-Пиу залезло чуть ли не полкласса.

– Потому что на рисовании в школе мы учимся смелости и храбрости! Кто не кукарекнул от страха, тому в награду целую дюжину уравнений выдают!

– Эх, – вздохнул Федя, – нам бы такие уроки в школе! Только без уравнений. Но мы сейчас будем рисовать на бумажном листе подсолнух в вазе.

– А это не страшно? – уточнил Пиу-Пиу.

– Ни капельки. Но, если хочешь, я буду тебя держать за руку, – пожалела инопланетянина Света.

На уроке Пиу-Пиу почти не было страшно. Правда, Федя под конец занятия нарисовал себе на лице ручкой синие закрученные усы. Но Пиу-Пиу даже не кукарекнул, потому что получилось смешно. А Елена Николаевна даже не написала Феде замечание в дневник, а только рассмеялась.

В СТОЛОВОЙ

После рисования опять началась перемена. Пиу-Пиу уже приготовился немного вздремнуть, как произошло кое-что необычное. Во-первых, мальчики не стали бегать по классу и кидать друг в друга скомканным листом бумаги. А тихо выскользнули из кабинета. А во-вторых, девочки разбились на три группы и молча вышли из класса.

В кабинете остались только Пиу-Пиу и Федя, которого Елена Николаевна заставила после урока отмывать усы.

– Куда это все ушли? – спросил у Феде инопланетянин.

– В столовую на полдник.

Федя резво умылся, снял пиджак и вытер им лицо. Его синие усы стали чуть менее синими.

– А вас что, родители дома не кормят?

– Очень даже вкусно кормят, – обиделся Федя за всех родителей. – Только это когда было! Два часа назад.

Федя схватил инопланетянина за руку и потянул на первый этаж – в столовую.

– А-на-на-шей-пла-не-те-е-дят-раз-в-три-дня, – прыгал по ступенькам инопланетянин. – По-но-чам.

– Ну и зря! – Федя в столовой сел к первой попавшейся свободной тарелке, схватил ложку и принялся за еду. – Мы, наоборот, едим три раза в день минимум. А по ночам, тоже наоборот, не едим совсем!

Пиу-Пиу заткнул уши.

– На нашей планете запрещены тарелки и ложки, – объяснил он. – Потому что от них много шума. Из-за них могут ночью проснуться те соседи, кому ещё не пора за стол. И потому что мы посуду мыть не любим.

– А интересно было бы, – представил Миша, – если бы у нас тоже запретили ложки и вилки.

– Когда котлеты на обед, то ложки можно и запретить, – вдруг высказался Борис. Потом подумал и добавил: – А когда борщ, то лучше ложки не запрещать. – Подумал ещё. И ещё добавил: – Можно вилки только запретить, а ложки оставить.

– Мы никогда не понимаем, что Борис говорит, – шепнул на ухо Пиу-Пиу Гоша. – Его только учителя понимают.

Все с большим уважением посмотрели на Бориса.

У ЛУКОМОРЬЯ

На следующий урок Света отпустила инопланетянина с Борисом посидеть. Без этого, решил класс, экскурсия была бы неполноценной.

Началось чтение. Елена Николаевна осмотрела класс и сказала:

– Ну что, кто хочет мне стихотворение рассказать наизусть?

Борис поднял руку. Пиу-Пиу с изумлением на него посмотрел. И Борис сразу понял, что удивило инопланетянина.

– Когда на Земле ученик хочет ответить урок, он поднимает руку, – сразу пояснил он Пиу-Пиу.

– А на нашей планете тот, кто хочет ответить урок, должен встать на стул, – ответил инопланетянин.

– Борис, ты хочешь ответить первым? – спросила учительница и кивнула Борису.

– «У лукоморья дуб зелёный; золотая цепь на дубе том...»

Борис читал стихи с вдохновением и ни разу не ошибся. Елена Николаевна кивала в такт словам.

Когда стихотворение закончилось, учительница улыбнулась, а Пиу-Пиу захопал в ладоши.

– Ну же, – обернулся инопланетянин на второклассников, – он же хорошо читал! Почему никто не аплодирует? У нас в школе так благодарят хорошего чтеца.

Класс промолчал. На Земле это означает, что никто ничего не понял. И Пиу-Пиу перестал хлопать в ладоши.

– Спасибо, – шепнул Борис на ухо инопланетянину. – Как же приятно получать аплодисменты! Как думаешь, можно мне поучиться денёк в вашей школе?

ОДНО И ТО ЖЕ

Следующей рассказывать стихотворение вызвалась Света.

Пиу-Пиу приготовился слушать. Подпёр ладошками щёки и закрыл глаза. Так обычно на его планете наслаждаются стихами.

Света вышла к доске и громко и с выражением начала:

– «У лукоморья дуб зелёный; золотая цепь на дубе том...»

Инопланетянин подпрыгнул.

– Нет-нет, это стихотворение читать нельзя! – горячо возмутился он. – Это уже было сегодня!

– Опять ты? – Елена Николаевна схватилась рукой за сердце. – Да что с тобой сегодня, новенький? А ты, Светочка, не хочешь ли начать с начала?

– «У лукоморья дуб зелёный...» – Света недовольно зыркнула на Пиу-Пиу.

– Неужели вы всегда учите одно и то же стихотворение? – спросил инопланетянин землян после урока.

– А что такого... – пожали плечами дети.

– У нас на уроке, когда задают учить стихотворения наизусть, то все готовят разные. И мы слушаем не одно и то же, а много разных.

– А вдруг кто-нибудь слова подзабудет? Тогда и подсказать некому будет, если все разные учат, – Гоша покачал головой и украдкой посмотрел на соседку по парте, Алину.

В БИБЛИОТЕКЕ

– Пошли с нами в библиотеку! – предложили второклассники инопланетянину.

Была перемена, и Пиу-Пиу как раз укладывался на парту поспать, как это положено в его школе.

– Вообще-то я ни на кого не сержусь, – инопланетянин сладко зевнул и потянулся. – Но если все идут, то и я пойду.

Дети ничего не поняли из слов Пиу-Пиу, поэтому промолчали и пожали плечами.

В библиотеке все выбирали книжки, а Пиу-Пиу сидел на скамеечке и чего-то ждал.

– А почему вы не обзываетесь? – вдруг спросил он.

– А почему мы должны это делать? – удивился 2 «А».

– Но разве не для этого нужны библиотеки, чтобы громко друг друга обзывать? – инопланетянин почесал пузо.

– Нет, у нас в библиотеках нужно тихо разговаривать. И книги брать хорошие и умные, – ответили школьники хором.

– А нас в библиотеках книг нет совсем. Зато учат тому, чему ни одна книжка не научит! И чему ни на одном уроке не научат: как можно друг друга обзывать. Потому что вдруг в жизни пригодится! Вот!

Инопланетянин Пиу-Пиу гордо шлёпнул себя по лбу. Так на его планете все делают, когда чем-то гордятся.

– А мы просто не обзываемся! – обиделась за земных учеников Алина.

– А меня не надо учить обзываться, – шепнул Федя инопланетянину, когда все пошли в класс. – Я и так умею!

ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

Прозвенел звонок.

От резкого звука Пиу-Пиу тихонько кукарекнул.

– У нас перемена заканчивается, когда учитель говорит ласково: «Просыпайтесь, инопланетянчики», – пояснил он Феде, к которому теперь посадила его Света. Потому что после урока с Борисом можно и с Федей посидеть. – А урок начинается, когда все ученики класса зевнут по два раза и откроют глаза.

– Я один раз в день еле-еле просыпаюсь, – нахмурился Федя. – А несколько раз в день вставать – это для меня было бы как-то слишком чересчур...

– Давайте сегодня поговорим о домашних животных, – предложила Елена Николаевна. – Какие животные живут у вас дома?

– Кошка! – первая крикнула Соня.

Соня часто кричит громче всех.

– Попугай! – крикнул Миша.

– Золотая рыбка! – крикнул Борис.

– Пудель! – крикнула Вика.

– Заяц, три паука и носорог, – крикнул Пиу-Пиу.

– Первый день в нашей школе, а уже такие шутки на уроках! Как так можно? – рассердилась учительница и постучала указкой по столу.

– У вас тоже учитель стучит по столу указкой, когда просит ученика постоять немного на голове? – уточнил Пиу-Пиу у Феде, а сам приготовился уже вставать на голову.

– Нет! – замахал руками мальчик. – На Земле учителя так делают, когда сердятся.

– А почему она сердится? – Пиу-Пиу снова сел за парту.

– Потому что ты наврал всё про зайцев, пауков и носорогов! Никто не держит таких животных дома! Тем более сразу несколько! И тем более за один раз! – воскликнул Федя.

– Как же так? – удивился Пиу-Пиу и дёрнул себя за ухо. – На нашей планете у всех дома обязательно ровно пять питомцев. Ни больше ни меньше! Это такой закон. Чтобы как можно больше животных могли жить в хороших, инопланетянских условиях, а не в неудобном озере или холодном лесу.

Инопланетянин гордо шлёпнул себя по лбу.

– Но почему бы всем не держать кошек или собак? – уточнил мальчик.

– Каких животных поймают в дикой неуютной природе, таких нам потом и выдают, – Пиу-Пиу быстро-быстро замотал головой, как все на его планете, когда говорят о том, что все и так должны знать. – Мне ещё повезло. Вот у моего друга крокодил всю ванну занял, в зале на диване лось спит постоянно, в холодильнике два пингвина, а около батареи яйцо какое-то лежит. Пока не вылупится, даже и неизвестно никому, что там за питомец.

– А мне мама даже хомячка купить отказывается! – Федя горько покачал головой.

Так иногда можно на Земле возмутиться маминым поведением. Когда мама не видит, конечно.

ТЯЖЁЛЫЙ УРОК

– А у вас сегодня не будет музыки? – спросил Пиу-Пиу на перемене. – Для меня это самый тяжёлый урок. Потому что после него дополнительные уравнения – как у вас пятёрки – выдают только тем, кто охрипнет. А у меня голос сильный, я могу долго кричать. ПИИИИИ-УУУУУУ-СТОООО-ДВАААААДЦАТЬ-ПЯТЬ...

И все второклассники заткнули уши и подумали, что лучше бы инопланетянин испугался и кукарекнул, чем запел.

– Мы всегда на уроках музыки поём свои имена, чтобы было понятно, кто так громко поёт, – пояснил инопланетянин, и для этого даже перестал петь. Но потом снова затянул: – ПИИИИИ-УУУУУУ-СТОООО-ДВАААААДЦАТЬ-ПЯТЬ...

– Да уж! – перекричала инопланетянина Соня. – Хорошо, что у нас сегодня музыки нет!

– А какой урок у вас в школе самый тяжёлый? – спросил Пиу-Пиу.

Соня закатила глаза и стала наматывать прядь волос на палец. Так не все на планете Земля делают, только девочки. И только когда приходится думать, о чём раньше не думалось ещё.

– Уроки технологии, – ответил вместо Сони Миша. – Потому что это нужно же приносить папку с картоном, цветной бумагой, клеем, ножницами, ещё и пластилин... Целых три килограмма технологии – это тяжело.

НА ФИЗКУЛЬТУРЕ

– А самый любимый урок у нас – это физкультура! – крикнул Федя и попрыгал на одной ноге прочь из класса.

И все второклассники попрыгали за ним.

Пиу-Пиу сделал стойку на руках и тоже вышел из кабинета. И оказался в спортивном зале. Мальчики пошли в раздевалку для мальчиков, а девочки – в раздевалку для девочек.

Инопланетянина это не удивило.

– У нас тоже много раздевалок, – сказал он. – У каждого ученика – своя собственная! Потому что на нашей планете для маленьких инопланетян ничего не жалеют! Даже раздевалок!

Учитель физкультуры просвистел в свисток, и Пиу-Пиу раскинул руки в стороны и начал кружиться.

– Неужели на вашей планете не танцуют, когда слышат звук свистка? – инопланетянин удивился и дёрнул себя за ухо.

Дети покачали головой.

– А у нас все только так и поступают.

– Сигнал свистка означает, что начинается урок, – объяснил Борис.

– Нет-нет-нет! – не согласился инопланетянин. – На вашей планете урок начинается, когда звенит звонок! Вот так: «Дзинь-дзинь!» Это я хорошо усвоил.

– Да, – подтвердил Борис. – Но урок физкультуры начинается, когда учитель свистит в свисток.

– Наверное, физкультура для вас самый важный предмет, раз для него даже придумали свистеть в свисток вместо того, чтобы звонить в звонок! – Пиу-Пиу дёрнул себя за ухо от удивления.

ПРОЩАНИЕ

Уроки у 2 «А» закончились. Инопланетянин Пиу-Пиу 125 собрался домой.

– Кстати, – вдруг озадаченно поднял вверх указательный палец Гоша. (Так многие земные мальчики делают, когда им в голову внезапно приходит вопрос.) – Кстати, а как ты оказался у нас в школе?

– Да я просто летел в школу и немного задумался, – инопланетянин высунул язык. (Так многие инопланетяне делают, когда не знают, что ответить.) – Летел-летел, задумался и нажал не на ту кнопку. И вот оказался у вас.

– У меня такое же однажды было, – Миша подпрыгнул на месте от радости. (Так иногда от радости делают разные дети на планете Земля.) – Я однажды шёл в школу, но немного задумался и совершенно случайно пошёл в парк. Только на карусели когда прокатился, вспомнил, что в школу забыл пойти.

– Будет тебе от учителей теперь за прогул, да? – посочувствовала Пиу-Пиу Вика.

Она всегда за всех переживает, как многие девочки на Земле.

– Да-а, – вздохнул инопланетянин. – Сегодня мне в школе конфет не видать...

Пиу-Пиу помахал всем рукой и пошёл в школьную кладовку. Именно там стоял его космолёт.

– Ты прилетай к нам ещё! – крикнула ему Алина.

– Да, у нас не только школа есть! – подхватили остальные дети. – Мы тебе ещё столько всего показать можем.

Инопланетянин обернулся и топнул ногой два раза. На его планете так делают, когда грустно. Например, во время расставания с теми, с кем совсем не хочется прощаться.

Дверь кладовки захлопнулась.

Прозвенел звонок.

В школе начались уроки для второй смены.

**Валентин
СОРОКИН**

ПУШОК – НАСТИН ДРУЖОК

БАБУШКА И НАСТЯ

1

– Просыпайся, просыпайся! –
Насте бабушка кричит, –
Умывайся, умывайся,
Слышишь, носом ёж стучит?

И опять под ясным небом
Из тарелки не спеша
Настя сливками и хлебом
Кормит умного ежа.

Петуху даёт, хохлатке
По горошине,
Пушку –
Колбасы и крендель сладкий,
Как любимому дружку.

Ночью бегал огородом,
Лаял утром на заре:
Сторожил и дом, и воду,
И сарай во дворе.

-
- Валентин Васильевич Сорокин родился в 1936 году на хуторе Ивашла Башкирской АССР. Первые книги «Мечта» (1960) и «Я не знаю покоя» (1962) вышли на Урале. В 1962 г. вступил в Союз писателей СССР. В 1963–1965 гг. учился на Высших литературных курсах. Впоследствии Валентин Васильевич 31 год руководил ВЛК (1983–2014). В саратовском журнале «Волга» в 1965–1967 гг. Сорокин заведовал отделом поэзии, затем вёл отдел очерка, публицистики, поэзии в журнале «Молодая гвардия» (1967–1970). В 1970–1980 гг. Валентин Сорокин – главный редактор «Современника». Творчество Валентина Сорокина отмечено премией Ленинского комсомола, Государственной премией России, Международной премией им. М. А. Шолохова, Всероссийскими премиями С. Есенина, Н. Гумилёва, А. Твардовского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. Стихи переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

2

Две картошины Хавронье
Отнесла,
 пускай сама
И сороке, и вороне
Даст покушать задарма.

Воробьям, грачам и галкам
Накрошила сухарей,
Даже белкам, ей не жалко,
Только б ели поскорей.

И таскали в дупла деткам,
Ведь у белок малыши
Тоже прыгают по веткам,
Тоже очень хороши.

Но не все считают счастьем
Этот завтрак.
 Снова кот
Разобиделся на Настю:
У крыльца мяучит: – Вот,

Мне последнему сегодня
Предлагаешь кушать, я
Сто мышей в подвале поднял
И прогнал.
 А что свинья?

Белки что, вороны, галки,
Куры что?
 Добро, Пушок
Так брехал – отведал палки
И вдобавок батожок...

3

Настя мирно отвечает:
– А на завтрак и обед
Тот, я думаю, серчает,
У кого гармошки нет.

Поиграй, сыграй немножко! –
И опять учёный кот
Развернул свою гармошку
От калитки до ворот.

Навострил, наладил звоны,
Зашумела вся семья –
От Хавроньи до вороны,
От ежа до воробья.

Белки пляшут, корчат рожи,
Ястреб
 кружится как тень.
На концерт большой похожий
На селе обычный день.

ПУШОК И НАСТЯ

У Насти белый, белый нос,
А у Пушка ужасно чёрный.
И Настю мучает вопрос:
Ну кто Пушку намазал нос
И без того ужасно чёрный?

Пушок молчит, молчит она,
Не разговаривают оба.
– Скажи, я буду знать одна!
Но он молчит, молчит она –
Обиделись на тайну оба.

ПЕВИЦА

Сказала курица: – Пора
Мне сделаться певичею!
Она сбежала со двора
Актрисой, а не птицею.

Надела платье, и браслет,
И туфли...
 В город кинулась.
Вот и театр, знакомых нет,
И дальше не продвинулась.

А тут наглей, чем вороньё,
Бандиты рядом шарили.
Схватили бедную её,
Чуть дома не зажарили.

Примчалась курица назад
И петуху поведала:
– На сцене грязь, на сцене ад,
Я даже не обедала!

Петух расстроен:
 – Кох, кох, кох,
Не ела ты и не пила?
Вот рос в театре бы горох,
На сцене свары б не было.

ЗАБАСТОВЩИК

Приснился Насте ночью кот:
Стоит с гармошкой у ворот.

Звенит его гармошка.
В саду танцует кошка.

С Хавроньей кружится Пушок.
Петух нахохлил гребешок.

На ветке белка пляшет.
Крылом сорока машет.

И только ёж колючий
Сидит в траве пахучей.

Мод, Настя сливок не даёт,
И ёж бастует – не поёт.

СВИНЬЯ-МОДНИЦА

Чистой водой из родника
Настя хрюшке вымыла бока,

Полотенцем вытерла ей спину,
Гребешком расправила щетину,

Сбрызнула одеколоном Настя,
А Хавронья, глупая от счастья,

Сонная и жирная к тому же,
Из ворот – и повалилась в лужу.

Свиньи не меняют убежденья,
Грязь для них – большое наслажденье.

Но в селе с тех пор за лопухами
Пахнет лужа нежными духами.

КОТ И ПОЧТАЛЬОН

Перелистывал «Мурзилку»,
Перечитывал

и вот

Уронил журнал в корзинку
Со стола учёный кот.

И теперь сидит скучает.
Ждёт хозяйку и обед.
Кот газеты получает,
Почтальона долго нет.

А за речкой, за развилком
Двух дорог,
 где шум и звон,
Наклонился над «Мурзилкой»
Очень юный почтальон.

Наклонился, замечтался:
Как рисунок – так секрет.
И забыл, что кот остался
Без журналов и газет.

СТОРОЖ

Сосед лишь выйдет погулять
С мальчишкой в коляске,
Пушок начнёт хвостом вилять –
И столько в этом ласки!

Он любит Сашу, малыша,
И чести не роняет,
Весь день коляску не дыша
У рожи охраняет.

А я скучаю и грущу
И про себя толкую:
Пушку я многое прощу
За доброту такую!

У РЕЧКИ

Выплыл гусь из тёплой речки.
Вечер.

 Ливень.

 И роса.

Подошли к нему овечки,
И бурёнка, и коза.

Подошли и встали кругом.
Пусть в селе зажглись огни,
Но не могут друг без друга
Ночевать в хлеву они.

По лугам туман стеклянный
Закружился, и во тьме
Спит пастух, как деревянный,
Возле дуба на холме.

Возле дуба спит, а в мире
Высоко дрожит звезда.
От Москвы и до Сибири
Пролетают поезда.

Гнутся тонкие крушины.
Слабо светится звезда.
Рядом рыкают машины
И стрекочут поезда.

2

Впереди стальная птица
Поднялась
и ну крылом
С чёрной тучей смело биться
За деревней, за бугром.

Засверкали гневно искры.
Дрожь над ширью проплыла.
Скрылись мыши в норы быстро.
Ухнул филин из дупла.

Подкрепился ёж укропом
И тропинкою прямой
Покатился и потопал
Неколеблемо домой.

Обогнул, считай, берлогу
И форсировал ручей,
Распугал довольно много
Разных галок и грачей.

Пусть и опытный, и ловкий
Ёж, не трус и не хитрец, –
Был медведь в командировке,
А иначе бы конец.

Был медведь в тот вечер жаркий
И четыре кабана
На работе в зоопарке,
А иначе бы хана.

Коль болото – по болоту,
А коряжина – по ней.
Ёж ручной, и неохота
Жить среди чужих теней.

3

Возле грядки он родился.
Сливки пил и смирно рос.
Отклонился – заблудился.
Ночь, и дым, и сенокос.

В шалашах полно народу.
Ёж один на подвиг скор,
Поспешает к огороду,
К лопухам в знакомый двор.

Там тарелка и корыто,
Конура,
сарай,
наест.
Кот спокойно и открыто
На веранде сало ест.

А потом гоняет белок
От калитки до сосны.
Там горланят то и дело
Петухи, взрывая сны.

Там Пушок с ежом боролся
И в азарте на ежа
Нежной мордой напоролся
И покаялся, визжа.

Но наука – не утрата.
И с тех пор весёлый пёс
Полюбил ежа как брата,
Прикипел к нему до слёз.

4

Там гуляй куда угодно,
Хоть козлёнок ты,
хоть ёж.
И привольно, и свободно –
В мире лучше не найдёшь!

И теперь межой пахучей
Мудрый ёж, скиталец мой,
И усталый, и колючий,
Пробирается домой.

Мягко шлёпает и носом
Очень преданно стучит.
На иголках блещут росы,
Только лист уж не торчит.

Лист, наверное, свалился,
Отцепился,
легкотел,
Пошуршал и следом взвился
И со стаей улетел.

Ёж едва не влез в берлогу,
Одолел едва ручей.
Распугал довольно много
Разных галок и грачей.

5

Крокодила не встревожил:
Зубы – во,
 разинет пасть?..
Вздрыгнул ёж, мороз по коже,
Долго ль глупому пропасть?

А ручей глубокий, мутный,
Крокодил, поди, большой.
Ёж в опаске поминутной
Не сбобел, не сник душой.

Тянет мятой, тянет илом.
Берега, песок и дно.
А на месте крокодила –
Толстобрюхое бревно.

Но не встретил ёж в дороге,
А желал – тоска крута,
Ни вороны, ни сороки,
Ни учёного кота.

Ёж бежит, своя сторонка.
Хорошо:
 Пушок во мгле
Лает так, что слышен громко
Голос друга на земле.

**Анна
ХАРЛАНОВА**

ИЗ СБОРНИКА «ДОБРЫЕ РАССКАЗЫ»

Героиню этих историй зовут Наташа, для друзей и домашних – Тася. В некоторых рассказах этой девочке шесть лет, в других – восемь и даже десять. У неё чёрные кудрявые волосы, и это ей не нравится, а ещё она смуглая и весёлая, живёт в селе Доброе и постоянно попадает в забавные ситуации.

Поясню, что времена здесь описаны «доайфонные», когда Гимн Советского Союза знал каждый ребёнок, не говоря уже о взрослых, а «светлое будущее» должно было вот-вот наступить, со дня на день. Родители, читая эти истории, погружаются в собственные воспоминания, а их дети просто следят за приключениями Наташи, заодно узнавая новые слова. Вы удивитесь, но современные школьники слабо представляют, кто такие пионеры, Ленин и что такое магарыч.

Всего рассказов двадцать шесть, представляю вашему вниманию несколько из них.

«КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО»

Было лето. Август. Мухи не давали покоя. Ильин день давно миновал, поэтому купаться родители запрещали, но Наташа с закадычной подругой Зинкой бегали на речку просто так, всухую, прятались от зноя в тени старых ив и рыбачили. Пахло кувшинками, и тиной, и медовым, цветущим на берегу хмелем.

А папа в отпуске строил сарай и часто просил Наташу помочь: поддержать с другого конца доску или принести гвозди. Но предварительно они делали фундамент. О! Фундамент – это самое важное! Так сказал папа, когда замешивал в старом коры-

-
- Анна Харланова (Анна Павловна Чернышёва) родилась в селе Доброе в 1980 году. Окончила Литературный институт (проза, курс В.В. Орлова). Автор трёх книг. Победитель нескольких всероссийских и международных конкурсов, в т.ч. «Во славу Бориса и Глеба», «Золотое перо Руси», «Русский STIL» и др. Публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», «День и ночь», «Балтика», «Симбирск», «Формаслов» и др. Член СРП (Союз российских писателей), МГП (Международная гильдия писателей), творческого объединения детских авторов. Учредитель литературной премии им. А.И. Левитова, организатор Всероссийского литературного фестиваля в Липецке «ЛевитовФЕСТ». Живёт в Липецке.

те раствор. Ещё папа сказал, что в старину строили без цемента, вместо него использовали смесь куриных яиц с чем-то ещё, может, с песком. В их селе Доброе уцелела церковь, построенная таким способом. Её дважды взрывали, но сумели обрушить лишь одну стену, колокольня не шелохнулась, и тогда из неё сделали водонапорную башню. Наташа подносила отцу песок и внимательно слушала. Очень ей нравилось, что папа говорит с ней как со взрослой, на равных. Фундамент получился на славу – ровный и прочный. А вскоре и сарай вырос, словно и стоял тут всегда. Но когда пришло время красить, отец отправил Наташу подальше, к подруге, чтобы краской не надыхалась.

– Зинка, ну ты представляешь, – жаловалась Тася, – какая несправедливость! Можно ли так с человеком? Сарай вместе строили, а как до самого интересного дошло – уйди, девочка, не мешай!

Подруги шли по пустырю, заросшему ромашкой, на ходу загребали пальцами и срывали ромашковые головы, обрывали им лепестки, просто так, ещё не задумываясь над «любит не любит», как вдруг наткнулись на незавершённую стройку.

Остановились как вкопанные. Переглянулись. Глаза у Таси загорелись.

– Ага, – сказала девочка и тряхнула кудрявой головой, – у рабочих выходной. А мы-то как возьмём, как поможем им, я ж теперь специалист! Я ж теперь всё в стройке понимаю!

– А ты точно умеешь? – засомневалась упитанная Зинка, теребя свою косичку.

– Точно! – подтвердила Тася и напрямик направилась к старой ванне, в которой ещё не застыл свежий раствор. – Зинка, беги к своей бабушке, принеси из курятника побольше яиц...

Когда рабочие вернулись после выходных, они долго и вдумчиво курили, соображая, кому же взбрело в голову выложить стену из кирпичей, ставя их на узкую часть, как бы дыбом, да зацементировать так, что целый день потом бригада крепких мужиков ломала эту стену, выбивая кирпичи кувалдами. Виновных так и не нашли, а кирпич списали как бракованный и выбросили тут же, на пустыре, в заросли, откуда выглядывали лохматые девчачьи головы, одна тёмная и другая светлая.

– И чего они стену сломали, а? – шептала Тася, сидя в густых зарослях. – Мы ж им помогли! Вот неблагодарные.

Зинка шмыгала носом и хмурилась. А потом сказала:

– Упорство и труд всё перетрут.

И они стали ждать следующих выходных.

МАГАРЫЧ

Всем известно, что Наташин папа – доктор. Если ей случалось забрести на незнакомую улицу, бабульки, сидящие на лавочках возле своих домов, любопытствовали:

– Ты чьих же будешь?

И Наташа гордо отвечала:

– Я – дочь хирурга.

Бабульки с уважением кивали головами в белых платочках. Все знали, что с хирургом их району повезло, настоящий кудесник: и чирый удалит, и аппендицит вырежет, и голову пришьёт – бывали и такие невероятные случаи в их селе. Наташа привыкла жить с чувством гордости за своего отца.

И не было ни одного человека в Добром, который не знал бы доктора по имени-отчеству.

И всем известно, что люди хороших докторов любят благодарить. Называется это «магарыч». Наташе слово казалось смешным. Похоже на чьё-то отчество (как Михалыч) и ещё на слово «маргарин» похоже. В качестве магарыча обычно приносили разные продукты, кто банку молока, кто десяток яиц, а однажды подарили живого гуся, папа из вежливости его взял, но домой пришёл хмурый. Наташина мама долго уговаривала мужа обезглавить птицу. И топор приготовила, и огромный пень во дворе. Но отец ни в какую не соглашался.

– Ты же хирург! – упрекала его мама. – Каждый день кровь видишь. Ну чего тебе стоит, стукни разок топором – и всё. А дальше уж я сама, ощиплю-ошпарю, лапшу сварю.

– Нет, – говорил папа, – ни за что я этого делать не буду. Даже не проси, женщина! – И хмурился, и курил свой вонючий «Беломор».

– Да почему же?! – не унималась мама. – Из упрямства, что ли?

Папа пыхал папиросой, и смотрел в дальнюю даль, и молчал. А потом сказал:

– Я людей спасаю. А ты просишь убить.

И ушёл в дом. А мама взяла в одну руку топор, гуся зажала ногами, а свободной рукой вытянула гусиную шею насколько смогла.

– Да что ж это за шея такая змеиная! – возмущалась мама. – Подарили же чудовище, поди справься с ним.

А дальше она Наташу прогнала в дом, мол, нечего детям тут дожидаться. Вот перья ошипывать приходи, а пока брысь. Наташа ушла в комнату, где на диване лежал хмурый отец и смотрел в газету. На стене тикали ходики, оставалось пять минут до вылета кукушки. В окно, завешенное кружевным тюлем, светило летнее солнце, отпечатывая на полу узорчатые тени, которые шевелились от лёгкого сквозняка. Наташе было не жалко гуся, которого вот сейчас должны были зарубить. Наташа росла в деревне, а потому относилась к домашней птице как к живой еде. А вот отца девочке стало жалко.

– Папочка, не грусти, – сказала она, уткнувшись носом в папино плечо, от которого пахло больницей и сигаретами. – Скажи своим больным, пусть приносят дохлых птиц, и лучше с короткими шеями.

Тут папа внезапно рассмеялся, вскочил с дивана, подхватил Наташу на руки и поднял высоко к потолку:

– Что бы я без тебя делал, стоумовая ты моя! – И поцеловал в щёку, и поставил на пол. – Вот держи, совсем забыл с этим гусем.. Лечится у меня один приезжий южанин, какие-то фисташки принёс, вроде орехи..

И тут Наташа заметила возле дивана внушительный такой мешочек, от которого веяло незнакомым, волшебным запахом.

– Фи...сташки? – уточнила она.

– Фисташки для Наташки, – подмигнул папа и тут же развязал мешок и достал горсть светлых орешков, не похожих ни на грецкие, ни на лесные, разгрыз один и показал Наташе зелёную сердцевину.

– Хм, – сказал, – пахнет ёлкой. На, понюхай!

– Точно, похоже, – согласилась Наташа. – Может, это не фисташки никакие, а ёлочные семена?

Но папа её версию с ходу отмёл, сообщив, что семена у ёлки маленькие, невкусные и находятся в шишках. Они бы ещё побеседовали на эту тему, но пришла мама, утомлённая гусиной казнью.

– Фу-у-ух, – сказала она, плюхаясь на табуретку. – Это не гусь, это чудовище какое-то! И как люди их держат, не понимаю. Насколько удобнее куры: и яйца несут, и рубить их несложно. А тут одна шея чего стоит! Это какие же надо иметь руки, чтобы вытянуть эту шею!..

– Ну, так ты справилась? – перебил её папа.

Мама сверкнула взглядом и расправила плечи:

– Я. Справилась.

Она явно хотела добавить «в отличие от некоторых», но промолчала.

– А чего это у вас такое? – заметила она мешочек с фисташками. – Вкусное?

Папа мигом ей объяснил что к чему. И через минуту они сидели втроем на диване и грызли фисташки. А когда у всех заболели языки, пошли очищать гуся.

Всё бы ничего. На этом историю можно было бы и закончить. Но мешок-то с орехами ещё полон! Так что терпение.

Весь следующий день Наташа со своей лучшей подругой Зинкой сидели на диване, грызли фисташки, бросая скорлупки прямо за диван, и не оставили этого занятия, пока мешочек не опустел. Уф-ф. Ну вот и всё? Если бы! Если бы наутро Наташа с Зинкой не покрылись красными зудящими пятнами. Так они узнали новое слово «аллергия» и на всю жизнь запомнили фразу: «Всё хорошо в меру».

МАЛИНА

В середине июля самый зной! Как на экваторе. Конечно, Наташа на экваторе не была. Да и нигде, кроме Доброго, Москвы и Евпатории, не была. Но читала много книжек. Очень ей нравилась энциклопедия с картинками, в которой всё-всё объяснялось. И про страны, и про морских животных, и про явления природы. Одно огорчало девочку: всё на свете уже успели открыть и придумать до неё. И угораздило же её так поздно родиться! И космический двигатель уже изобрели, и подлодку, и таблицу Менделеева создали. Ну прямо тоска смертная! Ничего непредвиденного случиться не может! Жизнь понятна и проста. И записана в энциклопедию. И в конституцию – папа сказал, что в ней перечислены права человека. Например, право на личную неприкосновенность и неприкосновенность жилища. Что-то ещё про свободу совести. Но это Наташа плохо запомнила.

В середине июля здорово ходить на речку. Купались обычно на Стумойке, как прозвали небольшое ответвление от русла реки Воронеж. Берег пляжа зарос мягкой травой-муравой. Камыши, чтобы не разрастались, косили прямо с лодок. Так что купаться тут было хорошо. На мелководье плескалось много ребятишек, и взрослые спокойно их отпускали одних: ни течения, ни водоворотов в этом месте не было, тишь да гладь.

Так как Наташа кушала плохо, баба Маруна брала с собой на речку пирожки, варёную картошку и малосольные огурчики и кормила всем этим и внучку, и её подруг. На свежем воздухе Наташа ела лучше, чем дома, и бабушка с удовольствием наблюдала, как исчезают из миски котлеты и толстые ломти хлеба с сыром. Потом бабушка с пустой посудой уходила, как правило, оставив девочкам ещё яблок или помидоров про запас. Подружки плескались у мелководья, ныряли, брызгались, но однажды кое-что произошло. На пляж забрела чья-то корова. Большущая рогатая корова с огром-

ным выменем. Когда Наташа её заметила, та стояла над их вещами и жевала Зинкину юбку.

– Кыш, пошла, пошла! – зашумели на неё подружки.

Коров они опасались, так как их родители рогатую скотину не держали, а вот про то, что коровы попадаются «брухучие» – об этом всем известно.

Нашли палку, с трудом отогнали воришку и оценили ущерб: все помидоры исчезли, а Зинкина юбка оказалась пожёвана с одного бока.

– Надо написать конституцию для животных, – заявила Наташа, – чтобы знали, что чужого жевать нельзя!

А по пути домой нашло вдруг на них затмение. Наташа и не помнит, как это случилось, что ноги сами понесли их к соседской изгороди, через которую обильно свешивались ветки малины, тяжёлые от крупных ароматных ягод, нагретых солнцем. Вот так же вольготно, наверное, чувствуют себя медведи в малинике. Девочки ели ягоду с жадностью, она была такой вкусной, и она была ничьей, потому что свешивалась сюда, на дорогу, и сама просилась в руки. Пока одна малинка отправлялась в рот, рука тянулась за следующей. И кто знает, сколько могло бы продлиться такое наслаждение, если бы ожог крапивы не вернул девочек с седьмого неба прямо на пыльную дорогу, в июльский полдень, в село Доброе, к дому разгневанной соседки тёти Саньки. Крапива взлетала и опускалась в опытных руках, несущих кару. Девочки визжали от зудящей боли, которая никак не прекращалась. Спаслись бегством.

Бежали, потирая больные места, и причитали:

– Это ж разве её малина? Это ж ничейная малина, раз на дорогу свешивается! У-у-х, злая тётьенька!

Дома мама Наташу не пожалела, а объяснила, что малину судят по корням, раз корни в палисаднике тёти Сани, значит, и ветки, и ягоды принадлежат ей, несмотря на то, что они свешиваются через забор. Вот это да! Об этом в энциклопедии ни слова не было.

Сначала Тася на тётю Саню сердилась, потом, когда крапивные укусы стали проходить, прошла и её обида. Но всё-таки встречаться с недоброй соседкой не хотелось. Хотя куда от этого денешься, если живёшь рядом?

Шла Наташа как-то к Зинке, несла в кармашке карамельки-подушечки. Собирались они с подругой полежать под яблоней в гамаке и помечтать о принцах, как вдруг навстречу – тётя Санька! Увидела Тасю, нахмурилась, толстые руки на груди сложила кренделем и идёт. Назад не повернёшь, в кусты не шмыгнёшь, надо, значит, принимать решение. И неожиданно для самой себя Наташа подошла к тёте Сане и положила ей на сложенные руки конфету-подушечку. «Простите меня!» – и вприпрыжку к Зинке.

Тётя Саня потом долго рассказывала всем знакомым и случайным людям про кудрявую смуглую девочку, которая её удивила и научила прощать:

– Я ж её так сильно крапивой! Я ж живого места не оставила! А она, видишь что, конфету мне в руки. Я ей малину пожалела – её не пожалела. А она вон чего, совсем зла не держит...

ПОЧИТАЕМ?

Если бы Наташу спросили, какая книга ей нравится больше всего, она, не задумываясь, ответила бы: «Книга о вкусной и здоровой пище». А именно большая книга в зелёной обложке 1964 года выпуска. Было в ней много красивых фотографий изысканно сервированных блюд, было примерное меню

на неделю, советы хозяйке, рецепты полезного питания для детей и много диковинных слов, одни гребешки и артишоки чего стоят. Но самая любимая Наташина фотография – накрытый праздничный стол. На жёлтой однотонной скатерти – хрустальные вазы с цветами, салатки, заливное и целиком зажаренный поросёнок, и какие-то вина в тёмных и светлых бутылках. Вот красота!

Книгу эту Наташа листала, ещё не умея читать и писать, а когда научилась – начала выписывать рецепты в тетрадочку. Ведь когда-нибудь она, Тася, вырастет и тоже станет хозяйкой. Надо мотать на ус.

В Добром была библиотека. Находилась она в двухэтажном старинном здании, чуть в стороне от центральной площади с памятником Ленину, указывающему то ли на молочный магазин, то ли на хлебный. Мнения жителей в этом вопросе разделились.

В библиотеке всегда было темно, свет поступал через окна, но ударялся в первый же книжный стеллаж, на котором стояли книги от А до Я, по фамилиям советских авторов, и к следующим рядам с авторами иностранными свет едва проникал, а потому самый дальний угол был и самый таинственным. Тишину нарушали только скрипучие половицы. Пахло особенно: книжной пылью, сухой и шершавой, и было в библиотеке так уютно и спокойно, что Наташа не упускала случая туда зайти.

Записалась она в библиотеку сама, ещё в пять лет, сразу, как научилась читать. Начала с русских народных сказок, продолжила Пушкиным, Дюма и вот дошла до Майна Рида. Хороших книг было мало, желающих их прочитать – много, так что часто приходилось занимать очередь и ждать полгода, пока книга освободится. Всегда было так. Люди терпеливо ждали. Но не в этот раз!

«Всадник без головы» появился в Добровской библиотеке недавно, его ещё никто не читал и все хотели, а потому каждый норовил влезть без очереди, а местный хулиган по прозвищу Колчак тот вообще караулил со своей бандой в кустах прямо у входа в библиотеку. И когда Наташа безмятежным июльским днём вынесла долгожданную книжку в оранжевой обложке, шестое чувство ей подсказало: берегись. Баба Маруня это называла «пятой чую». И это чувство никогда ещё не подводило. Девочка насторожилась и внимательно осмотрелась вокруг, справа в кустах калины мелькнула нечёсаная голова, а рядом другая, послышался шёпот. В воздухе, как перед грозой, запахло опасностью. Наташа подтянула гольфы, набрала в грудь побольше воздуха и пробежала мимо кустов с неожиданной для хулиганов прытью. Тася бежала, не оглядываясь, позади слышался топот босых ног и шмыганье носов. Срезать путь! Через кусты! Мимо старых лип к зданию бывшей церкви, в котором теперь хлебный, молочный и комиссионный магазины. Только бы не упасть! Хлебный ближе всего, Наташа – туда, хулиганы за ней. В дверях все мигом перешли на шаг, выровняли дыхание и сделали безразличный вид.

В хлебном всегда были люди. Они чинно и не спеша передвигались по кругу, выйти за пределы которого им не позволяли изогнутые металлические поручни, по периметру стояли полки с круглым серым хлебом, батоны с изюмом и сухари. К полкам были привязаны металлические вилки, ими нажимали на хлеб, проверяя на мягкость. В конце круга была касса. За Наташей вошла толстая тётенька, она заняла собой весь проход, отгородив тем самым девочку от преследователей. Наташа лихорадочно соображала, что ей делать. Она вспомнила, что читала в какой-то книге, как в батоне пронесли в тюрьму ножовку. Нет, не то. В другой книге шпион съел свой

доклад, чтобы не отдать врагам. Тася взглянула на толстую книжку в жёлто-оранжевой обложке и подумала: «Эх, Майн Рид, не предвидел ты такую ситуацию». Без запивки не съесть. Что же делать? Девочка неминуемо приближалась к кассе. В кармашке была мелочь. Наташа выбрала мягкий, золотистого цвета батон, и вдруг её осенило!

– Тринадцать копеек, пожалуйста, – сказала кассирша.

Наташа высыпала мелочь, взяла батон под мышку и расслабленной походкой вышла из магазина. Колчак настиг её через три шага.

– Эй ты! Дай сюда! – крикнул он, хватая её за плечо.

Наташа спокойно повернулась и, глядя ему прямо в глаза, спросила:

– Что вам нужно, сударь?

Фразу она успела отрететировать, потому всё шло как по маслу. Сейчас она могла рассмотреть известного хулигана вблизи. У него были такие чёрные глаза и волосы, про которые пишут в книгах «чёрные как смоль». И почему такие красивые люди становятся хулиганами?

Колчак опешил:

– Книгу давай!

– Какую книгу? – по-прежнему спокойно поинтересовалась девочка, хотя коленки её дрожали, но, к счастью, этого никто не заметил.

Преследователи переглянулись, потом осмотрели Наташу, у которой не было с собой ни книжки, ни сумки, в которую её можно было спрятать, только свежий батон под мышкой.

– А зачем же убежала? – разочарованно спросил Колчак и цыкнул зубом.

– За хлебом, – кивнула Наташа на батон. – Домой спешу.

Хулиганы отстали. Какое-то время они смотрели ей вслед и перешёптывались. Потом ушли. Это Тася тоже почувствовала каким-то неизвестным науке органом, как и в случае с приближающейся опасностью. Тогда она круто повернула назад, заскочила в хлебный, в котором, на удивление, не оказалось покупателей. Пробежала против течения, то есть зайдя от кассы, и достала с полки из кучи золотистых батонов «Всадника без головы».

– Эт-то что ещё такое?! – возмутилась кассирша, и даже белая кружевная накладка на её волосах от удивления встала дыбом.

Наташа не ответила, широко улыбнулась и пулей выскочила на улицу. Огляделась по сторонам и, убедившись в том, что хулиганов поблизости нет, вприпрыжку отправилась домой, а именно в волшебный мир Майна Рида, в котором все скачут, даже безголовые люди. Таких Тася в своей жизни ещё не встречала. Жил в конце их улицы безухий парень, глухонемой, его все так и звали Немой. Лицо его было стянуто на одну сторону, на которой отсутствовало ухо. А ещё видела она «самовара» – жил в соседнем доме ветеран войны, у которого не было ни рук, ни ног. Но чтобы без головы – это уж совсем интересно!

**Александр
ЗИМИН**

Я ХОЧУ ОТКРЫТЬ ВАМ ТАЙНУ

Воробей поймал жука:
– Можно скушать вас слегка?

И за это, что хотите,
Для своей души просите.

Жук послушал чудака:
– Отпусти меня слегка.

Любит Таня молоко,
Любит Таня кашу.
Прыгать, бегать ей легко,
А не то что Саше.

Саша балует себя
Пряником, конфетой.
Сядет в кресло: «Это я
На машине еду».

Таня делает зарядку
И легка, как мотылёк.
Саша круглый, Саша гладкий,
Саша – просто колобок.

Таня ходит в магазин
И поможет маме.
Ну а Саша: «Нету сил.
Потрудитесь сами».

-
- Александр Иванович Зимин родился в 1974 году в г. Котовске Тамбовской области. Публиковался в городской газете «Наш вестник», в коллективных сборниках котовских литераторов «Утро», «Полдень», «Ещё не вечер». В 2005 году вышел авторский сборник «Я хочу открыть вам тайну».

Деловая пчёлка Аня –
В золочёном сарафане,

Прыг с цветочка на цветок –
От работы будет толк.

К чаю сладенький медок
Малышам подарит в срок.

Папа вёл из садика
Шестилетку Владика.

И спросил у Владика:
– Как у вас там, в садике?

Много в группе ребяташек,
Шалунов и кто потише?

Все ли дети на виду?
Кто сегодня был в саду?

Тут задумался Владюша:
– Был Данила, был Илюша.

Яна, Лиза, Ангелина,
Рита, Тёма и Алина.

Приходил Денис и Миша.
Видел Лену, Толю слышал.

Был Антон, Кирилл и Саша
И Алёна-растеряша.

Лида, Слава, Игорёк,
Василиса и Витёк.

Никого я не забыл?
Да! Обед ещё ведь был.

– Сколько тебе годиков,
Папочка, ответь мне?
– Двадцать восемь, вроде бы,
Я живу на свете.

– Ах, любимый папочка,
Мы ж родные люди,
Покажи на пальчиках,
Сколько это будет.

Я хочу открыть вам тайну –
Эта тайна неслучайна.
Всех, кого я повстречаю,
Лёгким смехом отмечаю.

Вот Алёша – мой сосед –
Переел вчера конфет,
А сегодня весь в зелёнке.
Пририсуй ему иголки –
Словно ёлочка в лесу,
С пёстрой птичкой на носу.

А на Машу поглядите:
Белый бант, зелёный свитер –
Одуванчик переспелый –
Только дунь, и полетела.

Вот и Вовчик –
Рыжий клопчик.

Мишка – ёжик,
Восемь ножек.

Даша – птенчик желторотый,
Коля – мяч в пустых воротах.

А к Алине приглядеться –
Будто банка с красным перцем.

Ну а Таня – просто чудо
В сарафане из верблюда.

Только я один хороший,
Потому что я Серёжа.

Мой большой велосипед
В яркие цвета одет.
Ты носи меня, носи
Круче ветра и такси.

Всё быстрее, быстрее, быстрее
Через парк, мосток, ручей.
Вот пошёл на верный взлёт
Двухколёсный самолёт.

Вот так чудо! Вот так дело!
Нет мечтам моим предела.

Я лечу под облаками,
Небо трогаю руками.

**Любовь
АНУФРИЕВА**

МЫШКА КЛАРА И НОВЫЙ ГОД

РОБИК-СЛЕДОПЫТ

В лесу от берёзы до ели, от ели до берёзы, а ещё от дуба и до сосны растянулись верёвки с деревянными прищепками. На ветру на них колыхались маленькие купальники и купальники побольше. А ещё панамки, шорты, платица и шлёпки. Хватило бы места, чтобы прицепить на прищепки и вымокших лесных жителей. Для белок и дятлов места точно бы хватило. И медвежонок Робик тоже уместился бы на верёвку. Правда, прищепка бы его не удержала. У неё бы сломались зубы. Но Робик не хотел сушиться после дождя. Он гулял по лесу в пижаме, с колпаком на голове. Иногда медвежонок останавливался и оглядывался, словно искал кого-то. Вдруг... кто-то громко чихнул.

– А-а-а-апчхи!

– Кто тут? – вздрогнул Робик.

– Это я!

– Кто я? – оглядываясь, спросил медвежонок.

– Твой колпак быстрее разглядел меня!

Робик сел на пенёк, прищурился и увидел перед собой девочку в широком балахоне и в оранжевой шляпке.

– Ты что, лунатик?! – спросила она.

– Вот придумала! Лунатики днём не ходят! – фыркнул медвежонок. – Я – Робик-следопыт!

– Хи-хи! И чьи же следы ты ищешь?

– Следы осени ищу! – гордо ответил Робик. – А ты не видела её следы?

– Хи-хи! Иди спать, Робик-следопыт. Пижамы на тебе составятся, пока следы будешь искать, – ответила незнакомка.

– Не хочу я спать. Мне надо найти хотя бы один след, – захныкал медвежонок.

-
- Любовь Андреевна Ануфриева (Ерофеева, Баяр Люба) родилась в 1987 году в деревне Гам Ижемского района Республики Коми. Окончила Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Работала в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). Преподавала в школе русский и коми языки. Сотрудник Литературного музея И. А. Куратова. Автор нескольких книг стихов, среди которых – «Птицы не осудят» («Linnud en taupit»), вышедшая в 2008 году в Таллине на коми, русском, эстонском, английском языках. Победитель нескольких республиканских поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

– Ладно, я тебе помогу, – сказала девочка. – А ты меня покатаешь на спине?

– Ура-а! Покатаю-покатаю! А тебя как зовут? – запрыгал Робик.

– Я – лисичка Кукуся!

– Какая же ты лисичка? Да ещё и Кукуся! У лисиц – пушистый хвост, четыре лапы, голова с ушками, тонкие усы, мешок хитрости и ещё много чего есть на мордочке! А у тебя всего лишь балахон, шляпа и «хи-хи»!

– Хи-хи! Да я же другая лисичка! Грибная лисичка! – залилась звонким смехом Кукуся.

У Робика закружилась голова от вопросительных знаков. Он почесал лапой затылок, нос, подёргал уши.

– Ха, грибная лисичка. Совсем ты меня запутала. Я о таких не слышал, – приуныл медвежонок. – Прокатить обещал, но пока кружится голова – не могу, уроню тебя, и ты разобьёшься.

– Робик, а ты подуи на меня. У меня сапожки к земле прилипли, давно тут стою.

– Чего только не придумает! Я долго вот нигде не стою и никуда не прилипаю. А ты червяков боишься?

– Червяков? – ужаснулась Кукуся. – Ты их видел? Они рядом, да?

– Я видел трёхэтажного червяка. Он искал тебя, Кукуся! – пошутил медвежонок.

– Робик, мне надо бежать в другое место, не то этот монстр испортит мой балахон и шляпу! Дуй на меня, дуй! Мне надо быстрее оторваться от земли, потом полететь высоко-высоко, а потом приземлиться на твою спину. И бежать, бежать... – ёрзая на месте, трещала лисичка. – Ты только никуда не отходи. В лесу много черники, свалюсь во-от на те кустики и не отмыть мне мой модный балахон!

– Какая же ты болтушка! Я бы успел уже подуть много раз. Ты пока выключи своё грибное радио – много тараторишь. На счёт «раз, два, три» я подую. Хорошо?

– Ура-а! Меня червяк не скушает! Я буду кататься на спине Робика!

– Раз, два, три! – Изо всех сил подул медвежонок. – Лети, Кукуся!

Лисичка оторвалась от земли и взлетела высоко в небо. Робик думал, что она приземлится быстро. Но Кукуся всё не опускалась. Прошла одна минута, вторая... прошло десять минут.

– Ну вот, теперь и Кукуся нет. И след осени не найду... – подумал Робик. – Мне бы уходить надо отсюда. А Кукуся не велела двигаться с места. Сейчас и я здесь прилипну. На мне состарится пижама, и проглотит меня трёхэтажный червяк...

Робик стало жутко. Он закрыл глаза. И вдруг его пижама заговорила:

– Мне страшно. Сними меня с себя. Ты дрожишь, и у меня от этого температура. Мне то жарко, то холодно, – заныла пижама. – Робик, ты жди лисичку, а мне ведь не надо её ждать. Она меня не просила её ждать. Я тебя подожду в дупле у совы. Через три дерева её дупло.

Робик открыл глаза. Осмотрел себя и молча снял пижаму.

– Беги, беги в своё дупло, – пробурчал медвежонок.

Пижама побежала от Робика. И только пуговицы у неё сверкали во время бега.

А медвежонок в колпаке всё стоял и стоял. Он ждал лисичку с неба. Робик смотрел и смотрел вверх. Смотрел и смотрел. И вдруг снова услышал: «хи-хи»!

На облачном парашюте спускалась Кукуся.

– Робик, ку-ку! Встань левее, нет, лучше правее. Подставь мне свою спину! Ай-ай! Робик, я уже совсем рядом, – кричала лисичка.

– Ура! Я тебя дождался, Кукуся! – закричал Робик.

Лисичка плюхнулась в его мягкую шерсть.

– Робик, на тебе растаяла пижама? – возмущённо спросила Кукуся.

– Не растаяла, а убежала в дупло, где живёт сова.

– Поехали за твоей пижамой! – сказала лисичка.

– Нетушки. Она меня бросила одного... А ты что так долго не падала на мою спину?

– В очереди стояла за парашютом. Вон смотри, какой белоснежный парашют. Он шит из облака.

– А ты отпустишь парашют на небо? – спросил Робик.

– Конечно, отпускаю! Такой парашют помогает только спуститься, а потом улетает, чтобы снова за ним стояли в очереди! Лети, облачный парашют!

Белое облако послушалось лисичку и улетело.

– Робик, нам пора за пижамой! – напомнила Кукуся. – И хватит уже хандрить. Без пижамы ты на следопыта не похож. Ну, совсем не похож! И даже хорошо, что пижама убежала к сове. Вот у совы и спросим про следы осени. Она их точно видела!

– Уговорила! Побежали!

Робик бежал не прямо, а огибал деревья, кустики и пеньки. Кукуся гордо стояла у него на спине. И ей сейчас был не страшен трёхэтажный червяк.

Через три дерева Робик и Кукуся оказались у старого дуба. Сонная старушка сова сидела на ветке рядом со своим домиком. Увидев медвежонка и лисичку, она широко раскрыла глаза, и через стёкла очков глаза показались глазищами!

– Ух, ух, ух! За потеряшкой пришли? – спросила сова.

– Откуда ты всё знаешь? – удивилась Кукуся.

– Так ко мне приходят только за потеряшками, – удручённо сказала птица. – Что же вы потеряли? Безделушек у меня много...

– На тебе моя пижама! – сказал Робик.

– Хотя она мне великовата, я тебе её не отдам! В этой пижаме очень тепло. Бери что-нибудь взамен.

– Мне ничего не надо взамен... Пижамы, ты чего молчишь? Тебе сова заклеила рот скотчем, а? – вспылil Робик.

Вдруг пижама вспорхнула с совы и долго кружила в воздухе, будто думала, как поступить, а потом молча обняла медвежонка.

– Ты больше так не делай, – тихо сказал Робик.

Пижамы крепче обняла своего маленького хозяина.

Робик посмотрел на сову и увидел, что она спит.

Но тут Кукуся снова захихикала, причём так заливисто, что с деревьев посыпались жёлтые, красные и оранжевые листья. Сова проснулась и даже не вспомнила о пижаме. А Робик вдруг у неё спросил:

– Сова, среди твоих безделушек не найдётся следа осени?

– В моём дупле не хватит места для такого огромного следа, – ответила сова.

– Как же не хватит? – удивилась Кукуся.

– У осени не один след, а много, – добавила сова.

– Расскажи, расскажи про её следы! – запрыгал Робик, а вместе с ним лисичка и пижама.

– Вот же она, осень! Везде! И следов не сосчитать!

Медвежонок осмотрелся и ничего не понял.

– Бабушка сова, ты нам покажи следы, мы не видим! – не унималась Кукуся.

– Ух, ух, ух! Это вам пора очки носить! Ну, молодёжь! – буркнула сова. – Лисичка, ты ведь тоже осенняя. Только осенью из земли вылупляются грибы. А ещё вон на тех верёвках сушатся вещи. Уже вечером за ними прилетят птицы, упакут в чемоданы и отправятся в тёплые края. Здесь им оставаться нельзя. Когда придёт мороз, они в ледышки превратятся. И хлопот у меня много. Лосёнку, дятлу и целой армии белок пообещала связать шерстяные носки, варежки, шапки и кофты... Всё мне надо успеть, ведь совсем скоро наступит зима.

– Откуда ты знаешь, что скоро зима? – полюбопытствовал Робик.

– Я в бинокль смотрела. Снеговики уже готовы к подушечным боям. Скоро белый пух покроет землю, – загрустила бабушка сова.

– А можно я погляжу в бинокль? – спросила Кукуся.

– И я, я тоже хочу! – обрадовался Робик.

Старушка сова недолго копошилась в дупле, а потом вытащила старый бинокль и протянула главному следопыту – медвежонку.

– Смотрите выше. Снеговики на облаках, у них горы подушек, поглядите-поглядите...

Робик, Кукуся и даже пижама по очереди посмотрели в бинокль. Они увидели на облаках гигантских снеговиков, те были выше ёлок и берёз, даже выше сосны и дуба. У них была целая фабрика подушек.

– Вот бы найти лестницу и подняться к снеговикам! Вот бы, вот бы!.. – приплясывал Робик.

– Снеговики сами спустятся вниз. А тебе, медвежонок, пора искать берлогу для зимовки, – посоветовала сова.

– Про берлогу я-то знаю. А какие ещё бывают следы осени? – протянув бинокль сове, спросил Робик.

– Ух, ух, ух! – сова огляделась вокруг. – Смотри, на земле волшебный ковёр из листьев зашелестел. И у него всё время меняется узор. Ветер подул – фш-ш-ш! – и ковёр стал другим.

– А ещё, ещё какие следы? – никак не мог угомониться медвежонок.

– Дай вспомнить... – задумалась птица и широко раскрыла глаза.

Сова думала, думала, ещё думала. А потом будто шишка стукнула ей в лоб.

– Ух, ух! Вспомнила! Как же мне этот след не нравится...

– Ну, говори же! – перебивал Робик.

– Не сбивай, снова забуду и уже не вспомню, – сказала сова. – Осенью дни очень короткие. Будто лампу включаешь и сразу выключаешь. А ещё осенью солнце ленивое, совсем не греет мои кости и перья. Бр-р-р...

– Так вот она какая... осень! Так много у неё следов! – только и мог сказать Робик-следопыт.

Тем временем птица снова задремала. А пижама вдруг сорвалась с медвежонка и полетела к сове. Она взяла её на руки и занесла птицу прямо в дупло. Там пижама усадила сову в кресло-качалку, укрыв шерстяным пледом. Рядом положила её старый бинокль. Робик подумал, что его пижама там и останется, и он уже собирался уходить с Кукусей. Но тут пижама вылетела из дупла и гордо села на спину медвежонка.

– Хи-хи! Поехали! – звонко засмеялась лисичка. – Покатай нас ещё, Робик-следопыт!

Медвежонок Робик помчался по волшебному ковру, он был доволен, что нашёл следы осени. А ещё он радовался, что везёт на спине друзей – верную

пижаму и лисичку Кукусю, которой уже не страшен трёхэтажный червяк, ведь медвежонок для неё был пятиэтажным!

МЫШКА КЛАРА И НОВЫЙ ГОД

Жила-была полевая мышка Клара. Маленькая-премаленькая. С ноготок. Клара редко выходила из своего крохотного домика: ещё ветром унесёт или наступит на неё огромная лапа лесного чудища.

Но однажды утром Клара увидела в окно, как возле ёлки Лары играют в снежки зайцы, лисички и бельчата. Мышке захотелось тоже с ними поиграть. Клара шустро надела вязаную красную шапку с большу-у-щим помпоном и длинное-длинное мандариновое пальто. Даже хвоста не стало видно! А на лапки надела валенки. И отправилась к Ларе.

– Раз, два, три, четыре, пять, – считала вслух мышка, – шесть, семь, восемь, девять, фу-у-у, – вздохнула Клара. – Уже совсем близко. Один шагочек. Ух! Десять!

Так она повторяла сто, а может, и двести раз. А когда пришла к ёлке – возле неё уже никого не было.

– Эх, не успела. Все уже разбежались по домам, – пропищала Клара.

Но вдруг ей почудилось, что Лара плачет.

Клара прислушалась: и вправду плачет.

– Хли-хлип, кап-кап!

– Ты чего плачешь?

– Как же мне не плакать?! – всхлипывая, ответила ёлка. – От меня сбежала старушка Йо. А я хочу платье в горошек! Хочу, хочу, хочу! Смотри, какая я некрасивая. В таком платье не встречают Новый год, – оглядев себя, прохныкала Лара.

– Платье как платье. Не дырявое, значит, хорошее платье, – подбодрила мышка ёлку.

– Ничего ты в платьях не понимаешь, – пробубнила Лара. – Теперь в моде зелёное платье в крупный белый горошек, а не вот это... болотного цвета со зверятами.

– По мне, так у тебя нарядное платье. А не нравится – найди старушку Йо. А мне пора домой возвращаться.

– Не уходи, помоги мне поймать Йо, – заныла Лара.

– Вот скажи, почему она от тебя ушла?

– Она... она в снежки хотела поиграть. А у меня дел невпроворот: платье выбрать, платье померить, платье снять. И так по многу раз. Без Йо никак, совсем никак. Только она умеет мне подбирать наряды.

– Тебе жалко, чтобы Йо поиграла в снежки? Это же недолго! Я вот долго сюда шла и не успела поиграть... А она бы успела. И успела бы ты платье примерить много раз.

– И что мне теперь делать? Ты сможешь мне найти Йо?

– У Деда Мороза попроси. Он ведь всё может. А я не знаю, где искать твою старушку. Я её никогда не видела.

– Я уже не маленькая, чтобы загадывать желания. И вообще я никогда не была маленькой, я родилась высокой, – капризничала Лара. – А Йо ни с кем не спутать. В нашем лесу только она похожа на розовую мороженку!

– Как это на мороженку? Она ледяная, что ли? – заинтересовалась Клара.

– Да нет же! Она маленькая, но не пузатенькая. Йо пышная! Очень любит розовый цвет! Платье, шубка, колготки, берет, шарфик, варежки, сапожки – всё розовое!

– Ну если так, тогда точно ни с кем не спутаю. А ты чего сама не пойдёшь искать Йо?

– Я только стоять могу, ходить не умею. Но у меня есть рыжий вездеход Боря! Поезжай на вездеходе до конца во-о-н той полянки. Видишь?

– А что там?

– Швейная мастерская старушки Йо. И платье в горошек...

– Хорошо, я тебе помогу. Только пусть Йо тоже играет в снежки. И зря ты не загадываешь желания. Если чего-то очень, очень хочешь – Дедушка Мороз исполняет раньше...

– Ладно-ладно, – согласилась Лара. – А вот и Боря подъехал.

– Т-р-р, т-р-р. Куда едем? – заважничал вездеход.

– Боря, ты же всё слышал. Твой гараж на моих ветках. Ну что ты?! – возмутилась Лара. – Ты с Кларой едешь за старушкой Йо, я не могу без платья в горошек. Только туда-обратно, мне наряжаться пора, – вздохнула Лара. – И не забудь, надо доехать до конца полянки, – напонила ёлка Кларе.

Мышка села в вездеход. Лапки у неё задрожали. Б-р-р-р! Клара впервые села в транспорт.

– Едем до мастерской Йо! – только и сказала мышка.

– Так точно! Трр-трр. Клац-клац, – пробурчал Боря и поехал по хрустящему снегу.

Трр-трр. Клац-клац. Трр-трр... – только и слышно от гусениц вездехода.

Клара ехала по маленьким и большим сугробам. Вездеход двигался очень быстро. Он словно плыл по снегу! На то он и вездеход! Вокруг них были низкие и высокие ёлки.

– Боря, гляди там справа совсем ещё крохотная ёлка! Какая же она симпатичная! Смотри, у неё на ветках блестящие игрушки: медвежата, волчата, зайчата... Смотри-смотри, а слева – ёлка с конфетками, мармеладками, пряниками. Как же здорово! Сладкая ёлка! – любовалась мышка.

– Трр-трр, трр-трр. Гирлянд-то сколько! Аж слепят! – отвлекаясь от дороги, проговорил вездеход.

И бам-бам! И бум-бум! Ба-бах! Боря вдруг провалился под снег и попал в тёмный туннель. Но он не остановился, а поехал дальше. Только и слышалось – трр-трр, клац-клац.

– Как же тут темно и страшно! Куда ты едешь? Тут же ничего не видно! – встревожилась Клара.

– Прорвёмся-а! – ответил Боря.

– А-а-а! – подхватило эхо.

Они ехали по тёмному туннелю не так долго. А потом – бум! – врезались во что-то мохнатое и тёплое.

– Кто тут? – настороженно спросил вездеход. – Пропусти нас. Ну, скорее же. Трр-трр.

На это тёплый и мохнатый только прохрапел.

– Х-р-р-х-р-р, ух, х-р-р-х-р-р...

– Тише! Тише! Больше ничего не спрашивай! Ти-хо! Здесь спит медведь... – прошептала Клара.

– Ой-ой, мы влипли! – Все железки в Боре задрожали.

– Тише ты, тише. Т-с-с. Медведь крепко спит. Т-с-с...

– Мы попали в его берлогу? – шёпотом спросил вездеход.

– Некогда тут разговаривать. Выбираться надо! – посоветовала мышка. – Если медведь проснётся, он нас точно съест. Пи-пи-пи.

От испуга Боря прибавил газу и рванул прямо по спящему зверю. На спине медведя он забуксовал: ох, и шерсть у него густая! Потом снова дал газу и вынырнул из-под снега на полянку. Трр-трр, трр-трр. Медведь даже ничего и не учуял. Из-под сугроба доносился его тяжёлый храп.

– Хрр-хрр, ух, хрр-хрр...

– Ну ты напугал меня! – сказала Клара.

– Сама же напугала: медведь нас съест. А я не хочу быть сломанным.

– А я не хочу быть укушенной. Поехали дальше...

– Трр-трр, клац-клац, – заторопился Боря.

Они ехали, ехали... И снова ехали, ехали... Впереди виднелся тусклый свет. Мышка пропищала:

– Боря, мы уже совсем рядом. Смотри, огонёк горит в мастерской Йо.

– Скоро будем! – радостно ответил вездеход.

Но не тут-то было! Вдруг подул, забуянил ветер. Дорогу преградило чёрное дерево с мощными мшистыми ветвями. У дерева была огромная голова, на голове – шапка-цилиндр, а глаза у него горели красными огнями. Оно было одето в лохмотья и напоминало пугало. Только вокруг него не кружили птицы.

– Не пропущу! А-ха-ха!

– Ууу! – запищала от испуга Клара.

– Да-да, я полицейский У. Ты правильно подметила, деточка!

– Да не знаю я тебя! У-у-у! – снова запищала Клара.

– Мы тебя пообедем! Трр-трр! – затараторил вездеход.

– Не пропущу! Меня ещё никто не объезжал!

– Пропусти нас, мы торопимся! Нам без Йо никак. Пи-пи-пи, – умоляла Клара.

– Ночью все спят. Даже самые непослушные!

– Да мы послушные! Просто нам некогда спать, – проговорила мышка.

– Все так говорят! Ну-ка, заезжайте на мой участок, – предложил У. –

Вот в эту дверцу.

В чёрном дереве открылась лохматая дверь. Клара и Боря заехали в дерево. Трр-трр, клац-клац. Потом дверь захлопнулась, и У пошёл дальше по лесу искать ребят.

В чудовище-дереве было уютно. Всюду горели лампы. Мышка и вездеход оказались в просторной комнате с огромной люстрой. Ну, такие только у королей бывают. Там стояли круглый стол и венские стулья. А на столе чайник и блюдце с баранками. И ещё там была картина во всю стену. На ней были нарисованы У и много-много задержанных зайцев, сов, лис. Они все улыбались, будто их задержал не полицейский. В комнате вместо дивана лежали огромные разноцветные подушки, на них плюхнись – и сразу заснёшь.

– Раз нас поймали, так давай отдохнём, – сказала мышка. – Дождёмся утра, а потом снова в путь...

– Тебя до какой подушки подвезти? – спросил Боря.

– До той, зелёной, что поближе.

Клара села в вездеход, и они доехали до подушки. Клац-клац, трр-трр, трр-трр.

Мышка сняла валенки, шапку и пальто. Потом вскарабкалась на зелёную подушку, зевнула, вытянулась, потом снова зевнула, обняла подушку и уснула. Боря прижался к подушке и тоже заснул.

А наутро в подушке залаял будильник-пёс.

– Гав-гав! Гав-гав!

– Ой, вот это будильник! Полицейский, что, запер пса в подушке? – потирая лапками глаза, спросила Клара. – Как у него здесь всё странно. Поехали отсюда.

– Давай ещё поспим... – пробурчал Боря.

– Нетушки! Скоро Новый год. На моём хвосте уже пляшет Новый год, – одеваясь сказала мышка. – Мы и так много времени потеряли. Смотри, как хвостик танцует! А ёлка Лара всё ещё без платья в горошек.

В тот же момент в дереве открылась скрипучая дверь. Боря и Клара выехали оттуда. Полицейский У неподвижно стоял на полянке и от других деревьев в лесу ничем не отличался.

Вездеход с маленькой пассажиркой поехал дальше через полянку. Трр-трр, клац-клац, трр-трр. Ехали они, ехали и наконец-то увидели деревянный домик.

– Ура-а! Вот мы и приехали! – закричал Боря.

– Ура-а! – не удержалась Клара.

Йо выбежала на шум во дворе.

– Боря, а ты чего приехал? – сев на сугроб в пышном платье, спросила старушка. – Я никого не ждала, – вдруг вырвалось у Йо.

– Милая Йо, поедем обратно к Ларе, – сказал Боря.

– Я не хочу возле неё крутиться. Зря ты сюда приехал, – быстро ответила Йо.

– А вот не зря. За тобой приехала самая крошечная мышка на свете. Она, как и ты, любит играть в снежки, – добавил вездеход.

– Пи-пи-пи, пойдём к Ларе, одной ведь скучно встречать Новый год, – тихо пропищала Клара.

– Ой, какая ты крошечная, а какая мудрая! Такие только на луне живут! – восхитилась старушка. – Ты подружка Лары?

– Я просто хочу ей помочь, – ответила мышка. – Лара такая красивая, а красавицы любят платья. А ты самая лучшая швея во всём лесу! И самая модная, – оглядев с ног до головы старушку, сказала Клара.

Йо спрыгнула с сугроба, стряхнула снег с платья, а потом пристально посмотрела на Борю, а затем – на Клару.

– Такая крохотная мышка и так быстро уговорила поехать к Ларе, – размышляла вслух Йо. – Она заколдованная. Обычно мышки тащат из шкафа хлеб с сыром и грызут тайком, а эта печалится за ёлку. Странная Клара... – не могла успокоиться старушка. – Уговорили! – громко сказала Йо. – Да и платье для Лары давно готово. Я-то думала, что она сама ко мне придёт. А у неё помощники появились.

– Так Лара же только стоит на месте, ёлки не ходят! – сказала Клара.

– Ёлки летают! – вдруг кто-то звонким голосом ответил в воздухе. – А-а-а-а! Клара-а-а! Я загадала желание раньше, и оно сбылось! Дед Мороз меня услышал! Я летаю-у-у! Как же хорошо летать!

Старушка Йо, мышка и Боря посмотрели на небо и увидели летящую Лару.

– Спускайся, ты же упадёшь и разобьёшься, – забеспокоилась старушка.

Лара огромной птицей спустилась на полянку.

– Вот ты, проказница! – не удержалась Йо. – Умудрилась взлететь. А вот и платье для тебя!

Вдруг открылась дверь мастерской Йо, и оттуда выбежало зелёное платье в крупный белый горошек. Платье повернулось к Ларе:

– Я тебе буду в самый раз! – платье обняло свою хозяйку. – Твоя Йо самая чудесная!

Старушка Йо стала розовее, будто она перестаралась и сильно припудрила свою одёжку, а ещё лицо и нос.

– Ты самая красивая, Лара! – только и добавила Йо.

– Да-да, ты очень красивая! Посмотри на себя, – вытащив из кармашка пальто зеркало, предложила Клара.

Лара улыбнулась мороженке-швее, мышке и платью. Боря закружил вокруг ёлки. Трр-трр, клац-клац, трр-трр! И вдруг много-много нарядных ёлок прилетело к мастерской Йо. Прибежали зайчата, бельчата, лисята, а ещё пришёл полицейский У. Во дворе старушки до позднего вечера все играли в снежки, а потом в прятки, а потом снова в снежки. И даже в полночь У никого не загнал на свой участок, а вытащил из своего чулана много-много хлопушек и разрешил шуметь до самого утра.

– Бам-бам! Бам! Ба-бах! С Новым годом! Бам-бам! – трещали хлопушки.

В новогоднюю ночь мышка Клара решила, что теперь она чаще будет выходить из своего домика, ведь у неё стало много друзей. А у Дедушки Мороза она попросила самолёт. Вездеход Боря устанет добираться до луны, ведь надо будет проехать до неба, потом по небу, а затем по звёздам, ещё объехать Большую Медведицу и убежать от огнедышащего Дракона.

– Как же хорошо летать! – повторила мышка слова Лары. – Скоро полечу на луну. Там тоже живут крошечные мышки, надо и с ними как-нибудь встретить Новый год! – мечтала Клара и любовалась летающими ёлками и розовой мороженкой Йо.

**Наталья
БЕЛОЕДОВА**

ПРО КОЛЮ

КОЛОДЕЦ

Набирать из колодца воду –
Не очень приятное дело.
Ведро не поднимается вверх.
А вот вниз летит то и дело.

Когда полетело в последний раз,
Ко мне подошёл дяденька
И очень строго при этом сказал:
– Мальчик, не хулиганьте!
Колодец – это серьёзный объект.
Для баловства непригодный!

И тут ощутил я, как сильно люблю
Кран домашний, водопроводный.

СЛУЧАЙ В МАГАЗИНЕ

Однажды я шёл по магазину,
А впереди шла тётя.
– Тётя, могли бы вы уступить дорогу?
Тётя, пройти позвольте.
Но тётя меня не слышала
И шла, преграждая дорогу.
А потом поскользнулась случайно
И чуть не сломала ногу.
– Ах ты, нехороший мальчик!
Чуть ногу из-за тебя не сломала!
– Я же сказал: «пожалуйста».
(Разве этого мало?)
Наверное, здесь убирались –
Скользкою стала плитка.
Но тётя не останавливалась

-
- Наталья Анатольевна Белоедова родилась и живёт в Ташкенте (Узбекистан). Окончила Ташкентский государственный университет по специальности «Русская филология». Участница международных форумов и семинаров молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья фонда СЭИП. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Простокваша», «Жирафовый свет», а также на портале «Белый мамонт» и др.

И ругалась шибко.
Вот ведь несправедливость!
А ещё говорят, что дети плохо воспитаны.

КАК КОЛЯ ОДИН ПУТЕШЕСТВОВАЛ

ПРО ДЯДЮ И КОНФЕТЫ

Дядя сидит в аэропорту,
Постоянно конфеты жуёт.
Одну за другой бросает в рот.
(Ну надо же! Не устаёт.)
Скоро, наверное, дяде лететь.
А вдруг у металлоискателя
Поменяли программу –
И он стал конфетозапоминателем?
– Извините, вы съели сто двадцать конфет.
Вам на борт не положено!
Дядя бредёт обречённо в буфет
И пьёт кефир осторожно.
(Чтобы скрыть конфет содержание.)

ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ В ДОРОГЕ

Двадцать часов в дороге!
Я вам скажу – не шутки.
Сначала я сел в автобус,
Потом летел на маршрутке,
Потом электричка, потом самолёт,
После – такси.
И вот!
Стою перед мамой,
А мама меня как будто не узнаёт.
(Ещё бы! Я бы и сам себя не узнал,
Если бы пришлось узнавать.)

СДАЛ ЧЕМОДАН

Ура! Я сдал чемодан!
Наконец-таки сдал чемодан.
Я таскал его целое утро
И ещё целый день таскал.
Многие могут задаться вопросом:
– Ну, подумаешь, чемодан?!
Это обычное дело в дороге.
Чемодан у мужчин и дам.
Ага! Как бы не так!
Не так!
Мой чемодан весил
Целых сто двадцать пять килограмм.
Поэтому я сейчас весел!

ДЕВОЧКА В АЭРОПОРТУ

Девочка в аэропорту спрашивает,
Спрашивает маму и папу:
– А куда мы сейчас поедём?
И дёргает папу за лапу.
– В Ташкент!
– А потом куда?
(Девочка не отстаёт.)
– Потом домой!
– А потом куда?
– Потом в детсад!
– Не пойдёт! Потом куда?
– На танцы, на йогу, на музыку,
Рисование.
– Не хочу! Не хочу! Не хочу!
(Неожиданные признания.)
– Я хочу дома сидеть каждый день
И всё время мультфильмы смотреть!
Это куда занятнее, – сказала девочка,
Пританцовывая.
Потом начала петь.

ПРО СЕРЬЁЗНЫХ ЛЮДЕЙ

В аэропорту все сидят серьёзные,
С вдумчиво-задумчивыми лицами.
А мне в аэропорту почему-то весело,
Никак не остановиться.
Вдумчиво-задумчивые дяди и тётки
Полагают, что смеюсь над ними,
И вызывают главного милиционера
С милиционерами другими.
Они глядят на меня строго:
– Мальчик, тут не смеются.
Но потом почему-то улыбаются
И от меня удаляются.
А один милиционер даже хихикает потихоньку.

ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

Когда объявляют посадку,
Коля не понимает,
Почему люди бегут со всех ног
И даже друг друга толкают?
Потому что, если бежать быстрее
(Так отмечает Коля),
Будешь дольше стоять у дверей
В вытянутом коридоре.
А если только слегка замешкаться
(Сделать вид, что ты занят),
Можно легко попасть в самолёт,
Без всяческих испытаний.
Коля теперь каждый раз
Слегка мешкается.

ПРО САМОЛЁТ И РАЦИЮ

Коля сидит в самолёте.
Объявляют какую-то информацию.
Коля старательно прислушивается,
Но это напоминает рацию,
Которую он видел у милиционера:
Она говорила что-то,
Ещё шипела постоянно
И квакала отчего-то.
То же самое в самолёте.
Коля ни слова не понимает.
Смотрит по сторонам на других ребят,
Те головами кивают.
Мол, слышим, слышим,
Но не понимаем ни слова.
Лучше смените рацию!
Или девушку, наконец,
Ну, или поставьте ей дикцию.

КОЛЯ И ГОРЫ

ГОРЫ ВМЕСТО МОРЯ

Коля поехал в горы с семьёй.
(Коля влюблён в горы.)
Ему подавай глубину и ширь.
Просторы.
Просторы.
Просторы.
Коля в дороге в блокнот записал:
«Вместо моря у нас горы».
Но как только приехал туда с семьёй,
Дописал:
«И немного моря».

НИКАКИХ УДОБСТВ

В горах совсем никаких удобств.
Ну, как бы вам это сказать?
Допустим, стол, кресло, кровать.
Туда не возмёшь кровать.
Допустим, краё, туалет и душ
Туда не возмёшь никак.
Зато в горах есть слово «овраг».
Точнее, там есть овраг.
Так вот,
Когда возникает такая необходимость,
Мы говорим:
– Я в овраг!
И больше ничего не уточняем.

ПРО ПТИЦ И КОРОВ

По горам гуляют коровы.
Влево-вправо и вправо-влево.
У коров на это есть право
И даже намечены цели.
Коровам мила трава,
Та, что растёт справа.
Коровам милы кусты,
Те, что цветут слева.
А вот птицам, что любят просторы,
Милее спины коровьи.
Они взгромоздились сверху
И теперь не летают, а ездят.
Влево-вправо и вправо-влево.

КОЛЯ УЕЗЖАЕТ ЖИТЬ В ГОРЫ

Коля твёрдо решил,
Что он уезжает в горы.
Если бы кто спросил,
То он бы ответил:
Не с горя!
А потому решил
Так окончательно Коля,
Что видит в горах ширь,
Солнце, зелёное поле.
А ещё там можно не делать уроки
И целый день рисовать пейзажи!

**Наталья
БОНДАРЕНКО**

ПРИВЕТ! Я – АРТЁМКА

РОМАН В РАССКАЗАХ

Журнальный вариант

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Привет! Я – Артёмка. Удивились, почему я вдруг пишу вам? Хочу найти друзей везде, где они только могут жить. Ведь это здорово – дружить на веки вечные!

Но сначала о нашей семье – как она начиналась.

Было всё просто. Наша будущая мама просто встретилась с нашим будущим папой. И не важно, где и как, главное – они поженились. И появились мы с Алькой. Первая – Алина, а через четыре года – я. И жизнь, по словам папы, стала разноцветной и многогранной. Ну, как стёклышки в Алькиных секретиках. А мама превратилась, как сама говорит, в белку, скачущую в колесе, – она закрутилась с делами. Какими? Перечисляю. Пение колыбельных – раз, книжки нам читать – два, складывать слоги в слова, кукол наряжать... э-э... угощать наших друзей вкусняшками, зелёной гадостью смазывать мои раны, кормить нас кашей по утрам... И это не всё, если хорошо подумать. А мамины рассказы про нас, маленьких, а её удивительные сказочки!.. А ещё мы подолгу с мамочкой шепчемся о своём. Без всего этого наша жизнь была бы скучной, как настенный портрет.

-
- Наталья Алексеевна Бондаренко (Сашникова) родилась в Новоузенском районе Саратовской области. Окончила Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского по специальности «Биолог-химик», и в Москве – школу развития образной памяти «Эйдетика», курсы стенографии и скорописания. Работала в школе. Вела курсы «Развитие интеллектуально-познавательных навыков». Была внештатным корреспондентом газет. Преподавала в Центре профсоюзов. Руководила службой «Семья» и центром «Семейная родословная».
- Прозаик и публицист, автор книг «Артёмкины истории и мамины сказки», двухтомника «Россия в судьбах», «Тамарочка». Соавтор пяти книг о Сызрани. Печаталась в различных журналах. С журналом «Детская роман-газета» сотрудничает с 2001 года. Дипломант международных литературных конкурсов имени В. Крапивина, «Центр Европы», германского «Лучшая книга года» – «За глубину и проникновенность прозы». Лауреат Международного конкурса «Созвездие духовности» (номинация «Журналистика», 2-е место) и др. Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в г. Сызрань.

Это про маму. А папа... Папка сгорал от нетерпения построить спорт-комплекс («чтобы малыши росли крепышами»). И он его соорудил. Прямо в детской комнате.

Вот что рассказала нам мама о нас, мелких.

Альке повезло. Родители ей достались весёлыми студентами («ветер в голове», по определению нашей бабули). А её сама природа наградила редким характером. Больше всего в нём оказалось своенравия. Алька обречётся, но добьётся своего. Натерпелись же все от трудной девчонки! Но папа не отчаивался («трудности закаляют»). С Алькиным упрямством он справлялся играючи. Вот как.

Едва у моей будущей (я ещё не родился) сестрицы стали проглядываться зачатки интеллекта, а взгляд сделался осмысленным, папка сажал её на плечи и скакал по комнате, как самый резвый в мире конь. И девчачий нрав утихомиривался прямо на глазах. Зато мамин нрав мгновенно проявлялся. Мама хваталась за голову и неслась в кухню, причитая на бегу: «Конец света! Эти слоны перевернут мне весь дом!» И соседи не выдерживали скачки, принимались стучать по батареям, тазам и кастрюлям – в отместку папе. И чтобы отбить у него охоту к нестандартному воспитанию Альки.

А столетний дедушка Федот из девятой квартиры, в прошлом – полковой музыкант, на всю ивановскую бил в огромный старый барабан: «Бом-бом, бом-бом!» И скрипуче пел марш Российской империи «Гренадёр». «Цок-цок, цок-цок!» – в такт барабанным палочкам неслось из нашей квартиры. «Блюм-блюм, блюм-блюм! Трах-бабах-тарарах!» – вторила соседская посуда так, что градус настроения всего населения трёхэтажного дома подпрыгивал.

Представили этот сборный оркестр? Скажете, светопредставление или того хлеще? Ничего подобного! Самое настоящее цирковое представление. Папка, подмигивая нам с Алькой, до сих пор уверяет маму, что минуты, когда он доставлял удовольствие себе и дочке, были лучшими в его жизни.

Соседи сначала поедом ели папку, а потом смирились. А один, Михаил, он с первого этажа, достучался по кастрюлям (из принципиальных соображений) до того, что, сам далёкий от какой-либо музыки, всерьёз увлёкся ударными и стал рок-музыкантом. Когда Алинка выросла дылдой, тут я и родился. И папка переключился на меня. Стал скакать по-молодецки со мной под победный свой клич, называя меня великим наездником. А сестрица стала с завистью таращить глаза и крутить в нашу сторону пальцем у виска.

Вообще-то наш папка – заводила во всех дворовых делах среди ребятни. В его голове зреют потрясные идеи! Это он придумал нам настоящий девиз: «Мы не просто детвора, мы – хозяева двора!» И играет вместе с нами в чистодворян – в тех, кто за чистый двор и за порядок. Все соседи благодарят нас за наведённый во дворе блеск. А ещё папка обожает праздники на улице устраивать. А мы как их любим! Вместе с друзьями мы с Алькой – артисты. А папа – сценарист, режиссёр, гитарист и по совместительству клоун – он многолик и многорука. Он настоящий друг наших друзей! Приходите к нам во двор, сами всё увидите.

Продолжаю об Альке, со слов мамы. Не успела Алинка вырасти из памперсов, как у неё появился друг Санька. Он из соседнего подъезда. Но сначала познакомились мамы малышей. Санька оказался способным ребёнком, «ранним», говорят про таких. Гуляя во дворе с грудничками, мамы вдруг замерли над Санькиной коляской склонёнными монументами: Сашок, в неполные три месяца, сел! А когда к мамам вернулся дар речи, изумились: «Ну и крепыш, не чудо ли!» И вновь онемели, вспомнив, что сидеть в таком возрасте категорически запрещено. Санькина – первая пришла в себя

и – кувырк крепыша на спинку! Но не тут-то было! Сашок, настырный, как и Аля, сел по новой. Но не удержался и – бух! – лбом в Алькины ноги (коляски стояли бок о бок). Так карапузы и познакомились. И стали ходить друг к другу в гости. А точнее, ходили мамы с «конвертами», из которых торчали носики-курносики.

Время летело стремительно. Так же быстро росли и Алька с Санькой. Как длинноплодные огурцы после полива. Ревностно соревнуясь в весе, росте, говорительной способности. И – в ловкости. Они наперегонки штурмовали шведскую стенку. А на спортивных лианах прыгали так, что мамы принимали их за обезьян. Папа же по своей великой наивности всё удивлялся: «Ай да малышня-крепышня! Младое незнакомое племя...»

Мама говорит, что эта весёлая шустрая парочка друг без друга не могла существовать в принципе. «Это факт», – подтверждает мамины слова папка.

Кое-как научившись разговаривать, Алинка однажды прокартавила:

– Хотю к благу Саньке.

Отдельные буквы у неё долго не получались.

– К брату? – изумилась мама. И тут же осмелилась заметить: – Саша – друг твой – настоящий, хороший.

– Длу-у? – Алькины глаза от маминой новости подпрыгнули аж ко лбу. – Всего лишь?! – На Алькином лице было столько разочарования!..

Убеждения не помогли. Аля разразилась рыданиями, причитая в паузах:

– Да, мамочка!.. Длузей – полный двол! А Санька... Санька... Он лоднее всех! Он блат мой соседский!

Заявив о соседском брате, Алька затихла. На минуту. А потом затребовала (своенравная!) у родителей настоящего брата, непременно похожего на Саньку.

Мама растерялась. А папа обрадовался. Даже руки потёр.

– Ну, кто же был прав?! – ринулся папка в словесную атаку. Но вдруг сбавил напор: – Мариша, пойми, прошу тебя, нашей дочурке срочно нужен смекалистый братишка. А лучше несколько. И в придачу – пару-тройку сестричек. Один ребёнок в семье – это не ребёнок! – заявил под конец папка терпеливой нашей маме.

– Не ребёнок?! – вспыхнула мама и перехватила у папы инициативу, сама пошла в наступление: – А кто же? Друг у Алечки есть, игрушек – море. Чего ей не хватает? – уставилась мама на папу, ожидая ответа.

А папка даже бровью не повёл.

– Не понимаешь, мамочка! – донёсся тут из-под стола вредный голос. (Алинкин, чей же ещё?!) – Ей не хватает всамделишного блага и малю-усенького котёночка с забавным хвостиком.

На последних словах на белый свет вынырнула белобрысая голова. Набрав в лёгкие воздуха, Алька застрочила как из станкового пулемёта:

– А ещё домика для куклы! Кепки в сеточку, как у Саньки! Розовых очков, как у Ники! Кудрявого хвостика на макушке, как у Светы! Маминых бусиков силеневых!

(«Ишь, аметистовые бусы ей подавай!» – усмехнулся я, слушая мамин рассказ о маленькой Альке.)

Алюська, торопясь и картавя, строчила свои желания до тех пор, пока словарный запас не иссяк (не хватает листа всё записать!). И в итоге взяла родителей измором. Крыть им было нечем.

На полном серьёзе вникнув в Алинкины потребности, папка вышел из себя, в панике схватился за голову: пора принимать решительные меры!

– Вот видишь?! – взорвался папка, пламенея взором. – Одинокий... единственный ребёнок – это бедствие! Цунами! Всё, с меня хватит! – отрезал вдруг.

А потом снова взорвался:

– Нам нужна куча детей! Маленькая орава! Ты вспомни! – распался папка всё больше. – Как эта проказница обстригла мне, без моей на то воли, полголовы, когда я спал на боку. А до этого, восьмого марта... Помнишь? Ещё бы! Такое не забывается! Украсила мою шевелюру бантиками, пока я разбирал шахматную партию и ничего вокруг не замечал. И я в таком виде... Выскочил в магазин! А случай с деньгами? – вопрошал папка, едва не срывая связки, и сам себе же отвечал: – Это был настоящий разбой! Две зарплаты и премию превратила в снежинки! Новогодние украшения, видите ли, вырезать ей захотелось. А мы! – кипел папка, как медный бабулин самовар. – Целый месяц после этого... Или вот ещё! Мои новые туфли... Мне и поносить не пришлось... Одолжила мошеннику, позвонившему в дверь! На время. И с концами! Я долго могу перечислять! – грозился кому-то папка. – Всё! Сколько можно! С меня хватит! Нам третий... второй ребёнок, – путался, – просто необходим! Дети друг друга будут воспитывать, и Алька исправится, – уже спокойнее досказал папка свою пламенную речь.

Едва он выкричался несвойственным ему фальцетом, мама каким-то непостижимым образом снова активизировалась, предприняла новую попытку переубедить папу – в отношении кучи детей (она сначала всё обдумывает, всё взвешивает, прикидывает и так и сяк). Но куда там! Папка не сдавался, стоял на своём, был твёрд как алмаз. Ни в какую не давал себя уговорить (безоговорочно согласиться для него – поражение). Более того! Сильнее давил на мамину сознательность. И переупрямил-таки вышедшую из себя нашу мамочку. В результате этого и благодаря Алинкиным уговорам появился на свет ваш покорный слуга, ну вы поняли – я. А вот малю-у-сенького котёночка с забавным хвостиком мама так и не решилась завести, сколько Алина ни просила. Счастье, что сестрица самовольно принесла его в дом, когда подросла. Но о нём не сейчас речь.

Итак, на чём я остановился? Ах, теперь обо мне... Мама говорит, что это Алька придумала мне имя (она всех называет по-своему). Я на Алю не в обиде. Есть книжка о юном смельчаке Артёмке. Алька влюбилась в него с первой главы. По этой причине я стал тёзкой книжного героя. И родителям не пришлось ничего выдумывать.

– А вот и я! – сказал я, появившись на свет.

Нет, перепутал... Так пропел Одуванчик из одной маминой сказки, раскрывая лепестки. Я же – закричал. Да так, что «дал всем прикурить» (папины, между прочим, слова). В смысле, что есть мочи заорал. А тётенька в белом халате обрадовалась: «Ай да богатыристый мужичок! Четыре четырёста! Одной рукой не удержать!»

А дома меня высматривала в окно моя сестрица. С нетерпением. В тот день она была особенно бдительной: настоящего брата ей везут! «Все глаза Алюша просмотрела», – рассказывала потом бабушка.

Думаете, как я Але показался?

– Фи-и... толстощёкий пупс в клужевах! – скособочила Алинка лицо, заглянув в конверт новорождённого.

– Это твой братик, Алюша, – сказала мама.

А папа добавил с гордостью:

– Мужик!

Слово это я запомнил. И когда подрос, просыпаясь раньше всех по утрам, надев красную кепку и чёрные шорты, сообщал спящим родителям: «Я – музык!»

А в минуты нашего знакомства сестрица всё тянула с подозрением и угасающей надеждой:

– У-у-у какой... Невсамде-э-лишний... Понало-о-щечный...

Потом вдруг взяла и заголосила:

– Блатики такими не быва-а-ают... ают... ают...

Мама развернула «конверт», чтобы явить меня Альке, а заодно и всему миру. Алинка, быстро сморгнув слёзы, уставилась на меня во все глаза. Потом сказала довольно внятно:

– А кулачки как у Луши, куклы моей. – И, окончательно разочаровавшись во мне, захныкала: – Ууу... Я, как Санька, такого хотела... Чтобы с ним на лоликах и великах. Чтобы вместе на каток. Пусть лучше Санька остаётся моим соседским блатом! – топнула Алька ножкой.

Поражённый такими откровениями сестрицы, я заорал прямо как подорванный. Родители остолбенели. Одна Алинка не растерялась – заткнула рот мой силиконовой соской, которую я тут же выплюнул и ещё громче заорал. Тогда сестрица, глотнув ртом воздух, сочувственно приказала шокированной маме:

– Колми его сколее, колми! (Перевожу: корми скорее.) – И мигом подхватила мой рёв.

Положение спас папка. Он взял меня в одну руку, прижал меня к груди, другой рукой обнял Алинку – и мы как по команде смолкли.

Выглядывая из-под папиной руки, Аля спросила, тыкая в меня пальцем:

– А почему это пупс так левел?

– Может, спать захотел или животик заболел... – пожала плечами всё ещё не оправившаяся от событий дня мама.

– Животик? Но ведь он новенький совсем! – не унималась Алинка и продолжала допытывать родителей глупыми вопросами.

Признаюсь, мы с сестрицей часто распускали слёзы на пару. Алька, как говорит папка, – из солидарности. Ну да, она как эхо отзывалась мне.

Удивительное дело, но не прошло и месяца, как Алинка хвасталась всем подряд во дворе, гордо катая коляску со мной:

– Артёмка у нас – ничегощечный, потешный такой! Я ему соску в лот вставляю, когда левёт, а он любит меня за это! Я – всамделишная сестла! – подытоживала довольная Аллюська. И уточняла на всякий случай: – Не велите? Тогда узнайте у папы.

Ну а я, окончательно поверив в своё счастье и в Алинку, стал стремительно расти. Мне очень хотелось догнать и даже перегнать сестрицу. Она тоже старалась – хотела быть первой во всём (ну и настырная!), особенно на спортивных снарядах.

Что касается папы...

– Это чудо, когда в доме куча детей! – ликовал папка, прижимая нас с Алинкой к груди. – Ух вы, мои деточки, мои головочки! – приговаривал сладким голосом.

А мама, что и говорить, полная забот и разных дел, долго не могла понять что к чему. Какое там! Она была белкой в колесе. До тех пор, пока мы с Алькой не перешли на самообслуживание.

А мы всё растём. Растём стремительно. Точь-в-точь как бамбук. Так природой задумано. И скучать нам ужасно некогда. Нам не сидится на месте. Это правда. Ведь так интересно вокруг! Особенно когда что-нибудь происходит. А у нас столько всего случается! Хотите узнать? Я старался, хотел как можно лучше рассказать. Читайте про нашу жизнь. И если вам станет весело – веселитесь на полную катушку! Если будут вдруг печальки – погрузитесь в тишине, это тоже полезно.

ПЛАВАТЬ РАНЬШЕ, ЧЕМ ХОДИТЬ

Расскажу про Альку, со слов мамы. И чуть-чуть про себя.

Когда моей сестрице не было и двух месяцев, мама с папой надумали учить её плаванию и нырянию. Я тогда не родился. И правильно сделал: досталось же Алинке!

Сначала мама с папой сомневались: затевать тренировки или нет. Наконец решили: будем плавать – утром и вечером, чтобы поскорее получить результат. И взялись за книгу, стали изучать руководство по плаванию малышей.

– Аллюсенька у нас, – любит говорить теперь мама, – целеустремлённая и волевая. А ещё – закалённая – прямо как сталь (тьфу-тьфу – чтобы не сглазить!). И всё это, – говорит мама, – благодаря раннему плаванию. Алина – наша гордость!

Ну да, Алька в самом деле стремится к цели. И воли у неё хоть отбавляй. Тут я с мамой согласен. Но она бывает дразнилкой, ябедой, подлизой. И – атаманкой, – так папка прозвал. Тогда где же логика? При чём тут «наша гордость»?

...Итак, шесть утра – подъём, родители! Поворот крана – полная ванна воды. Можно приступать. Папа достаёт из кроватки маленькую сплюшку и кладёт на стол – для массажа и гимнастики. Девчонка – хлоп-хлоп глазками, куксит личико. Тут мама – с погремушками и припевками – веселит соню. А папка с ловкостью опытного тренера проделывает с Алей то, что предписано учебным пособием: медленно опускает в воду. И Алька начинает первый в своей жизни заплыв. С помощью папы.

Часы и градусник под рукой – только успевай следить за приборами.

И пошло: заплывы, заплывы... Во время которых папка выпускал из рук... собственное дитя, между прочим.

Есть сказка, как две лягушки попали в крынку с молоком. Одна – испугалась, захлебнулась и пошла на дно. А вторая – отчаянно заработала лапками, сбила масло и, прыгнув на него, выскочила.

Алина, как вторая лягушка, не сложила «лапки», не поддавалась страху, а была как рыбка в воде и как проворная лягушка.

– Пора нырять! – заявил папка однажды.

Полная кружка воды, и – Алинка под водопадом. Понятное дело, под водой она замирала. Папка – тоже: от страха за Алинкину жизнь.

После каждой кружки он восклицал:

– Способная пловчиха-ха-хи-хи-ха-ха!

От «хи-хи-ха-ха» мама, напряжённо наблюдающая за тренировкой из-за папиного плеча, расслаблялась. И вторила произвольно: «Хи-хи-ха-ха». Папка подшучивал над мамой. А вот Алке было не до шуток.

Наступил день, когда папка решил на трюк: окунул пловчиху в воду по самую макушку. И – протащил вдоль всей ванны: личико в воде. Мелкая и эту пытку вынесла! И терпела ещё не раз, в угоду тренеру.

А что же, спросите, мама? Она зорко следила за папой: не утопил бы единственную дочь!

Тренировки, должен вам сказать, проводились с поправкой на температуру воды – требовалось ежедневно снижать градусы.

Вскоре Алька, подчинившись родителям (а куда деваться!), ныряла в холодной воде как самый ловкий в мире дельфинёнок.

Последний раздел книги гласил: необходим шлем из пенопластиковых кубиков.

Шлем-поплавок? Будем мастерить! В четыре руки.

И наконец...

При-ме-ряют, за-креп-ляют шапочку на крохотной головке и отпускают Алюсю в свободное плавание, со словами: «Плыви, не подкачай, наш поплавок!»

Поплавок быть приятней. Можно спокойно болтаться в воде. И ни капельки не страшно.

Алькины заплывы-занеры продолжались целую вечность, без выходных и праздников. И стала Аля самой юной в городе пловчихой. Даже заслужила юниорский значок. Мама прикрепила его на спасательный шлем.

– Алина у нас – закалённая как сталь. Вот что значит – плавание с пелёнок! – то и дело гордится теперь мама.

А папа, тоже довольный Алькой, добавляет:

– Да ещё в холодной воде!

Алька на это – ноль внимания.

Но однажды её прорвало, она не сдержалась:

– Так вот почему я нырять не люблю! С детства намучилась. Ну спасибо, дорогие мама и папа!

Я подумал: «И чего это сестрица взбрыкнула? Как ни крути, а они старались».

Теперь про меня. Сразу скажу, на тренировки со мной у родителей сил не хватало: на Алинке – закончились. Но плавать я умею. Кролем, брассом, вольным стилем, баттерфляем, на спине. Ныряю, с вышки прыгаю. Хоп – и двойное сальто! Плюх – обратное сальто с переворотом! Шлепок – и мой любимый прыжок ласточкой! Эх, как бы сейчас нырнул!..

Плавать научил меня один здоровенный бородач – Жиган. Пропадая целыми днями на речке, я обгорел и облушился. Раз дяденька Жиган говорит мне на пляже:

– Эй, облупленный, научить плавать?

– Пожалста, дядь Жиган, если не трудно, – разрешил я.

– Ишь, обзывается, лысый головастик! – зыркнул на меня бородач.

(Жиган, оказывается, прозвище, я не знал.)

Дяденька крепко схватил меня за бока и кинул в глубину. Я камнем – ко дну. Но не успел испугаться, как он выудил меня (в бессознательном состоянии я вцепился в его бороду), потряс за ноги и спросил:

– Ну чё, очухался?

– Ач-чухался.

Он – опа! – снова меня – в речку. Я – ко дну. И опять: «Очухался?» – «Ач-чухался». И так – несколько раз. Под конец я стал отчаянно барахтаться. И сам выплыл! С тех пор вода – моя стихия. Я разбегаюсь, отрываюсь от вышки или берега и лечу-у-у! Круто! За пару секунд успеваю подумать: вдруг войду в воду криво, с фонтаном брызг, или упаду плашмя? А войти надо ровненько – это главное в прыжках. Когда всё получается, я ликую.

Дорогие мама и папа! Это благодаря вам я обожаю плавание и ныряние. И всё потому, что меня вы не мучили с рождения, как мучили Альку. Спасибо, дорогие мама и папа. Когда вырасту, обязательно открою школу прыжков в воду. И заставлю Алинку полюбить и плавание, и ныряние.

КАРТА МИРА

Как только я родился, папа повесил над моей кроваткой карту мира. И заявил на полном серьёзе:

– Пора, Тёмка, мир познавать.

– Лучше бы погремушки приладил, – сказала мама, доставая гирлянду из весёлых клоунов.

Но папку не переспоришь. Он двумя словами может убедить кого хочешь. Так по его желанию у меня над головой появилась карта. Я и засыпал с ней, и просыпался...

Алька стала играть с папой «в карту», а я таращился на карту из кроватки. А когда подрост, начал повторять за ними названия стран.

Папа всё удивлялся:

– Ну и память! Мал да удал. Ты, Тёмка, скоро нас обставишь в играх. Принимаем тебя в команду!

Так в пять лет я стал играть с Алькой – против папы. Папка называет нам страну, а мы должны найти её на карте за три минуты. Если не успеваем – нам штрафное очко. У кого штрафов больше, тот моет посуду. Почему папка придумал такое наказание? Всё очень просто. Мы подсчитали: за двадцать пять лет в семье из четырёх человек перемывается «гора» посуды, в три раза превышающая высоту Останкинской телебашни. Вот мы и решили штрафами справляться с этой проблемой. Посудите сами, кому охота просто так с тарелками возиться?

Чаще всего проигрывали мы с Алькой. А папе всё ничего, только посмеивается. А когда изучили все страны, папа предложил нам запоминать столицы. Мы исползали с сестрицей всю карту, сняв её со стены. Аля наконец возвестила:

– Мы готовы! – И начала экзаменовать папу: – А назови, папочка, столицу Гайаны! В карту, чур, не подглядывать!

Я подумал: «Дохлый номер. Ни за что не отгадает! Этот город даже выговорить сложно. Я сам это название со скрипом запомнил». А папа хмыкнул и тут же дал правильный ответ, будто наготове держал:

– Джорджтаун.

– У-у, папочка мой! – удивился я. – Один – ноль в твою пользу. Тебе легко, ты вон какой большой и лобастый. А назови столицу... Гондураса!

Папа построил задумчивую физиономию, его лоб покрылся складками, как у носорога. И я уже обрадовался, что победа наконец-то за нами. Но вдруг его лицо прояснилось, и он с явным удовольствием произнёс:

– Те-гу-си-га-льпа!

– Неиссякаемый папочка! – завопил я что есть мочи. Потом сказал: – Да-а, с тобой неинтересно играть, ты всё на свете знаешь...

– Сейчас проверим! – зловеще предупредила Алька. – А скажи нам, папулечка, как называется столица Науру?

Папка посмотрел на потолок, потом на Альку. В глазах его мелькали смешинки.

– Никак, – просто сказал папа.

– Ура-а! – закричал я как на параде. – Даже папа не знает!

– Как же, – сложив губы в презрительное «фи», скептически заметила Алька. – Всё он знает! Науру – единственное государство в мире, которое не имеет официальной столицы.

Неужели нам так и не удастся его обыграть?!

– А давайте будем находить города-великаны и самые крохотные городишки и будем всё про них узнавать! – встрепенулась Алька.

Я обрадовался:

– Даёшь великанов и карликов! Не только города – все ненормальные географические точки!

– Что значит – «ненормальные»? – удивился папа.

– Разновеликие, разномастные и разнозначные.

– Раз так, то, идя навстречу вашим пожеланиям, прошу назвать высочайшую точку Земли.

– Джомолунгма! – выпалила Алька. – По-тибетски – «Богиня – мать Земли».

– Нет, пик номер пятнадцать! – заспорил я.

– Под номером Джомолунгма была до 1856 года, – заметил папа. – Потом её называли...

– Эверест! – выкрикнула Алька. – В честь топографа Джорджа Эвереста!

– А знаете ли, о мои пытливые умы, что у этой горы есть ещё одно название? – спросил папка.

– Как это? – не поверила Аля.

– Эта вершина находится на границе между Китаем и Непалом. В 1965 году, если мне не изменяет память, правительство Непала объявило, что гора называется Сагарматха, по-древнеиндийски – «Небесная вершина». Так и на картах пишут: Эверест, а в скобках – Сагарматха, высота – 8848 метров. Впрочем, теперь ваша очередь загадывать, – сказал папа.

– Чур, я первая! – заторопилась Алька.

Хитренькая, всегда первая...

Аля потребовала назвать самые большие города. Папа достал с полки атлас мира и стал листать. Потом доложил:

– Рекорд по числу жителей принадлежит столице Мексики Мехико – свыше двадцати миллионов человек. Потом следует Токио. Крупнейшим в США считается Нью-Йорк.

Алька от такого папиного ума даже рот открыла.

Папа – ей:

– Назови-ка, Алюсенька, один из самых маленьких городов на земле. Даю подсказку: находится он на севере Франции, в нём чуть больше ста жителей, в его названии одна буква.

– Как это – одна? – выпалил я. – Такого не бывает!

– Бывает! – сказал папа. – И из двух букв есть – город Па на юге Африки.

– Где же я его найду? – буркнула Алина. – Его небось на карте нет...

Папка прищурил хитро глаз. Алюська замерла, а потом блеснула интеллектом:

– А?

– Что – а? – спросил папа.

– Город называется – А?

– Не угадала. Подумай ещё.

– Б... В... Г... Д... Е... – скороговоркой зарядила Алька, вопросительно поглядывая на папу. А когда дошла до буквы «П», папка скомандовал:

– Стоп!

– П? – недоверчиво переспросила Алька.

– Правильно! Город – П.

– Угадала! – взвилась сестрица и стала петь на разные лады: «П-П-П-П-П-П-П-П!»

– И, как нередко шутят его жители, – продолжил папа, когда Алька завершила свою руладу, – любимое их развлечение – разыскивать в справочниках и картах свой маленький городок.

– Да-а, папочка мой, ты Альке коротенькое задание дал! Я так не играю... – надулся я.

– Ну, раз Алине досталась задачка из одной буквы, то тебе, как мужчине, я добавлю в задание ещё одну букву. Ну-ка, сын, назови мне самую короткую речку в мире! У которой и название коротенькое, как заячий хвостик, – всего из двух букв!

Я запыхтел над атласом, вода по нему пальцем. Алина сочувственно сопела мне в ухо. Не знаю, сколько времени искал... но нашёл.

– Ди! Это речка Ди! Всего тридцать семь метров! Штат Орегон, США, течёт из озера Девиц в Тихий океан! – доложил я папе.

– Молодец! – похвалил он меня. И сказал: – На Урале есть реки, названия которых тоже состоят из двух букв – это Яя и Ис. А теперь задание Але. Назови, дочура, самую длинную реку в мире.

– Пустяки! – воодушевилась сестрица. – Нил! 6695 километров! А уж когда разливается, то мамочки мои!

– Ага! – закричал я. – Зато ты, Алёшка, не знаешь, какие животные были главными вредителями полей в Древнем Египте!

– А вот и знаю! Саранча! – Алёшка показала мне язык.

– А вот и нет, а вот и нет! – радостно пропел я. – Не жуки, не саранча, а гиппопотамы!

Сестрица приставила к голове указательные пальцы и: «Ме-э-э!» – изобразила козу. Мы с ней поцапались. Папа нас разнял.

– Тогда... тогда... – возбуждённая Алёшка силилась что-то вспомнить, водружая на макушку хвост из волос. – А тогда спорим, ты не знаешь, на каком острове никогда не было и нет зайцев!

– При чём тут зайцы? – удивился папа.

– Нет, пусть ответит! Я не отстану от этого забияки! – не унималась Алёшка. – А то пристал ко мне со своими бегемотами!

– Я пристал?.. – возмутился я всей душой. – Это ты привязалась со своими зайцами! Нету такого острова, понятно? – В подтверждение своих слов я пристукнул кулаком по столу.

– А вот и есть! – просияла Алинка и дала мне щелчка. – Остров Мадагаскар!

– Хватит вам, умники, не ссорьтесь, – сказал папа. – Раз уж вы до острова добрались, то назовите мне самый большой в мире остров.

– Раз плюнуть! – заявил я, даже не взглянув в Алёшину сторону. – Гренландия!

– Молодец! – восхитился папа. – А про мыльный остров слышали?

– Ну, папочка мой, это ты выдумал, – недоверчиво покачала головой Алинка. – Вот это точно вракушки!

– Нет, доченька, не «вракушки», а правда. Остров Кимолос в Эгейском море. Состоит из жирного мыльного вещества, которое островитяне с незапамятных времён используют вместо мыла. Им моются, им стирают. В дождь весь остров покрывается густой мыльной пеной.

– Ух ты, красота! – подпрыгнула Аля. – А ты, пап, ещё прикольные острова знаешь?

– Есть остров-базар.

– Как это? – не понял я.

– Остров Эль-Алакран вблизи северного побережья Чили – самый крупный птичий базар на Земле. Над ним постоянно кружит столько птиц, что из-за их крика шума прибоя не слышно.

– А ещё что-нибудь интересненькое! – Меня было не остановить.

– Во Франции есть удивительное местечко – Сен-Мишель. Из-за сильных приливов и отливов Атлантического океана Сен-Мишель дважды в сутки бывает островом и дважды в сутки – полуостровом.

– Хотел бы там пожить! – сказал я. – Ну и фишки природы! А в штате Нью-Мексико есть городок Месилла. Он за пять лет в девятнадцатом веке переходил от США к Мексике и обратно по пять раз за неделю.

– Это любопытно, расскажи, – попросил папа, прохаживаясь взад-вперёд.

– Это всё из-за реки. Как она там называлась?.. – стал я лихорадочно соображать. – А, вспомнил! Рио-Гранде! Она так часто меняла своё русло, что граница, которая по ней проходила, тоже менялась. И был городок Месилла то мексиканским, то американским.

– Наверное, это жутко неудобно для жителей, – предположил папа. – Пожалуй, для тебя, такого умника-разумника, есть задание посложнее. Назови-ка мне, сынок, самую маленькую независимую страну.

– Ватикан, – выдал я не думая. – Внутри столицы Италии, Рима, есть государство-город – Ватикан, или Святой Престол, площадью 44 га. В нём проживает тысяча человек.

– Город-государство?! – уставилась Алька на меня.

– Чего удивительного?! – щёлкнул пальцами в воздухе папка. – Города разные бывают. Возле Санкт-Петербурга есть город-дворец.

– Это как? – не поняла Алька.

– Его ещё называют городом фонтанов.

– Петродворец! Знаменитый Петергоф! – обрадовалась Алька. – Мы были на открытии фонтанов! – И, поискав что-то на потолке глазами, заявила: – А вот о карликовом государстве Андорра вы точно не знаете!

– Чем же оно интересно? – спросил папа.

– На военных там тратят всего десять долларов в год – на холостые патроны для праздничных салютов! – отрапортовала сестра.

– В этой стране нет своей армии и оружия? – спросил я.

– А они им не нужны.

– Было бы так на всей планете... – сказал я.

– Дети, да вы, оказывается, всезнайки! А поищите-ка посёлок Мама в Иркутской области, город Папа в Венгрии, речку Сестру в Подмосковье.

– А я окуналась в Сестру! – обрадовалась Аля. – Когда отдыхала в лагере, он под Питером. Речка эта протекает рядом, вода в ней коричневая. А холодная! Брр! – Алюська вздрогнула, будто вынырнула из проруби.

– Да ну! – оживился папка. – Полагаю, река берёт своё начало в Ленинградской области. А про «усатые» названия вы что-нибудь слышали? – переключился папа.

– Под Самарой есть посёлок Кошки. Там, наверно, одни кошки живут, – сказал я.

Папка усмехнулся, сказал:

– Название «Кошки» имеет тюркоязычную основу: «кош» – «стоянка». Считается, там была ставка восточного хана. Можете ещё поискать город Мышкин в Ярославской области.

– А я знаю «летающие» города и реки, – встряла всезнайка Алька. – Город Орёл, реки Ворона, Иволга, Лебедь.

– Так-так... – многозначительно произнёс папа и, подумав, изрёк: – В этом смысле особенно повезло гусю: город Гусев – под Калининградом, Гусино – под Смоленском, Гусь-Хрустальный – на Владимирщине, Гусь-Железный – на Рязанщине, в Бурятии – Гусиное озеро, Гусиная Земля – полуостров на Севере. А теперь, дети, идите и готовьте свои каверзные вопросы. А заодно попробуйте найти ответы на мои. В каких названиях городов содержится соль? Какой полуостров на свой рост жалуется?

Когда мы ответили, папа спросил названия рек, омывающих наш город. Я опередил Алю, застрочил:

– Волга, Сызранка, Кубра, Крымза... – И споткнулся: забыл одну речку.

Алина тоже не могла вспомнить.

Папка посоветовал:

– Ищите! Дерзайте! И никогда не унывайте!
 А когда нам унывать? Нам мир изучать надо!
 И стали мы с Алюськой ползать по карте – искать забытую речку. А папа пошёл строить Останкинскую башню из тарелок – мыть посуду.

ФЕЯ И ГОСПОЖА ОСТОРОЖНОСТЬ

Мама не только сочиняла для нас с Алиной сказки, когда мы были маленькие, – такое придумывала! Сейчас узнаете. Я сам недавно узнал...

Считать моя сестрица любила, особенно монетки, а вот читать – ни в какую! И пришлось нашей маме включить свою фантазию на полную катушку. Она напечатала крупным шрифтом письмо Але – от имени Феи. Ну такой, сказочной... В нём волшебница предлагала Алёке дружбу, задавала разные вопросы. Письмо мама запечатала в конверт, его опустила в наш почтовый ящик, а потом попросила Алинку сходить за почтой на первый этаж.

– Письмо-о-о! – с радостным криком влетела Аля в прихожую, размахивая тем самым конвертом.

– От кого?! – сделала мама удивлённые глаза.

– От Феи! Мне! – Алёка уже успела выяснить, от кого и кому.

– Вскрывать конверт, – подала ей мама ножницы.

Через минуту Алёска протянула маме исписанный лист из конверта.

– Письмо твоё, сама и читай, – сказала мама.

Читать Алёка, как уже знаете, не любила. Но тут был особый случай: первое в её жизни письмо!

– Молодец, Алёшенька! Какая же ты умница! – захвалила мама Алёку, когда та, запинаясь, пробубнила по слогам послание от Феи.

Весь день Алинка сияла, словно новая кастрюля, и сообщала всем во дворе – старушкам на лавочке, прохожим, детям на горке – про Феечку любименькую, как она ласково называла свою виртуальную подружку. К вечеру вдруг притихла за столом. А потом...

– Вот! – протянула она маме перед сном листок с неуклюжими буквами. – Письмо Фее – от меня. Мы теперь подружки! – сказала и зарделась от удовольствия.

А мама так и села: подружки?! Ах, подружки! Это хорошо! И снова давай хвалить Алё, да ещё как!

– Сама написала письмо?! Ай да молодец! Ай да умница! Как красиво вывела буквы!

Пришёл с работы папка и сразу узнал от Алёки главную новость дня.

– Ну-ну! – взглянув на каракули в письме, похвалил он дочуру своей наивысшей похвалой.

История эта – давняя. О ней я не узнал бы. Мама рассказала, когда попались мне в коробке письма от Феи. Пришлось маме сознаться в своей придумке.

«Фея... Виртуальная... Умора! Ну и мама! Ну и придумала же! А ты, Алёченок, поверила, скорей писать Фее ответ! Прикольно!»

Поугорал я над Алёкой... Передразнил: «Феечка моя любименькая!» Алёк хмурилась, дула губы (любительница их дуть), корчила мне рожицы...

Первое в жизни её письмо (ошибок в нём!) было с кроличий хвостик. Привожу дословно: «Фея буду тебе псать. В садек. Добрости». Слова «в садек» и «добрости» – это ответы на вопросы Феи: куда ты любишь ходить; чего в тебе не хватает. То, что Алёке не хватает «добрости» – доброты, она

поняла после одного занятия в православной воскресной школе, где рассказали о значении этого слова.

– Алечка и свои рисунки посылала Фея! А от неё получала шоколадочки в конвертах. Радости было!.. – сообщила мама довольно, не обращая внимания на мои приколы. – Но главное – Алюша пристрастилась к чтению, а заодно научилась писать.

Алинка фыркнула, как рассерженный ёжик, а потом, изобразив задумчивость, сказала:

– Что-то припоминаю... Была какая-то Фея... Точно была! – хлопнула она себя ладошкой по лбу. – Значит, ненастоящая?! Не подружка?! А я-то думала... – сказала и сникла.

– Настоящая Фея или нет, не имеет значения, – не дрогнула мама.

– Да-а, а я верила! – опять раздула сестрица и без того толстые губы. Ещё и щёки в придачу – булками. А в глазах – разочарование. Просто полнейшее.

– Ну хватит тебе дуться... – сказала мама примирительно и притянула Альку к себе.

Тут и я чуть было не надулся. Спросил маму с пристрастием:

– А почему ты не придумала мне почтового друга, а? Я тоже хочу!

Мама улыбнулась загадочно и вот что ответила:

– Когда тебе, Тёмушка, исполнился годик, я приклеила на дверь крупные разноцветные буквы. И ты, с моей помощью, стал их запоминать. И в год и четыре месяца весь алфавит освоил. И читать рано научился, причём сам. С раннего детства ты был самостоятельным. И порой даже слишком: не всегда умел рассчитывать силы. От этого – твои разбитые коленки, шишки да синяки. Но садины стали постепенно исчезать после того, как ты получил открытку от госпожи Осторожность, где она просила тебя быть осторожным.

Госпожа Осторожность?! Потрясная у мамы фантазия!

– Помню ту открытку! – На радостях я вдруг бабахнул себя кулаком по лбу. – Так вот почему, когда я – на дерево, в голове – щелчок: осторожно! Перехожу дорогу – мысль: смотри по сторонам!

– Видишь, сынок, и у тебя был друг – виртуальный! – рассмеялась мама весело и задорно, прямо по-девчоночи, так мило-мило...

– Точнее – подруга, – поправил я её и сказал: – Ну и придумщица ты у нас, мамуль! Я так тебя люблю! – сказал и сморщил от удовольствия нос.

КОГДА ПАПЫ С МАМОЙ НЕТ ДОМА

Когда мамы с папой нет дома, мы с Алькой так хозяйничаем, та-ак хозяйничаем!.. Пол – блестит, посуда – как новенькая! Повсюду расписные бумажные салфетки понатыканы. В квартире – шик да блеск! А ещё для уюта Алинка опускает на окна жалюзи и задёргивает шторы – получается полумрак, как в ресторане.

– А почему сидите в темноте? – первым делом спрашивает нас мама, придя с работы.

И, не дожидаясь ответа, расшторивает окна и замечает всю нашу красоту. И хвалит нас за старание. Мне в этот момент хочется горы свернуть.

Однажды мы с Алей не только убрались, но методом проб и ошибок испекли печенье. А я в придачу ещё и ужин приготовил. Вот!

– Наконец наши дети прошли кулинарные «университеты», – довольным голосом сказал папка после этого маме.

Это означает, я так понял: мы с сестрицей теперь настоящие повара.

Как ими стали? Да очень просто!

Всем известно, что девочки чуть ли не с пелёнок приступают к кухонным делам. Если говорить про Альку, то она, когда была крохой, специализировалась, по рассказам мамы, на тесте. Запускала ладошки в муку, горох, горчицу, крахмал и – смешивала. Затем заливала всё водой либо тем, что подвернется под руку, например, компотом, и начинала месить.

Но до выпекания дело не доходило. Вот почему. Выпустив случайно малышку из виду, наша бдительная мама вовремя спохватывалась: «А где у нас Алечка?» – «На кухне посмотри». Мама вихрем неслась по указанному папой адресу и немедленно сворачивала Алькин эксперимент. Думаете, она ругала повариху? Ничего подобного! Лишь вздыхала. А папа, как водится, удовлетворённо восклицал, глядя на перепачканную Альку: «Нормальный будет экземпляр жены!»

Когда я вырос, стал помогать сестре.

Как-то раз остались мы одни, без мамино неусыпного внимания, и решили испечь печенье. Если у Алины кулинарный талант, подумалось мне, то почему бы не сделать маме с папой съедобный сюрприз? Я предложил, а Алька, радостная такая, подхватила. Целиком и полностью я, естественно, положился на её опыт: кулинарный стаж у сестрицы, как уже сказал, – с рождения. Представил, как родители вернутся с работы, а на столе – наша чудо-выпечка! От фантазий у меня за спиной выросли крылья. Сестрица тоже засуетилась. Схватила старинную поваренную книгу. В ней – всё о цветах, выкройке, гигиена, рукоделие – многовековой опыт женских дел. Стала листать. Перевернув раздел «Мать и дитя», наткнулась на рецепт домашнего печенья. Прочла вслух.

– Фигня! – сказал я.

– Легкотня! – сказала Алька.

Главное, поняли мы из рецепта, нужно правильно замесить тесто. Что-что, а с этим у Алинки полный порядок! Для неё слепить тесто – это как два или три раза плюнуть. Бразды правления я отдал ей, сам же решил быть на подхвате. Аля не возражала, напротив – обрадовалась, что стала главной. Перечитав рецепт, она заявила голосом главного кондитера, что печенье выйдет с гулькиным нос: берётся всего-то три стакана муки, три яйца и стакан сахара.

– А не увеличить ли объём в восемь раз?.. – прикинул я вслух. – Получится по две порции каждому.

– Здорово! – подпрыгнула Алька. – А лучше в десять раз!

В десять так в десять... Мне-то что.

И мы приступили. Взяли огромный таз, и Алинка бухнула в него двадцать четыре, нет, больше, стакана муки. Я – рядом, на подхвате. Потом она достала из холодильника яйца и, разбивая одно за другим, стала блюмкать их в муку. Я считал: второе, третье... двадцать четвёртое... тридцатое... Стоп! Озеро из яиц расплылось по тазу солнечной глазурью – красотища!

– Неси сахар! – оторвала меня от созерцания яичного чуда Алинка.

Я слепо подчинился.

Сахара хватило еле-еле. Были ещё соль, сода, ванилин, масло... Мы всё делали согласно рецептуре. Но тесто, как на грех, не хотело слипаться. Мы мяли белую кучу в четыре руки, обливаясь потом, а куча деревенела буквально на глазах.

Тут Алинку осенило: надо добавить воды! «Муки слишком много, вот тесто и не склеивается», – определила она. Получив моё согласие на воду, сестрица стала колдовать над тестом уже произвольно, на глазок. Поставила таз в мойку, открыла кран на полную, и тесто под струёй воды... поплы-

ло по тазу. На глазах превратилось в белый кисель! Мне сразу расхотелось с ним возиться. Закрыв с опозданием кран, Алька кинулась спасать тесто. Но у неё ничего не выходило. Я глядел и думал: зря старается.. И тут Алина смекнула: надо добавить муки для густоты! Пришлось мне по её приказу бежать в магазин: продукт кончился.

Только я нарисовался в двери, Алинка выхватила из моих рук килограммовый куль и в две секунды высыпала его содержимое в таз. Над ним взлетело мучное облако. Не дожидаясь, пока мука осядет, Алина принялась отчаянно месить. Сквозь белую пелену я видел, как мелькали руки-спицы, застревая по локоть в тесте. Как сестрица с трудом их вытаскивала, а потом ещё яростнее вонзала в липкую гипсовую массу. Она торопилась, ведь тесто густело, и она, как опытный кулинар, понимала, что оно вот-вот закаменеет. Я – тут как тут! – ежесекундно на подхвате. Алина – красная, перепачканная в муке – едва успевала отдавать распоряжения. Пришлось ещё лить воду: тесто не хотело спать. И опять бежать в магазин за мукой: переборщили-таки с водой! Сестрица была на пределе: чиркни спичку – взорвётся. А я – ничего – выполняю, как солдат, приказы поварихи.

Наконец мы перевернули тяжёлую посудину и вывалили содержимое на стол. Алина принялась мять тесто по новой. Но, на её беду, оно не хотело отлепляться от крышки стола, сколько сестрица ни билась.

Как же быть? Ну как?..

И тут я вспомнил телепередачу, в которой готовили пельмени. Там сначала посыпали стол мукой и только потом раскатывали тесто. Попробовали – получилось! Затем я прокручивал пластилиновую массу на старинной мясорубке, раздобыв её на антресолях. Так по книге было надо. И теперь Алька была у меня на подхвате: срезала ножом мучных червей, ползущих из решётки. Их мы – на противни и сковородки, коих катастрофически не хватало. В дело пошли и все мамины тарелки. А тесто всё не кончалось.

Первая партия выпечки, вынутая из духовки, была на вид, по определению Альки, – «бе-э». Последующие порции тоже были «бе-э». У мамы печенье получается с виду аппетитным, на вкус – пальчики оближешь. Наши же синеватые коврижки сверху были ещё ничего, а если посмотреть снизу – чернее ночи. Алинка кинулась спасать печеньки – скрести сажу ножом. Я – на подхвате. Потом глянул на себя в зеркало: прямо чертёнок!

– Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж, – промурлыкал я зеркалу и откусил у печеньюшки бок.

Ничего себе!.. Чуть зуб не сломал!

Достало это тесто!

Только сестрица отвлеклась, я отрезал от глинистой горы увесистый кусок, плюхнул его на поднос и выбросил это лишнее тесто в мусоропровод.

Наконец всё было кончено. Печенья получилось – таз с верхом. И ещё полная кастрюля. Откуда-то взялась грязная посуда – целая Останкинская башня, хотя мы не ели. И оказалось, что вместе с тестом я выбросил в мусоропровод мамин расписной поднос.

Что было дальше?

Алька не стала пробовать творенье наших рук. Было видно, что любовь к стряпне у неё улетучилась. Навеки. Она поплелась в комнату и рухнула, как подрубленная пальма, на диван. «Завяли помидоры!» – хотел над ней я приколоться, но сдержался. Посуду пришлось мыть мне одному. Одолея я «Останкинскую башню» за час двадцать.

«Э-э... что ещё полезного сварить бы?.. – стал думать, когда с посудой было покончено. – Одного печенья для ужина маловато».

Я – к Алинке:

– А давай приготовим основное блюдо. Печеньем сыт ведь не будешь... Она согласилась, но как-то вяло. Вымученным голосом сказала, чтобы я сам.

Са-ам?! Интересно... это как? И вообще...

И всё же я решился.

Достал из холодильника миску с тугими, как футбольные мячи, куриными желудками. Переложил их в кастрюлю, налил воды. Поставил кастрюлю на плиту, зажёл газ на полную. Скоро желудки запрыгали в воде как подстреленные перламутровые зайцы. Я повеселел: зайцы подскакивали, состязались – кто выше, норовя выпрыгнуть из кастрюли. Прикольно! Довольный, я глядел на них и представлял, как сам накрою на стол и накормлю всех офигенными зайцами, фу ты – желудками. А к чаю – будьте любезны откусывать! – подам наше печенье.

Вдруг мне показалось... Нет, это было на самом деле. Запах... Бр-р! Пахло чем-то отвратительным. Или желудками? Ну конечно! В самом деле, когда их много собирается в одной кастрюле, то и пахнуть должны сильно! Как сразу не догадался?..

Потом мне надоело смотреть на кастрюлю, и я решил: пусть зайцы без меня пока поскачут, а я поиграю в игры на компе.

А потом... Пришли родители. Мама с папой, значит. Пришли с работы. Ну, как обычно, – в шесть вечера. Папа – с завода, мама – с универа. Вместе пришли. Вдвоём. Довольные оба. Даже смеются. Прямо свалились мне на голову.

– А вот и мы! – сказала мама весело.

Сказала и повела носом, стала по-звериному обнюхивать всё подряд: меня, одежду на вешалке и прочее.

– Что за запах?! – рыкнула мама вдруг.

Ответить я не успел. Зато успел заметить, как мама зажала двумя пальцами, словно бельевой прищепкой, свой сморщенный нос.

Тут папка пришёл маме на помощь, наехал на меня:

– Откуда паршивый запах? Признавайся! Странно... Подозрительно пахло и на лестничной клетке...

И, не дожидаясь ответа, потеряв ко мне всяческий интерес, папка кинулся в туалет искать источник запаха – остатки взорвавшейся бактериологической бомбы.

Только открыл я рот, чтобы успокоить его, что бомбы и в помине нет, как мама, забыв про нос, стрелой полетела в кухню, по дороге спешно распыляя французские духи. Рванула так, что никто не в силах был её остановить.

Я – следом, на второй скорости. И в крошечном дыму с маху врезался в застывшую перед плитой мамину фигуру. Сквозь дым разглядел: фигура обалдело выпучилась на покосившуюся кастрюлю – ту самую, с зайцами, только чёрную теперь. И вдруг мамино лицо... переколбасило. Перекорёжило, прямо как кастрюлю!

– Артём! – взвизгнула несчастная наша мамочка (в экстремальных случаях она с визгом разговаривает). – Ты жарить неочищенные потроха? – Мама быстро выключила газ.

Вопрос застал меня врасплох.

– Потроха?!

Дурак дураком, я не мог взять в толк, о чём это она. О зайцах, что ли?

– Ну да, неочищенные желудки, – прогудел мамин нос. (Он срочно был зажат.)

– Желудки?! – проблеял я позорно. – Ах, желудки! – дошло до меня, и от радости, что сообразил, я часто-часто заморгал.

– А что же ещё?! – сгоряча отпустив нос, задыхаясь от смрада, разозлилась мама.

Она была готова спустить на меня свору собак, но дым ей мешал.

И тут мама, яростно разгоняя руками дымовую завесу, отчеканила:

– Заруби себе на носу! (Как, каким это образом?) Желудки надо было потрошить. И запомни: после того, как кастрюля заканчивает варить, она начинает жарить!

– Потрошить?! Как курицу? Как это? – спросил я.

Странный диалог скоропалительно закончился. Я чуть не задохнулся от гари и тоже поскорее зацепил шнобель. И тут мама, забыв про свой нос, кинулась открывать окно, стала усиленно хватать ртом уличный воздух. Прямо как рыба на берегу! Ну и мама...

– Самое смешное, – наглотавшись вволю кислорода, заговорила примирительным голосом мама, – иногда желудки продают очищенными, а порой – нет. И давно их варишь? – спросила совсем уже миролюбиво.

– Не очень. Часика три-четыре... Или чуть больше... Я на часы не смотрел.

От чистойшей моей правды мамины глаза округлились. Мама опустила передо мной на корточки и стала разглядывать меня, балбеса. Быстро ожившие серые глаза смотрели на меня как на маленького и смеялись. Да-да, обидно хихикали надо мной!

Когда весь дым вылетел на улицу, мамин взгляд упал на таз с печеньем – он громоздился на столе.

– Ой! – всплеснула мама руками.

В этот момент в дверном проёме кухни нарисовался испуганный папа. Мгновение – и рот его открылся сам собою: папку таз потряс. Будто впервые видел он медный наш таз с жирной царапиной на боку – в нём мама каждое лето варит вкусное варенье. Даже очки протёр! А расплавленную кастрюлю на плите – ха-ха! – не заметил!

Мама скорей улыбнулась папе кривовато. А потом, вытянув смешно губы, поцеловала меня в макушку несерьёзным громким поцелуем, вот так: «Ммму!»

– Ух ты! Целый центнер печенья! – обрадовался вдруг папка (губы разползлись). – На наш век точно хватит! – Он взял печеньку и сунул в рот.

Н-да-а... Давно папка так не смеялся... Чуть не лопнул от хохота. Он, как и я, едва зуб не сломал. А всё почему? Печенье оказалось ну о-очень прочным. Стальным. Ведь мы пекли на совесть. А когда весь смех вышел, хитро сощурился левый глаз, папка сказал:

– Так-так... Догадываюсь, ты, Тёмка, был подручным...

И, не договорив, опять взорвался смехом, аж зазвенели фужеры за стеклом. А когда совсем-совсем отсмеялся, смахнул слёзы, критически оглядел меня с ног до головы и хмыкнул:

– Хм-м... Вылитый трубочист! Эх ты... голова два уха.

Голова с ушами... Поругал это он меня?

А дальше... Стоит ли продолжать?.. Ну ладно...

Дальше – папка наткнулся взглядом на плиту. И так его дёрнуло! Хуже чем током. Стоял, ошарашенный, уставив округлённые глаза на злополучную кастрюлю. А когда очухался, прогремел страшным голосом что пришло на ум:

– Что за космический объект на плите? И где главный кулинар?

Я промямлил с опозданием:

– Не подручным я был, пап, а на побегушках. – И то ли похвастался, то ли пожаловался: – Аж два раза стонял в магазин за мукой! Я молодец? – спросил.

– Ну-ну... – вялым голосом похвалил меня наивысшей своей похвалой папка, уже присмиревший.

А потом глянул на маму. Мама опустила глаза и пожала плечами. Я ничего не уловил по её лицу, было трудно понять.

Потом мама вышла из кухни и тут же позвала нас с папой.

– Тс-с, – приложила мама палец к губам, когда мы появились в гостиной. – Бедная девочка... устала... наше ты солнышко... – зашлась мама жалостливым шёпотом, укрывая пледом мертвецки спящую на диване Алинку. – Настоящая красotka... даже во сне. Взгляни на её руки, – кивнула мама папе.

Я тоже посмотрел. И надо же! По самые локти руки были в скафандре из засохшего теста. Первый раз в жизни видел я такие «перчатки». Они были... как у Гагарина. Как на той фотографии.

МУРАВЬИШКА

– Артёмка, почитай что-нибудь на утреннике, – попросила меня воспитательница Инга Петровна. (Я тогда ходил в детский сад.) – Стихов ты знаешь много, выбери поинтересней...

Я согласился. Чего упрямитесь-то!

– Не волнуйтесь, Игнапертровна, выберну, не подведу! – выпалил я так, что звуки, выскочив как попало, собрались в кучу-малу.

Стихи у меня сами запоминаются, и учить не надо. Для меня это совершенные пустяки. Есть и любимое – «Про муравьишку» Владимира Соколова. Я часто твержу и даже пою эти стихи.

Не сомневаясь ни секунды, решил: прочту про мураша, пусть все о нём узнают.

Не успело в тот день выглянуть солнце, а я уже на ногах. Мама зашла в комнату будить меня, а я репетирую – распеваю стишок.

– Да ты, Тёмка, Шаляпин! Он тоже распевался по утрам, – засмеялась мама. – А нельзя ли чуть тише. И не лучше ли стихотворение читать, а не петь?

– Пока попою, а на утреннике почитаю, – сказал и убавил громкость.

За пением не заметил, как пролетело утро. И мы отправились на праздник. Я старался шагать с мамой в ногу – синхронно – так это называется, но у меня не выходило. Стал подскакивать на ходу. Подскакивал, подскакивал и думал, как мой муравьишка всем понравится, как будет здорово-здорово! Потом стал маму обгонять: забегу вперёд и жду. Просто сгорал от нетерпения! Очень хотелось на праздник.

Вы любите разновсякие праздники? Мы с Алинкой – обожаем! Особенно – дни рождения с подарками. И Пасху с красивыми яйцами и пахучими куличами. И Новый год с ёлкой и вкусняшками. А ещё – День дружбы – есть такой праздник. В этот день мы с друзьями веселимся до упада. Ещё для нас с Алей праздник – когда к нам съезжаются гости со всех концов света. В такие дни офигенные запахи плывут из кухни... И мама с папой забывают про нас... А мы – это чудесно! – гуляем сколько захотим... И можем рвануть куда угодно... А когда гости разъезжаются, папа снова берёт нас под свой контроль: спать – вовремя, тетрадки – на проверку, телефоны – долой. И наша жизнь опять течёт по расписанию. И папа твердит нам, что надо с детства силу воли тренировать. И сразу пропадает всё наше веселье...

На утреннике яблоку негде было упасть: мамы и папы, бабушки и дедушки, сёстры и братья – собралась вся детсадовская родня. Принцес-

сы – с кренделями на головах, лица – разукрашены, как у папуасов. Принцы в простых пиджаках и фраках. Мамы поправляют дочкам причёски, папы снимают всё подряд смартфонами... Все радостные, и ни одного хмурого лица поблизости.

Я смотрел в зал из-за кулис, почёсываясь от нового смокинга; галстук-бабочка давил мне шею.

В первом ряду старичок с серебристой бородой наклонился, и получилось: голова – борода до пола – ботинки с загнутыми вверх носами. «Старик Хоттабыч из книжки про Вольку – вот он кто!» – обрадовался я. И вообразил, как ибн Хоттаб вырывает волосок из волшебной бороды и – вуа-ля! Только представил чудо-чудное, как Иринка – постоянная утреничная ведущая – после речи заведующей и разудалой пляски карапузов объявила мой стих. Я весь затрясся от страха. А Ирка, не замечая моей лихорадки, дёрнула меня за рукав: «На выход!» И выпихнула меня из-за кулис прямо к зрителям. А их в зале – миллион! Меня кинуло в жар: все уставились на меня как на большого артиста. А когда пришёл в себя, побежал глазами по рядам. Хоттабыч улыбнулся мне, провёл рукой по чудо-бороды и что-то пробормотал. И я перестал страдать. С лёгким сердцем перевёл глаза на маму с букетом в руке. Послал ей по воздуху поцелуй. Мама просияла в ответ. Потом глянул на Лёвку-однорупника. Он поймал мой взгляд и показал мне язык. В отместку я скорчил посмешнее рожу – как у клоуна.

А дальше... Столкнулся глазами с нянечкой и приветственно помахал ей рукой. Она улыбнулась мне как старому знакомому. А сосед по кровати, Вовка Рыбкин, сидел на стуле вздохмаченный, как после битвы с носорогом, вращал головой и меня не замечал. Тут мой взгляд пересёкся с глазами заведующей с двухэтажной причёской. Эта важная тётенька вела себя довольно странно: подавала мне всяческие знаки.

Я спросил как можно громче:

– Что вам, Неливанна?

Заведующая вмиг забыла про меня. А я вспомнил, для чего стою перед народом. Спыхватился: пора выступать. Не подводить же воспитательницу.

Стал декламировать:

*Извилист путь и долог,
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?*

Читал с выражением, ну честно, без запинок, правда, голос дрожал. И тут мой взгляд скрестился со взглядом волшебника. Ибн Хоттаб подмигнул мне, и остатки страха улетучились. Насовсем. Мой голос окреп... набрал мощь... Стало так, будто я дома, стою себе перед зеркалом и читаю любимые стихи.

Потом произошло поразительное, ни от кого не зависящее, имевшее в итоге, кажется, успех. Произнеся последнюю строчку, я принялся читать стих по новой. Хотел остановиться... Но куда там! Слова набегали друг на друга, строчки скакали одна за другой... Я едва успевал открывать рот! «Что это со мной?» – мелькнуло в голове. В зале задвигались стулья, раздался смех. Но я дочитал. И более того! Перескочил на первую строчку: «Извилист...» А строчка уже неслась во всю прыть, по пятам скакала следующая, за ней откуда ни возьмись – новая... Я еле поспевал за словами. Строчил как пулемёт, боясь притормозить даже на секунду: вдруг собьюсь. И тут неожиданно... запел. Ого! Ещё как! Из меня прямо вырвалась песня! И получилось: я уже не декламировал, а распевал стихи – как дома перед зеркалом.

Петь мне запросто. От пения я окончательно повеселел. Пел задорно и думал: «Может, и вправду я – Шаляпин, раз без пения не могу?» Глянул на маму: она сидела в третьем ряду, лицо у неё было вопросительным и о-очень серьёзным. Зато у детей – наоборот: физиономии – как у самых развесёлых клоунов на свете. Поскольку делать им было нечего, они визжали так, словно их щекотали за пятки. А два пацанёнка-близнеца, с галстуками-близнецами, аж держались за животы – так хохотали! А тот длинный из старшей группы подскочил на стуле как ужаленный, плюхнулся на место, противно загыгыкал и затопал ногами. Смеялись все, включая мою закадычную подружку Юльку. Но я не обозлился на неё: пусть себе веселится, мне-то что. Глянул на заведующую. Выпучив глаза, она сидела ни жива ни мертва; этажи на голове скособочились – вот-вот упадут. А Хоттабыч подпевал мне! У него рот открывался в такт моему.

Ну и так далее, и тому подобное...

Я пел:

*А он, упрямец, тащит
Её тропой рябой
И, видимо, тащит
Глаза перед собой.
И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:
«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».*

Пел до хрипоты. Добросовестно выступал.

И тут до меня донеслись одинокие хлопки. Вгляделся в зал. Хлопала... мама. Стоя, цветы – на стуле. Лицо у неё было малиновое и о-очень взволнованное.

– Ух, – сказал и смолк.

Это мама остановила меня.

Как гора с плеч...

Что было после моего выступления... Овации зашкаливали. Так аплодировали! И даже кричали. От восторженных воплей я чуть не оглох. А усач, этакий здоровяк, Сенькин отец, всех перекрывая, пробасил: «Чудопец! Громогласно поёт! Как Шаляпин. И декламирует с поэтическим чувством!» А тот длинный завопил: «Бра-во, Тёмка! Браво-о-о!» И хотя его голос перекрыл ребячий гомон, я всё же услышал. Под конец, состязаясь с целым залом, длинный так истошно проорал своё «браво», что заткнул всех за пояс. И я его зауважал.

«Стану как Шаляпин – певцом, – подумал я. – Судьба моя решена».

За кулисой воспитательница прошелестела мне в ухо пасмурным голосом:

– Подумать только! Три раза одно и то же читать... и даже петь! Непозволительная роскошь!

Я напрягся. Роскошь... О чём это? Недовольна разве мной? А зрителям ничего, подолбился мой муравей.

Концерт продолжался, но уже без меня. Я побрёл куда не знаю сам, куда ноги повели, подальше от сцены. Шёл замедленным шагом и думал: «Главное – не забыл ни слова. А ещё главней – мне ужас как аплодировали. Просто руки отхлопали».

Плутал по лабиринтам коридоров и вдруг... наткнулся на маму! Ринулся скорей в её объятия, уткнулся в живот.

Мама – мне, встревоженно:

– Я всю голову изломала!

(Как это?) И стала говорить, что я – молодец, не растерялся, взял себя в руки (а это как?). И что один дедушка с удивительной бородой, выходя из зала, слово в слово пел про моего муравья.

Хоттабыч! Ну конечно, он!

– Вот что значит – несколько раз прослушать одно и то же! – одобрительно сказала мама. И даже растрогалась: – Тёмушка, моя ты радость... Дорогой, любимый наш сын...

– Я старался, – присипел я. – Очень-очень. Изо всех-всех-всех-всех сил.

– Я видела, сынок, – обняла мама меня.

Ещё хотел сказать, что старичок с удивительной бородой не простой, что имеет волшебную силу, что помог мне... Хотел всё это сказать маме, но не сказал: голос сел.

Думаете, что сделал я после утренника?

Упал на диван? Съел мороженого? А может, думаете, рванул к друзьям?

А вот и нет! Рванул к своим мурашам. Они в сквере живут. Я их крошками кормлю. Возле них так мечтается!..

Сидел на земле и думал: «Эх, побыть хоть бы день муравьём... По ночам мураши спят. А днём идут куда захотят по важным своим делам. В угол их не ставят... Ходят они босиком... В футбол не играют... И в музыке ни бе ни ме... А едят – кто что найдёт. Заглянуть бы в их комнаты... Как там у них? Был бы я маленький...»

Мечтал, мечтал... И увидел мураша. Он тянул по невидимой тропе длинную соломинку. Раскачивал и тянул. Но она – ни туда и ни сюда. Я её подтолкнул: хотел помочь. Муравьишка застыл. Крутнул головой. Меня не увидел: я-то большой. И – вновь за дела. Но соломина была не под силу ему одному.

Эх, жизнь муравья... Так тяжела...

И тут я придумал: найду мураша-силача!

Он как раз мимо бежал.

«Эй, ты куда? Полезай-ка скорее сюда!»

И вот чудеса!

Увидев друг друга, мураши кинулись прочь кто куда.

А как же соломинка?! Уже не нужна?

КУКУШЕЧКА

Вы какое время года любите? Я – зиму и лето. Мама – лето. А папа с Алькой – не знаю...

Расскажу об одном лете.

Алинка отдыхала в то лето в лагере, а мы с мамой, папой, черепашкой Глашей, декоративным петушком Филькой и пятью рыбками в аквариуме жили за городом, на даче. Папа ни свет ни заря уезжал на работу, и мы оставались одни, не считая соседей за забором.

Маме нравилось жить на природе.

– Хорошо-то как!.. – не уставала она говорить. – Какая красота! А воздух!..

Мамино восторга я не разделял: тоскливо было без друзей.

А тёплые деньки всё бежали и бежали, и ничего такого не случилось. Мамочка радовалась лету, сочиняла мне сказки, готовила обеды... Папа приезжал к ночи, рассказывал о своих делах...

В один такой день рано утром мама вошла в детскую и прокричала:

– Тёмка, подъём!

Привычный к маминым громким подъёмам, я потянулся и пробормотал:

– Мамулечка, погоди, я сейчас, видишь, уже встаю... почти встал...

А мама – мне, всё ещё витающему в сладком сне:

– Как думаешь, Тёмчик, а не рвануть ли нам с тобою в дальний лес?

С утра.

– В лес?! – Мои сновидения как рукой сняло. – С утра?

– Ну да, в тот дальний, – сказала мама просто, так, словно каждый день звала меня в дальний лес.

– Ура-а!

Во мне вспыхнул огонь радости (со мной часто так случается).

В дальнем лесу я ни разу не бывал. Лес стоял сплошной стеной и казался чёрным, манил к себе своей загадочностью.

Прокричав «ура», я – прыг с кровати! – и прямо в тапки. У мамы выпучились от изумления глаза: никогда так быстро не вставал я летом. Летом я могу спать сколько захочу, а могу просто так лежать. Могу мечтать, глядя в потолок, или жевать недоеденное с вечера яблоко. Могу включить телек прямо с кровати, а могу и выключить. Могу, если захочу, почитать книжку, порешать кроссворд, позвонить кому-нибудь – много чего могу, лёжа в кровати. А могу проснуться аж в четыре, когда начинает светать, когда во дворе бодро кукарекает крохотный разноцветный Филька. Филька и в полночь может заголосить, и всю ночь может петь с короткими паузами... А могу пробудиться не с Филькой, а вместе с дачными птицами. Под их нежные трели я опять засыпаю. А потом сквозь сон слышу мамину команду: «Подъём!», переворачиваюсь на другой бок и дальше пребываю в царстве Морфея.

А в то утро...

– Ещё как рвануть! – вдохновенно проорал я, вытянувшись перед мамой по стойке «смирно» в трусах и тапках.

И мы рванули. Мне хотелось Глафиру прихватить, чтобы вволю порезвилась на природе, развеяла меланхолию. Но мама сказала, что живности в лесу и без черепахи хватает. И моя молчаливая непритязательная подружка осталась дома, за хозяйку.

Сначала мы пересекли трассу, прошли напрямую через поле, а там до чащи – рукой подать. Лес оказался дремучим. Это издалека он кажется чёрным. А на самом деле – зелёный. В нём сосны – до самого неба! Из таких великанов в старину делали мачты для парусников, их называли – корабельные сосны. А шишек под ними – пруд пруди! Кинулся я их собирать, но тут кто-то часто-часто закуковал.

– Кукушка! – обрадовалась мама.

– Взаправдашняя? – не поверил я: голос-то человеческий.

– Ну конечно, настоящая.

Мама стала искать кукушку глазами. И я вместе с ней.

Заманчивый у птички голосок!.. Чистый-чистый, с одинаковыми паузами – хоть часы сверяй. Он кого-то звал и звал. Кукушечка так нарисовалась в моём воображении: что-то вроде совы, с большими вытарщенными глазами. Мне очень захотелось её увидеть, просто очень! Ведь так уметь куковать!.. Да как громко!.. И ровненько!.. Не всякая птица так сможет! Я стал искать кукушечку глазами и отвечать ей: «Ку-ку, ку-ку!» А она знай себе поёт и поёт. Хотя пением это вряд ли назовёшь. Это был зовущий крик, пол-

ный тоски. Долго я разговаривал с кукушкой на её языке. И пока мы пере-кликались, успел рассмотреть все деревья вокруг. Но птаха надёжно спрята-лась в ветках – не найти без бинокля.

– Кукушечка кого-то зовёт? – спросил я маму.

– Объявляет о начале лета, – сказала мама и тут же огорошила меня: – А знаешь, кукушки гнёзд не вьют и птенцов не выкармливают.

– Как так? Они же – мамы. А все мамы кормят своих детей!

– Эти птицы подкладывают свои яйца в гнёзда мелких пернатых, – стала мама пояснять. – И выбирают гнёзда тех, яйца которых похожи на соб-ственные. Поэтому часто кукушат не отличишь от сводных братьев и сестёр. Маленький кукушонок должен многое уметь. И главное, чтобы приёмные родители кормили досыта, ему, выпрашивая корм, надо подражать их голосам.

– И зачем кукушки так поступают?.. Ишь какие... – обиделся я на хитру-шек.

– Ну, будет тебе, не сердись... – примирительно сказала мама. – Самим прокормить птенцов – сил не хватает, ведь за лето одна кукушка может сне-сти несколько десятков яиц.

– А давай поймем кукушечку и будем кормить, и она станет правильной мамой, – сказал я с надеждой.

Мама засомневалась:

– Кукушки – особы вольные, им в клетке – не жизнь. Да и сможем ли поймать?..

– Сможем, сможем! И не думай!

– Лучше послушай, как поёт лес, – сказала мама. – Запоминай эти звуки. И поглубже вдыхай вкусный воздух.

Я слушал лес и ждал, когда кукушечка снова заговорит. Макушки дере-вьев качало ветром, ветки и листья шелестели... Мы слушали с мамой лес-ной величественный шум, а птичка всё не объявлялась. Мама сказала, чтобы я не вешал нос, что в следующий раз мы обязательно увидим кукушку.

На обратном пути домой в голове моей всплыли стихи поэтессы Галины Маштаковой:

*Красивый телёнок –
Коровы ребёнок.
Кудрявый ягнёнок –
Овечки ребёнок.
Ушастый зайчонок –
Зайчихи ребёнок.
И лишь кукушонок –
Ничейный ребёнок.*

«Кукушонок – ничейный? Значит, станет моим! И кукушечка тоже!»

Я сообщил о своих мыслях маме.

– Птенчик ты мой... – сказала мама ласково и чмокнула меня в макушку.

«Как же поймать кукушечку? Ну как же, как?..» – думал я, когда мы шли домой, немало побродив по лесу и собрав шишки. Думал и дома...

– О чём всё думаешь, Тёмушка? – спросила мама за обедом.

– Так, ни о чём...

– Как же хорошо в лесу!.. – произнесла мама.

Сразу скажу, после той прогулки по лесу жизнь моя превратилась в сплошное ожидание. Я был сам не свой. Странный. Чего ждал? Когда снова пойдём к кукушечке. Но мама лишь обещала и обещала («Кончатся дожди, и пойдём в лес», «Папа освободится, и отправимся в лес вместе с ним»)...

А я ждал, терпел, надеялся. У нас так бывает: маму мы с Алькой когда слушаем, а когда не очень, но верим ей всегда. Я верил маме и ждал.

Однажды она сказала:

– Скоро, Тёмчик, у папы юбилей. Как только он пройдёт, мы с тобой сразу – в лес, за маслятами.

– Нет, за кукушкой! Не надо грибов! – яростно запротестовал я.

Был я маленький тогда, многого не понимал и не знал, что такое – юбилей. Дедушка Федот, наш сосед, раз сообщил во дворе: «У меня юбилей, стукнуло сто годов». Его все поздравляли, обнимали, фотографировали... Папа моложе деда Федота, это видно сразу, подумалось мне в тот день, но папка – главный на заводе, а значит, и ему скоро стукнет сто годов, и случится юбилей. «Вот бы стукнуло завтра... – стал я мечтать, узнав о юбилее. – И мы отправились бы в лес... И поймали бы кукушечку...»

Но юбилей всё не приходил. А я ждал и ждал: ну когда же?.. Просто уже не мог без юбилея... нет, без кукушечки.

В один вечер (дело было в пятницу) папка приехал на дачу позднее обычного, и до меня долетели слова:

– Юбилей, Мариша, прошёл, как и хотел, – без пафоса. (Это как?)

Сотрудники тепло поздравили, вручили подарок...

– Юбилей! – вскричал я и в спринтерском темпе помчался в кухню, где на скорости врезался лбом в сверкающую коробку – она стояла на столе напротив моего лба.

Как только я треснулся, коробка кукукнула, но я не придал этому значения. Главное – юбилей. А ещё – обёртка: в неё был упакован подарок. Как же она блестела!.. И тут папка стал снимать с коробки новогоднюю бумагу. Я не утерпел, нырнул головой под коробку под крышку.

– Не подсматривать! – легонько щёлкнул папа меня по затылку. – Закрой глаза! – весело скомандовал.

– А как же подарок? – совершенно ничего не понимая, спросил я.

– Потерпи...

– Так нечестно! Я, что ли, один должен не подсматривать и терпеть? – обиделся я, сам не зная, на кого, но поскорее выполнил приказ – честно зажмурил правый глаз.

Тут и мама сомкнула ресницы.

И тогда папа шепнул загадочным голосом, тихо так:

– Тик-так!

Это был, я так понял, сигнал «открыть глаза». Я глянул и – ого! Передо мной стоял... теремок неописуемой красоты! Вот это да! В таком жили мышка-норушка и лягушка-квакушка!

«Будет скворечником для кукушечки моей!» – придумал я вмиг и схватил терем.

– Осторожнее, не урони, вещь хрупкая, с механизмом, – сказал папа мне. И добавил: – Теперь не просплю.

– Мам, а теремок-то с часа-ами! – зашёлся я в восторге: на передней стенке был циферблат, секундная стрелка бежала по нему как сумасшедшая.

Так вот почему папа не проспит!..

– В теремке будет жить моя кукушечка! – объявил я родителям.

У мамы дёрнулись губы, но она ничего не сказала. Папа пожал недоумённо плечами и тоже промолчал. Мне же срочно понадобилось в лес: у кукушки есть дом! Но я вспомнил, что на улице ночь. «Подожду до утра, – сказал себе мысленно, – и сразу – в лес за говорливой птахой».

Терем был, я рассмотрел, с крышей и полом. А часы оказались без стекла. Я повёл пальцем стрелки по кругу... И тут такое случилось! Дверца над

часами отворилось, и из дырки выглянула... птичка! Наклоняясь, она стала торопливо выкрикивать: «Ку-ку, ку-ку».

Я прямо ахнул:

– Кукушечка, ты уже здесь! Моя хорошенькая... с рукавичку...

И этот скворечник, и самооткрывающаяся дверка, и, главное, кукушечка с приятным голоском! Всё это, что и говорить, просто не передать словами! Только вид у кукушки был не как у совы, а, скорее, как у воробья.

Я пылал огнём радости с головы до пят. Со мной так бывает.

– Она уже тут, моя любименькая птичка!

– Тише, Артём, угомонись, – сказал папа.

Но мне было всё нипочём, какое там... Душа пела! пела! пела!

Вдруг кукушечка скрылась в окошке – откуковала и спряталась.

Мама, видно было по её глазам, не поверила, что это та самая кукушка из леса или другая. А папа, поискав куда бы пристроить скворечник, поставил его на кухонную полку.

А что сделал я? Решительно запротестовал:

– Пусть кукушечка живёт в моей комнате!

Но папка переупрямил меня, и скворечник остался на месте.

«Кукушечка будет выкрикивать своё любимое «ку-ку», а я стану отвечать на её языке. Открывать окна и двери ни за что теперь не будем», – вихрем завертелись в моей голове важные мысли. Я поделился ими с родителями. Мама с папой уставились на меня. Собственно, а что тут удивляться? Летом в открытое окно выпорхнул наш попугайчик Гоша и не вернулся. Как же мы с Алькой ревели!..

Передумав обо всём, я встал на стул перед скворечником: вдруг кукушечка опять появится.

– Тёмушка, пора спать, – сказала мама.

Этого ещё не хватало! Всегда вот так. Бросай, значит, все дела – и спать! Я затаился: очень хотел увидеть птичку.

Потом шепнул в закрытую дверцу:

– Ну же, кукушечка, давай выпрыгивай!

Но она не выпрыгивала. Я ждал. Вот сейчас... Но нет!

– Артём, быстро в кровать! – Это папа пытался достучаться до моего выключенного сознания. – На работу бы не проспаться...

– Не бойся, кукушечка разбудит! – успокоил я его.

– Сейчас же отправляйся! – снова прозвучал папин приказ.

Препариться было бесполезно – папку не уговоришь, хоть плачь.

Уходя из кухни, я обернулся: «Эх, кукушечка...»

В голове всё смешалось, я ворочался, прислушивался... «Ей понравится у нас обязательно, я постараюсь... Глаз не сомкну – буду следить за птичкой», – подумал я. И уснул.

А утром...

«Ку-ку», – донеслось до меня, сонного.

Не сразу понял, чей это крик, а когда дошло, меня холод прошиб: моя птичка! Я – пулей к скворечнику! Но окошко захлопнулось прямо перед моим носом. Эх, не успел! Я – на стул, дёрг – за боковую дверку, заглянул в терем... А там механизмов!.. Видимо-невидимо! Мини-цех с разными колёсиками, пружинками, непонятными штуковинами... Как у папы на заводе. Я крутанул колесо с зубчиками, тронул угластую пружину; углы сомкнулись и защемили мой указательный палец. Больно! Хотел зареветь, но спохватился: не спугнуть бы хозяйку теремка!

– Кукушечка, хоть на секундочку высунься, ну пожалста! – зывал я жалостливо в открытую дверку.

В ответ – тишина.

И тут не утерпел – потянул за пружину. В теремке что-то треснуло, окошко распахнулось и выпала... серая птичка... Проскрипев «ку-ку», она повисла вниз головой.

Вот ты какая?! Ненастоящая... Из железа...

Мне стало... не передать словами... Хлынули подлые слёзы из глаз и помчались со всех ног по щекам. Они неслись как угорелые и падали куда попало.

– Ты уже проснулся? – услышал я голос мамы за спиной.

Ответить не мог: шмыгал носом. А когда уткнулся в мамино плечо, заревел на полную громкость. И не заметил, как вошёл папка. Увидев перевёрнутую птичку и нас с мамой, он взял меня на руки и, растягивая слова, бодрым понарошку голосом сказал:

– Ну-у, Артё-ом... Ты же мужи-ик... Не сто-ит так расстра-аиваться... Мы с тобой обяза-ательно починим часы... И кукушка снова запоёт, будет как но-овенькая...

«Эх, папка, папка... – подумал я тоскливо. – Ничего ты не понял. В этом-то всё дело». А вслух сказал, проглотив солёные слёзы:

– Не хочу кукушку на проволоке! Мне нужна живая... И чтобы с крыльшками...

Мама с папой ничего не сказали. Они смотрели на меня и молчали.

– Мамуль, а... Давай пойдём в воскресенье в чёрный лес, ты же обеща-ла... – стал просить я сдавленным голосом, слезая с папиных колен.

– Зачем же откладывать? Завтра все вместе и отправимся! – опередив маму, весело постановил папка и так крепко сжал меня в объятьях, что я чуть не треснул по швам.

УМНАЯ МАРТА

– А у нас новость! Дедушка купил... догадайся – кого? – спрашиваю я по сотовому маму и, сгорая от нетерпения, быстро докладываю: – Корову! Живую! С рогами!

В то лето мы с Алинкой (она перешла в шестой, я – во второй) жили в деревне. В Алексеевке. У бабушки Тани и дедушки Вани. Тогда и появилась в нашем дворе корова – дед привёл за верёвку.

Узнав новость, папа с мамой примчались к нам в тот же день. Не на коне – на машине. Увидев дедушкину хвостатую попку, папка удовлетворённо произнёс: «Ну и масть!..»

Масть, кто не знает, я сам раньше не знал, – это цвет шерсти. Наша корова от головы до пят, то есть копыт, – рыже-коричневая, на лбу белая звёздочка нарисована – вот какой масти! А её большие карие, с завитыми вверх длинными ресницами глаза – всегда грустные. В них всё отражается словно в зеркале. И мы с Алькой. Зовут нашу корову Марта: она в марте родилась. Правда, красивое имя? А можно ласково – Мартушка.

Больше всего она любит жевать и тяжело вздыхать. А как мычит!.. Мамочки мои! А характер у неё, должен всех предупредить, очень строгий. Если честно, я обхожу корову стороной: неизвестно же, что у неё в голове, на которой опасные рога. Слушается Марта только дедушку – он главный в доме. А в стаде главная – наша корова, пастух зовёт её «вожаком». Вожака все рогатые слушаются! А Марта – только дедушку. Стоит ему строго посмотреть ей в глаза, корова сразу – как шёлковая. Баба Таня говорит:

«Мартушка и послушная – прямо как шёлковая, и статью-поступью хоть куда...»

Коровка и нашу маму очаровала! Знакомясь с ней, она сказала: «Красотка! Какая же ты всё-таки красота!.. Так и буду звать тебя».

Между прочим, молоко у красотки превышает по полезности все йогурты на свете. Это из-за него расту я, как бамбук, не по дням, а по часам. Молоко виновато.

А видели бы вы, как дедушка кормит Марту... А бабуля ворчит: «Опять ты её балуешь, погубишь животину». Это она к тому, что перекармливать коров, оказывается, вредно. А меня будто полезно... Только и слышал бабушкин голос: «Артёмка, Алинка, пора пить парное молочко!»

Открою секрет: Марта – модница, у неё в ушах серёжки. Дедушка их выписал из Швейцарии. Они не для красоты, а для здоровья. В них – витамины, повышающие аппетит и настроение. Благодаря серёжкам Марта даёт вдвое больше молока, чем её подружки из стада.

Дедушка о своей любимице «так и печётся» – это бабушкины слова. «Лишние каро... калории, – говорит дед Ваня, подкладывая в кормушку сено, – Марте на пользу». Калории, кто не знает, я сам недавно узнал, – это питательность. Их дедушка высчитывает в голубой тетрадке, с которой никогда не расстанется. Дедуля обожает Марту! А Марта обожает яблоки, которые добывает с помощью ловких рогов. Бабушка говорит: «Наша коровушка прямо как с руками!» В самом деле, снесёт Марта калитку в сад, и – пожалуйста! – заходите, можете вволю похозяйничать. Хозяйничает наша красотка проворно и с размахом – пока дедушка не видит. А за сухофруктами топает в палисадник – пока бабушка спит. Не успеет бабуля яблочные кружочки на верёвку развесить, как от ароматных фруктовых пирамидок остаются лишь ниточки.

О Марте могу много чего рассказать...

Раз пошли мы с Алинкой за ней на речку – пастух пригоняет к речке стадо, – видим: Марта, словно вождь племени краснокожих, несётся впереди всех – только пыль из-под копыт! Тут две коровы поравнялись с Мартой и заслонили собой. А тут ещё пыль... И мы проглядели корову. Стали искать. Долго ходили, пока Алька, надув губы, не буркнула:

– Всё! Дальше не пойду! Хоть режь! Силы кончились.

Делать нечего... Присели с краю дороги... Сестрица сникла. А я рисую себе палочкой самолётики в пыли и прикидываю в уме: а не дома ли уже наша пропажа?..

Тут Алька перестала дуться, сказала:

– А знаешь, сколько за день мы делаем шагов?

– Сколько?

– Примерно двадцать тысяч. Сегодня мы перевыполнили норму примерно втрое.

– Ого!

– Это ещё что! За семьдесят лет человек делает около пятисот миллионов шагов. Это равнозначно тому, как если обойти земной шар по экватору пять раз.

Не успел я удивиться, сестрица вдруг взвилась:

– Марта! – И рукой в сторону кукурузного поля показывает.

Я всмотрелся вдаль...

– Скоро и звёздочку на лбу разглядим! – сообщила Алинка восторженно.

– Наша! – Тут и я узнал Марту по масти.

Ура-а, наша красотка нашлась! От радости мы закружились, взявшись за руки. Пока бесились, Марта, покачивая крутыми боками, прошагала мимо

нас, устремив взор в сторону деревни. Ни меня, ни Альку не заметила. Ну даёт!.. Мы-то здесь зачем?! Пришлось кинуться ей вслед.

Идём, Алинка ругает корову: «Ты где ходила? Мы тебя, негодница, обыскались!» Всё ей высказала. Марта слушала, терпела... А потом встала, как памятник, сердито посмотрела на Альку, что-то себе соображая, и вдруг... пошла на неё вперёд рогами! Пригнула голову, чтобы удобнее было обидчицу на рога посадить. Алина не растерялась, кинулась со всех ног к стогу сена – он был недалеко. Бедная, бедная... так неслась! А Марта и не думала преследовать, лишь грозно замычала вслед. Я – словно в землю врос, смотрел на мелькание розового Алькиного платья, даже палку не сообразил в коровищу пулнуть. У-у, коровенция! Погоди же у меня!..

Припугнув Альчонка, красotka развернулась на сто восемьдесят градусов и бодро зашагала по дороге, размахивая хвостом, – ей уже всё пофиг. Мы же с Алюской – скорей за ней, на безопасном расстоянии.

Идём, Алинка слёзы по лицу размазывает, а я не перестаю удивляться:

– Вот так Марта!.. Всё понимает! Умная!

Алька надулась до предела – вот-вот лопнет. Молчит. Я же не могу удержаться, нахваливаю коровищу: проворная, смекалистая, себя в обиду не даёт! Тут сестрица сдулась и тоже сказала что-то приятное: простила корову. И зашла Марта в ответ в благодарном мычании. Она прелесть как мычала! С весёлыми переливами! Тоже простила Алю.

Шли мы и дивились: вот чудо так чудо – корова нашу речь понимает, а мы её мычание – нет! Марта слушала (взгляд у неё не был уже сердитый) и, поворачивая время от времени к нам голову, выводила своё любимое: «Му-у!» Что она имела в виду, что хотела нам сказать? Мы – ни бельмеса.

И всё же, что бы ни вытворяла Марта, теперь мы точно знаем: она – умнейшая из коров. Вот только характер у неё трудный!..

Слышал, как папка сказал маме, что корова – хомут на шее отца. Я не понял... Хомут?! Это как это? Но хомут ведь носят лошади! И подумал я тогда: «Надо спросить у дедули...»

КЕШКА

Однажды в школе случилось вот что.

Мой большой друг и «однопартиец» (сидим за одной партией) Женька Сарафанов пришёл в школу со своим попугаем.

– Бабушки дома не будет, – пояснил Жека, – а Кешечка не выносит одиночества. Не затосковал бы... Пусть на английском второй язык изучает – пригодится.

Кешка, скажу вам, ужасно красивый. А большой!.. Еле в клетку помещается. А умный!.. Мы к нему наперебой: «Скажи: «Привет!» А он «воды в рот набрал» и строгим глазом косит по сторонам. Мы ему: «Тогда скажи: «Hello!» Попугай – ни в какую. Молчит. Тоже мне партизан нашёлся... Я-то знаю Кешку, он говорящий, ещё какой болтун! И говорит иногда по делу, а чаще – что в голову взбредёт. Он может даже напевать мелодии! Он музыкальный.

Женька нам:

– Зря донимаете. Кешка самостоятельный. Разговаривает, когда сам того захочет.

Мы ещё немножечко поприставали... Потом Жека клетку с попугаем пристегнул к рюкзаку и за спину перекинул. И толпа из зевак покатила

за ним, сметая всё на своём пути. Просовывают в клетку кто печенье, кто чипсы, кто палец. Одна малявка губы вытянула трубочкой и хотела поцеловать Кешку сквозь прутья. А он – бам! – по девчачьим губам когтистой ногой. Хорошо хоть не клювом! В общем, цирк.

А дальше что было!..

Пришли мы на географию. Ирина Михайловна, увидев попугая, ахнула:

– Ах, краса-авец! Экзотический джентльме-эн!

Женька так и засиял. А я, представьте, сник. Вот из-за чего.

Учительница открыла журнал и побежала глазами по списку.

– В путешествие по карте отправится... – сделала она опасную паузу. – Артём, иди-ка к доске!

Так и знал. Всё я да я... Вышел. Стою. А сам думаю, предательски бегая по карте глазами: «О чём рассказывать? Об Арктике или Антарктике?» Мы проходим один из полюсов, а вот какой? С детства путаю названия и особенностями. К тому же сторяча чуть не брякнул про невыученный урок. Начал издали, если что, думаю, Ирина Михайловна поправит. Кинул взгляд на попугая. Он сидит в клетке, нахохлился, шею выгнул, круглый немигучий глаз уставил на меня, слушать приготовился. «Для Кешки буду особенно стараться», – решил я, вспомнив одну статью из журнала. Стал пересказывать. В ней – об отважной четвёрке полярников – Папанине, Ширшове, Фёдорове, Кренкеле. Как они высадились с самолёта точнёхонько на Северный полюс, как вели научную работу в неизученном тогда ещё районе Земли, как боролись с жестокими морозами, как их льдину ломало... Потом переключился на белых медведей, которых на полюсе пруд пруди.

Кешка на медведях вдруг проскрипел:

– Вр-р-рун. – Да так серьёзно!

Я не понял... Глянул на учительницу. С одобрительным лицом слушала она меня внимательно. Пожав плечами, я перешёл к ледоколу, который спас полярников, когда те оказались в беде.

Кешка снова:

– Вр-р-рун.

– Я врун?! Ну ты, Кешечка, совсем ку-ку...

А он знай своё, заладил как попугай:

– Вр-рун! Вр-рун! – И так раз десять!

Я – ему в отместку:

– А ты – неуч! Пижон.

– Пижон. Не-уич, – подхватил Кешка.

– Это я неуч?! – Меня словно кипятком.

И тут я разошёлся, меня понесло:

– А ты, Кешечка, про полярную маленькую птичку пуночку – вестницу тепла – что-нибудь слышал? Откуда тебе знать! А она, между прочим, всегда прилетает к людям, где бы они ни были в Арктике, сказать, что весна пришла.

– Интересные сведения, – прервала меня учительница. – Я почерпнула нечто новое, так заслушалась, что даже забыла тему урока. А ведь, собственно говоря, мы изучаем Ан-тарк-тиду. Что, Артём, можешь поведать нам о Южном полюсе Земли? Расскажи-ка.

– Р-р-расскажи-ка, – проскрипел попугай и стал грызть и долбить клювом крючок у дверцы.

Эх, перепутал полюса!

Пока я лихорадочно перестраивал мысли, Кешка сбросил крючок и внезапно вылетел из клетки, на волю вырвался. Класс замер. А попугай как ни в чём не бывало сделал круг над нашими головами и опустился прямо на учительский стол, на журнал.

Изумлённая Ирина Михайловна ойкнула, отмахнулась:

– Кыш! Пшёл вон!

А птица – ноль внимания, гордой походкой прошлась по журналу туда-сюда, а потом заладила, не повторяясь в словах:

– Р-р-расскажи-ка. Вр-ррун. Доло-ой. Ке-эша. Не тр-о-онь. Р-р-р-азбойник.

Жека – туча тучей – кинулся к столу, чтобы Кешку схватить. Но он, не будь дурак, внезапно взмыл перед его носом – и был таков! Женька даже не успел ухватить его за хвост. А потом началось... Попугай вихрем понёсся по классу – по шкафам, занавескам, круг за кругом, точно велосипедист по вертикальной стене. Женька, закатав рукава, гонялся за Кешкой, девчонки – гурьбою за Жекой, невероятно толкаясь и шумя. А мужская половина класса соображала, что да как, горячилась, строила план поимки летуна. Наконец Женька занял стратегическую позицию и, когда Кешка пролетал мимо, – хватя его! Но промахнулся.

– Эх, улизнул, паршивец! – Жека был потрясён. Но тут же собрался: – Я его сейчас!.. Опять мимо! Никак не поймать!

В проходах между столами образовался затор. Кешка, оглушённый происходящим, метался по классу в поисках убежища, а за ним с визгом и воплями гонялась обалдевшая толпа.

– Лови его! Ого!

– Так его!

– Заходи справа!

– Руками его! Держи!

– Гони на меня!

– Давай его сюда!

– Не уйдёт!

Кто подпрыгивал, кто – зигзагами, перебежками, крадучись – пытался согнать попугая с высоты. Но он-то с крыльями! Знай себе – фр-р-р! – со шкафа на люстру, с люстры на дверь. Крутится в поисках места посадки, зорким глазом косит по сторонам. Мечется, сбрасывая на пол то, что не успели ещё сбросить снующие человечки. Шум и суматоха достигли критического предела.

В моей голове билась праведная мысль: «Ну и хулиган... За ним весь класс гоняется, а ему хоть бы что!» Сам стою, как и положено, у доски, в поимке птицы не участвую, хотя готов ринуться в бой. И тут в моём сознании всплыла песенка воробья из мультика:

*Эй, бескрылый человек!
У тебя две ножки...*

Прокрутил её в голове, пока суть да дело... А попугай всё куролесит, прибавляя газу, играет с бескрылыми человечками в догонялки. Жека, раскрасневшийся от охотничьего азарта и предпринятых усилий, решительно командовал:

– Гоните его в клетку! Он не уйдёт от меня!

В группу быстрого реагирования вошёл весь класс. Кроме меня – я у доски. Глянул я на Ирину Михайловну: она, сама не своя, схватилась за голову. Ситуация вышла из-под её контроля.

Конечным пунктом для Кешки стал глобус. Пернатый эквилибрист завертелся на нём, перебирая корявыми ногами... Так увлёкся, что не заметил хозяйина. Женька на цыпочках... на цыпочках... подкрался и – хватя разбойника!

– Ура! Победа! – заорал класс.

– Ка-р-ра-ул! До-оло-о-ой! Hel-lo! Wan! – заверещал истошно «джентльмен» в Женькиных руках.

Но на Жеку птичий вопль не подействовал. Женёк не смиловился – затолкал крикуна в клетку и закрепил крючок резинкой для надёжности.

Минуту попугай мерился взглядом с хозяином.

– Женя, – пришла в себя Ирина Михайловна. – Не приноси его больше...

– Я и подумать не мог, что Кешка может так напраказничать, – смутился Жека. – Простите нас...

«Представление» закончилось. Раскрасневшиеся и взлохмаченные, все расселись по местам, на ходу приводя себя в порядок. Кешка, присмиривший в клетке, бубнил себе под клюв, с омерзением косясь на Женку. А Ирина Михайловна потрясённо охала над учительским столом, так и не вспомнив про меня у доски. Оказалось, Кешка оставил «сюрприз» в классном журнале. Вот негодник!

КАК Я НАШЁЛ ДРУГА... ЗА ПЕЧКОЙ

Вы бывали в деревне зимой? Я до этой истории, о которой расскажу, – нет. Всё случилось, когда я ходил в детский сад.

В ту зиму мой детсад закрыли, и папа отвёз меня к бабушке с бабушкой в Алексеевку.

Зимой в деревне, как уже сказал, я не был, и мне казалось, что в это время года там должно быть ещё красивее, чем летом. Я представлял, как буду лепить во дворе снежных зверей, строить крепости, кататься с ледяной горы... А главное – на зимней рыбалке поймаю вот такую щучищу! Двухметровую.

Папа привёз меня в Алексеевку ночью, и я не смог в темноте разглядеть ничего зимнего. А утром вышел во двор, а там... Никогда не видел я такого чистейшего снега, его столько намело!.. Он лежал охапками на заборах, деревьях, на резных дедушкиных воротах – везде-везде! А на земле сугробился в виде стогов сена. Я плюхнулся в один такой «стожок» – и нет меня! Папа вышел вслед за мной, а меня – нет, и не ищите!

– Артёмка, – позвал папа. – Ты где? Мне пора, я уезжаю.

– Насовсем? – высунул я из «стога» голову.

– Опа! А что в сугробе делает этот снеговичок? – сказал папка весело.

– Я в сене. Я – сенокос, – сказал я ему и – апчхи!

– Ну-ка, вылезай, горе-сенокосец! Горло простудишь!

– Я всего-то минуточку...

Папка не стал ждать, запустил руки в «сено» и вытащил меня на белый свет.

– Я так не играю... – обиделся я.

– Пора мне, Артёмчик, – сказал папка. – Машина прогрелась.

Чмокнув меня в нос, он уехал. И остался я с бабушкой, бабушкой и котом Васюком. И никого больше поблизости. И на улице ни души. Лишь собаки сюда-туда носятся, да почтальон разносит газеты.

Зимой в деревне дым идёт из труб... И вокруг тишина. Я крикнул во дворе, на всякий случай, в ответ – ни звука. А дома сел я у окна и заскучал. Ску-у-учно... Не подумайте, не сразу затосковал, сразу было некогда – бабушке помогать по хозяйству. Потом загрустил.

Баба Таня поглядела на меня, тоскливого, поутешала и решила устроить меня в детский садик. Я обрадовался: там можно найти друзей!

Утром мы с бабушкой отправились в детсад по сугробам: дорогу замело. Я утопал в снегу и радовался, ведь я шёл за другом!

Только оказался я в группе, сразу стал «новеньким». И все принялись рассматривать меня. Одна рыжая девочка потрогала мой большой палец на правой руке, подёрнула. А худосочный пацанёнок, с вихром на затылке, поставил мне подножку. Пришлось применить к нему приём самбо – как папа учил. И воспитательница отправила меня в соседнюю комнату, за печку.

– А здорово дерётся этот городской! – услышал я голос задиры за спиной.

Дальше произошло такое, о чём надо было либо расстраиваться, либо радоваться. Печка была блестяще-чёрная – как дядьславин «Мерс». Я представил, как сажусь за руль этой приземистой красавицы-машины, жму на педали – и «Мерседес» летит, едва не выпрыгивая из-под меня. Когда папин друг, дядя Слава, катал меня, рассказывал... А знаете, почему автомобиль так называется? В позапрошлом веке были выпущены первые автомобили с мотором механика Бенца. Машины понравились покупателям, и хозяин завода решил отблагодарить своего делового партнёра, который участвовал в их выпуске: всю серию назвал именем дочери своего компаньона – Мерседес.

Встал я в запечный угол и подумал: а зачем я тут? Ну зачем?

Из соседней комнаты доносятся детские голоса... Пение... Я же стою и стою. И не заметил, как подошла мелкая девчонка с огромным красным бантом на голове. Заглянув мне доверительно в глаза, она прошепелявила:

– Жа што тебя накажали?

– Наказали?! – Рот мой открылся сам собою от удивления. – Я что, провинился?! – оторопел я. – И когда успел?

А мелкая всё картавила:

– Ждесь можно иглать в куклы...

– Ещё чего! Я не девчонка!

Бант постоял, постоял, потеряв ко мне интерес, убежал.

Таким образом я узнал, что печка в деревенском детском саду – это как угол в городском детсадице. За печку ставят всех провинившихся.

Делать нечего в углу, кроме как стоять. Стой хоть тысячелетие, и никто о тебе не вспомнит. Вот уже и группа прошагала на полдник... И назад прошла...

– На, возьми, – вдруг услышал я за спиной тонкий голосок.

Обернулся – передо мной мальчик – чуть меньше меня, курносый, с веснушками. Прямо как Филиппок из книжки! Он протягивал мне полпряника.

– Меня Виталиком зовут, – просто сказал Филиппок, вкладывая в мою руку угощение. А потом доложил: – Я в садике почти с самого рождения! Я – «сторожил». Так папа говорит. Сторож детсада, значит.

– А я – «новенький»! – обрадовался я живой душе. – Пришёл сюда за другом!

– Хочешь, с тобой буду стоять, – просто сказал мальчуган. – Вдвоём веселее.

Я скорее подвинулся, освободил место: вдвоём, конечно, вдвоём!

Виталик достал мелки из кармана и, протянув мне розовый, предложил сыграть в «морской бой». Я согласился. Мне так наскучило стоять!.. И начали мы резаться, жуя один пряник на двоих. И мне казалось, что знал я Виталика всю свою долгую жизнь и что играли мы на печкином животе целую вечность.

Дедушка пришёл за мной, когда детсадовцы гуляли во дворе. Нас с Виталей, само собой, не было. Воспитательница, как рассказывал потом дедуля, всполошилась, кинулась искать меня. Обежала вокруг здания – не нашла. Заглянула в беседку – и там меня нет. Стала пересчитывать детей дрожащим голосом, потом устроила переключку, ощупывая всех на предмет повреждений. В итоге оказалось, что недостаёт двоих: Виталика и «новенького»,

то есть меня. Молоденькая воспитательница расплакалась у всех на глазах, и две девочки присоединились к ней.

– Может, они в сугробе спрятались? – предположила нянечка, успокаивая девочек-плакс.

– Ольга Дмитриевна! А «новенький» за пещкой стоит, – сказала вдруг беззубая малышка. – Вы его до полдника туда отпавили. Что ли, забыли?

Дедушка бросился в корпус. Все – за ним. Включили в комнате свет – а там мы с Виталькой за печкой, спим себе мирненько в углу.

– Ой, они здесь! Пригрелись у «голландки» и спят, как котята, – прижала руки к груди воспитательница и виновато глянула на дедушку.

Не сразу я сообразил, что это за толпа. Поморгав, всё вспомнил. Только откуда взялся мой дедуля и чему он так радуется? Дед Ваня смотрел на нас с Виталькой во все глаза. И улыбался. И нянечка уставилась оторопело – глаза на лбу. Будто впервые нас видела.

Дедуля молча взял нас с Виталей за руки и стал протискиваться сквозь плотное кольцо детей. Потом застегнул на мне пуховик и сказал, непонятно к кому обращаясь:

– Вот такие, брат, бывают дела...

На прощание я махнул Виталику рукой:

– До завтра! Приходи обязательно! Будем сражаться за печкой!

– Приду! И ты пораньше... – услышал в ответ весёлый голосок.

Домой шли мы с дедом Ваней, утопая в сугробищах. Снегу ещё больше намело! Снежные стога выросли в мой рост. Всю дорогу я рассказывал, как мы с Виталькой топили корабли друг у друга. Утопал в снегу и говорил – меня было не остановить. Я даже смеялся, мне было так хорошо! Ведь я друга нашёл. Да ещё какого! Дедушка, я заметил, плохо слушал, он думал о чём-то своём.

– А я друга нашёл! – с порога сообщил я бабуле радостную новость. И досказал ещё радостнее: – Такого, как мои закадычные, самые-самые – Женька с Вадюхой!

– А ещё наш внук выспался, – смешно подмигнув мне, сказал дедушка. И добавил с грустинкой: – За печкой.

БОРЬКА

«Скорее бы июнь... – мечтал я зимой. – И – к бабушке с дедушкой в Алексеевку!»

Летом в деревне... это просто не передать словами как здорово. Нравятся мне и рыбалка, и поляны, полные ягод, и мальчишки соседские (особенно Виталька), и домашние животные...

У дедушки был Пятачок – потешный поросёночек с хвостиком-пружинкой и носом-пяточком. Мы с ним дружили.

Я пел ему:

*Куда идём мы с Пятачком –
Большой-большой секрет!*

Поросёночек любил эту песенку и хрюкал ей в такт.

Я заметил, что из-за короткой шеи Пятачок не мог смотреть вверх, а значит, не мог видеть неба. А я что делал? Поднимал его за передние ноги, и он – «хрю-хрю» – обхрюкивал мои руки.

В то лето – было это давно – папа привёз меня в Алексеевку, а поросяночек уже вырос, стал с бабушкин сундук и со мной играть не хотел. И я скучал.

– Что-то невесёлый ты, Тёма? – заметила как-то бабуля. – Сходил бы на рыбалку. И Васюка прихватил бы с собой, вон как он трётся о холодильник, рыбы хочет.

В самом деле, почему бы не порыбачить вместе с котом?

Хотел я кинуться в сарай за рыболовными снастями, которых там навалом. Но тут пришёл дедушка, принёс весть, от которой рыбалка вмиг вылетела из моей головы.

– У нас ягнёнок родился. А вот овца не оправилась... – сказал дедуля грустно.

– Неужели?.. – всплеснула руками бабушка.

Я – к деду:

– Бежим скорее к ягнёнку!

– Погоди, торопыжка, дело неотложное у меня, позже сходим.

Дедушка ушёл. А бабушка занялась пирогами. Но не как обычно – весело напевая, а молча, думая о чём-то своём.

Про бабулины пироги можно стихи слагать. Такие вкусняшки – пироги! Хрустящая корочка, клубничная начинка... Но в тот день, если честно, мне было не до пирогов. У меня барашек из головы не выходил. Как он там один, без мамы?..

Стал ждать я деда. Поиграл с солдатиками. Полистал комиксы. А когда прилёт на диван, заснул. И во сне думал я о ягнёнке. Его, похожего на пуделя, будто бы кормил пирогом. Потом словно издали услышал громкий, как в микрофон, голос:

– Артёха! Клёв проспиль!

Встрепенулся – передо мной Виталик.

– Чего раскричался? – говорю ему. И вдруг как вспомню: – А у нас ягнёнок родился! Пойдёшь со мной смотреть?

– Что, я ягнят не видел? – насутился друг. – У нас не один, а целых два. И три овцы, с бараном в придачу. Айда на рыбалку.

Я мотнул головой – нет. В ту минуту ягнёнок был для меня важнее даже рыбалки.

– Тогда я один... – Виталька поскущел, потоптался на месте и скрылся за дверью.

Заглянула в комнату бабушка и сказала:

– Дед не стал тебя будить, один отправился в сарай.

– Без меня? Бежим скорее!

Я схватил бабу Таню за руку и помчался с ней во весь опор. Бабуля охала, ахала, не попевала за мной. Но мне надо было скорее, и я разогнался прямо как на супер-роликах.

Сарай – дедушкина гордость и забота. В нём чисто, пахнет коровой и лесной поляной. А от кукурузных половинок, сложенных в ящике, – такой душистый аромат! Всегда, когда прохожу мимо, втягиваю носом этот вкусный запах и незаметно от бабы Тани пробую жёлто-зелёный початок.

В тот день прошмыгнул я к ягнёнку без остановки.

– А вот и внук! – обрадовался дед Ваня, увидев меня. – Да с тобой и бабушка!.. Знакомься с ягнёночком, Тёма.

– Ничего себе!.. Ну и кроха! – уставился я на барашка. Не мог оторвать глаз.

Был ягнёночек в белых мелких кудряшках, сам худой, ножки поджал под себя. Лежал он на золотистой соломе в яслях, прикрыв глаза. А услышав наши голоса, приподнял головку и тоненько, дрожаще проблеял:

– Бе-э-э!

Он поздоровался с нами!

Я в ответ ему:

– Привет! – И помахал рукой.

На вид барашек был как в моём сне – похожий на пуделя. Видели бы вы его крохотные копытца! Они фарфоровые! Ягнёночек попробовал подняться на ножки, но это ему не удалось. Он пополз на коленочках, опрокинулся набок, потом всё-таки поднялся, постоял, с трудом держа равновесие. И вдруг, качнувшись, шагнул в нашу сторону. И ещё раз шагнул... И ещё... Крошка, ходить он только учился, дробно стуча раздвоенными копытцами. Кое-как достиг загородки, потянул шейку, боднул крепким лобиком мою коленку, лизнул её. Я отпрянул.

– Не бойся, он не кусается, – сказал дедушка мне. – Мать ищет. Плохо без матери сосунку. А мохнатая шкурка уже высохла.

– Бедненький... Без мамы...

Я присел на корточки и стал гладить барашка (хвостик у него задёргался). Гладил спинку, шейку, головку... От него пахло парным молоком.

– А давайте возьмём ягнёночка в дом! – придумал я. – Одному тут тоскливо... Буду с ним играть, кормить. И никому в обиду не дам!

Дедушка внимательно посмотрел на бабушку, а она – на него.

– Ну как? – молча спрашивал бабулю строгий дедушкин взгляд.

– Ах, право не знаю... Лишние хлопоты, – вздохнула бабушка. – Если только ненадолго, пока не окрепнет...

– Ты самая добрая! Самая-самая на свете! – обнял я бабулю.

Всё так и случилось. Как мне повезло! Ягнёночек Борька (я придумал имя) стал жить в коридоре.

Прошёл день, другой, неделя... Борька был уже не таким, как раньше, – увереннее стоял на палочках-ножках, твёрже шагал. И даже слегка округлился в боках. Ведь мы кормили его то и дело. Было радостно смотреть, как он сосёт молоко из бутылки. Мы не могли им надышаться! И всё же Борька любил больше всех мою бабулю. И меня, конечно, он уважал: я не отходил от него ни на шаг. И к дедушке хорошо относился: мой дедуля мировой! Но бабушку Борька обожал, ведь она была ему вместо мамы.

С Борькой время так летело!

Проснулся я в одно утро и – к ягнёнку. Но где же он?

Бабуля успокоила меня:

– Дед отвёл твоего дружка в сарай. Большим он стал, и не заметили, как вырос.

Стал я ходить в сарай. Барашек встречал меня, тоненько дребезжа: радовался мне. А я дивился: всё понимает! Мог я часами стоять у загородки и напевать.

Барашек рос, стали крепкими его ноги. Это от дедушки я узнал, что он – ценной породы – тонкорунной. И сам барашек наиценнейший! Дедушка то и дело его стриг, но шерсть быстро росла. Я любил зарывать голову в Борькины мягкие бока, а он любил со мной бодаться.

Трудно поверить, но Борька понимал время. На поляне, где его привязывали за колышек, когда подрос, он ждал бабушку ровно в двенадцать. Как только она появлялась с бутылкой молока, ягнёнок – к ней вприпрыжку! На бегу мог даже колышек выдернуть. Барашек давно щипал траву, а баба Таня поила его молоком, словно маленького. Баловала его.

Ни за что я не уехал бы из деревни! Но лето кончилось, за мной приехал папка. Приехал и сказал, что пора домой, пора мне в школу, в первый класс.

– Мама с Алинкой по тебе так соску-чи-ли-ись! – прогремел папка, схватил меня за бока и подбросил так высоко, что я чуть не улетел в облака. Кинулся я к Виталику – прощаться. А потом – в сарай. Борька сказал мне при расставании:
– Бе-э-э... Буду скучать по те-бе-э-э...
А я в ответ ему:
– Бе-э-э... Скоро приеду к те-бе-э-э...
Дома каждый день думал я о ягнёнке. И о дедушке с бабушкой думал. И о Витальке думал. Всё думал и думал: как они там без меня?..

ПРО ЖЕНЬКУ И КЕШКУ

Однажды случилось чрезвычайное обстоятельство. Мой друг Женька Сарафанов улетел вместе с родителями и попугаем Кешкой в Африку. На самолёте. Папу Жени командировали в одну из жарких стран. Теперь сижу я за школьным столом совершенно один. И дело не в том, что пустует место рядом со мной – мне Жеки не хватает. И Кешки.

Раньше как было? Заскочу к Сарафановым, у Женьки сразу – рот шире ушей. А Кешка бурно встречает меня своей белибердой: «Покур-рить бы. Пр-равый. Кеша кр-расивый». И всё в таком духе. Или, когда прихожу, Кешка принимается насвистывать строчки из разных песен. Он не простой попугай – музыкальный, с ходу запоминает мелодии. И моё настроение – прып! – до ста градусов.

Первым делом я принимаюсь кормить Кешку орешками – специально держу их в кармане. Он грызёт с превеликим удовольствием, а мне тоже удовольствие – смотреть на него.

Когда я провожал Женю в Африку, попросил его писать мне не только о своих делах, но и о Кешкиных.

В одном письме Жека сообщил мне страшную новость.

«Кешка от нас улетел: забыли клетку закрыть. Мы кинулись его искать. Но разве найдёшь зелёного попугая среди деревьев одного с ним цвета... Соседи сказали, что видели попугая, разговаривающего на человеческом языке. Это был наш Кешечка. Мы обрадовались: жив! А один раз я его увидел сам, в окно. Кешка сидел на воротах, будто что-то припоминая, потом вспорхнул и – фпр! – улетел.

Недавно мы узнали, что Кешка нашёл себе пристанище. Он подружился с попугаем, который понимает человеческий язык. Теперь они вместе живут на огромном дереве и вместе добывают еду».

В конце письма Женька признался, как ему не хватает Кешкиного пения и его скрипучего «привет».

Мне же недостаёт и Женьки, и Кешки. Я так по ним скучаю!..

НАСТОЯЩИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Тут такое с нами произошло!.. Кое-кто уже знает... А началось всё с одного разговора.

Нагрянули летние каникулы: гуляй, Вася! Пролетел как ракета июнь, и приехал с дачи Вадик – аккуратный, подстриженный, в новой футболке – будто шагнул в нашу прихожую из рекламной витрины. Пришёл, а вместо «привет» сразу – с вопросом, хотя мы не виделись целый месяц:

– Тёмк, ты опять едешь на бардовский фестиваль с родителями? – И добавил не без ехидства: – Да ещё на машине!

– Ну, как обычно... – ответил я неопределённо, отключая плеер.

– Хм, я-асненько... – хмыкнув, посмотрел Вадюха на меня безо всякого уважения. – Эх, то ли дело – со мной... – Вадя скорбно вздохнул. – На лодке... – закручинился лицом. – По волнам. Преодолеваю штормы. Питаюсь планктоном в научных целях. Вот это я понимаю! – Вадькины глаза вспыхнули вдохновением. – Это настоящая жизнь! Достойная настоящих мужиков! Ух, обожаю водный туризм! – Всё сильнее заряжался позитивом от самого себя Вадя.

– И я обожаю! – проорал я, догадавшись, к чему он клонит. А потом заговорил вдруг лозунгами: – Да здравствует шторм! Вперёд по волнам!

– Да здравствуем мы и наше потрясное путешествие! – подхватил Вадик и свистнул со всей дури.

– На лодке! По Волге! До Матрюковских озёр! – Меня понесло. – У тебя, Вадька, не голова, а сундук с идеями!

Вадюха глянул мне в глаза и в задумчивости произнёс:

– Ну, допустим, не сундук... всего лишь аккумулятор. Я идеи генерирую, то бишь придумываю, потом накапливаю, аккумулирую и в подходящий момент выдаю. Совершенно бесплатно. Пользуйтесь все кому не лень! – милостиво разрешил Вадька.

– Выдавай, Вадечка, выдавай свои идеи! – задохнулся я от счастья (без Вадюхи была скукота). – Бесплатно. И окунёмся в бурную жизнь! С тобой хоть в метель, хоть в ураган! – Я вскочил зачем-то на стул.

– В метель? – поморщился Вадик. – Лето же!

– Ну конечно, в шторм! За бортом волны, как у Айвазовского на картине, а мы с тобой в спасательной лодке на самом высоком гребне. И нам ни капельки не страшно! – зачастил я с подъёмом.

– Таких волн, как на картине, и не жди, – охладил мой пыл друг-авантюрист. – Мы же не по морю пойдём, а по реке.

– А вдруг повезёт? – выразил я надежду на удачу. – Налетит ураган... и поднимет трёхметровые волны...

– Ну ты и загнул! Может, повезёт, а может, и нет, – спрогнозировал Вадик наше будущее и положил передо мной исписанный лист бумаги. – Ближе к делу, – просверлил он меня взглядом. – Составим план подготовки к походу.

План? Конечно, план! Ещё папа говорил, что надо составлять план при любом серьёзном деле.

Душа моя ликовала: я верил в то, что нам повезёт.

– Пункт первый, – приступил к плану мой самый-самый на свете друг. (Женька тоже – самый-самый.) – В строжайшей тайне от родителей готовим вашу надувную лодку к походу.

– А чё её готовить?! – поспешил обрадовать я Вадю, млея от предвкушения крутого плавания. – Она лежит себе готовенькая в гараже, с вёслами и парусом, с винтовыми пробками – они на случай прокола. Парусник в полном порядке. Не переживай! Будет для нас и домом, и надёжным убежищем в случае чего.

– Второй пункт, – согласно кивнув, дальше вещал Вадюха начальственным тоном, – закупка консервов, сухарей, прочей провизии. А также – сбор мореплавательных предметов: спасательных жилетов, компаса, секстана (если раздобудем), сигнального зеркальца, удочек, ножей, устройства для опреснения воды.

– Вода в Волге пресная, сам пробовал! – сообщил я на пике радости.

– Опреснитель придётся вычеркнуть, – с сожалением сказал Вадим и переключился на должности.

Капитаном он назначил себя любимого (Вадя старше меня на три дня). Мне предстояло стать штурманом, механиком, боцманом и коком – четыре в одном – это всё я. Я был горд. Абсолютно был доволен.

Получив звания от самих себя, мы начали лихорадочно готовиться к отплытию. Написали родителям записки о том, куда и на чём отправились. Передать их поручили Альке, предупредив: «Отдашь, когда мы будем за тридевять земель». Она: «Влетит вам!»

Подготовка шла полным ходом. И вдруг Вадик закричал как подорванный на мине:

– Забыл! Забыл! Название надо! Как без названия – и в плавание? Э-э-э... Дадим историческое имя. Глядишь, наш корабль войдёт в энциклопедию. Предлагаю – «Индевор» – по-английски «Устремлённый». Так именовался корабль Кука.

В знак своего несогласия я махнул рукой и сказал:

– Звучит банально. Надо своё название дать. У каждого корабля должно быть собственное имя. Неповторимое. Чтобы раз услышал – навек запомнил. Оно должно быть оптимистичным. У Франклина были корабли «Мрак» и «Ужас», и что же? Погибла его экспедиция... Давай назовём «Волнорезом». А лучше – «Штормовиком» – преодолевающий шторм. Находка?

– Возьмём последнее, – сказал Вадя и пустился в рассуждения: – Шторм – это не просто волны, это нечто значительнее, мощнее. Это, в определённом смысле, необузданная стихия. Случись шторм, наш «Штормовик» будет бороться с ним до последней капли крови: название обязывает.

– Чушь собачья! Это мы будем бороться до крови! – вспыхнул я.

– А вообще, не название красит корабль, а корабль – название, – умно изрёк Вадька.

На этом дебаты закончились.

Наступил час икс.

Помню последние минуты до отправления... Боязнь забыть что-нибудь важное... Прощание с Алькой – она была единственной нашей провожатой. И это несравненное чувство, когда лодка отрывается от берега, и ты удаляешься от всего земного: от ноутбука, книг, футбола... Нет ничего. Отныне лишь река, небо, чайки и солнце.

Отплытие было самым обычным. Волга встретила нас лёгким туманом. Вадик был сосредоточенным, молчал.

И вдруг он рявкнул (я аж вздрогнул):

– Все на борт! Товсь! Снимаюсь!

– Добро! – Я сел на вёсла.

Вадюха опять протрубил:

– Отдать концы! Полный вперёд! По местам стоять! Руль – лево 20.

Алька, толкнув лодку, побежала по берегу, участливо щебеча. Знаю, ей хотелось с нами, но она оставалась (у неё задание). Долго махала она рукою нам вслед...

Дали полный ход, бриг встрепенулся, ожил.

Круто!

Горжусь лодкой: тугие борта из прочной ткани, с нашей надписью на боку «Штормовик», вздёрнутый «нос», верёвочная лестница, парус, хотя и небольшой... В управлении лодочка – лёгкая, манёвренная – шторм ей не страшен, столкновения с судами тоже: оранжевый цвет виден издали. Конечно, без каюты, навигационных приборов и других преимуществ яхты, комфорта маловато...

Паруса, волны и ветер – таков круг забот морехода.

Всё шло как надо, главный фокус ожидал нас впереди.

Пора ставить мачту, решили мы, как только ветер усилился. Мачта составлялась из вёсел: двух боковых и рулевого. Составили. И лодка под парусом – опа! – рванула и понеслась, перестав подчиняться. Я тянул за одну верёвку, Вадя, рывками, – за другую... Получалось как в басне «Лебедь, Рак да Щука». Слаженность не сразу, но всё же появилась. Парусник пошёл ровнее, летел как по маслу. Любо-дорого! Мы почивали на лаврах.

И тут...

– Рыбацкий баркас! – взорвался я, заметив над водой плюхающее судно. – Мы несёмся в лоб! Нам хана!

– Стопорить ход! – сиреной взвыл Вадя.

– Отворачивай!

– Держи дистанцию!

Уф, избежали столкновения. Первый наш урок...

«Штормовик» отвернул, оставляя за собой водные гребни.

– Получилось! – Ко мне вернулся дар речи.

– Лево руля! Механик, держать обороты! – Вадя командовал.

– Есть лево руля!

– Руть – лево 5! Так держать!

Нас беспокоил стремительный ход лодки. Ветер рвал парус, и лодка устроила галоп. Мы были ежеминутно начеку, вдвоём стояли вахту.

– Попробуем дежурить по очереди, – озабоченно сказал наконец Вадя.

Я шаркнул ножкой (кто же спорит с капитаном?). Перелез в носовую часть, стал вперёдсмотрящим.

– Скорость пять узлов, – доложил я Вадику. – Пройдена четверть пути.

И в этот момент я заметил по курсу нефтяное пятно без краёв.

– Экологически опасный район, – проинформировал капитана. – Пластиковый мусор повсюду... Результаты химического века.

Лодочка, совершая непредвиденные зигзаги, продолжала нестись вперёд, врезаясь в нефтяную плёнку.

– Bravo! Молодец! – обрадовался Вадя к «Штормовику» как к лучшему другу.

– Ну, родной, не подкачай, неси нас на Грушенку, на фестиваль! – увещевал и я, делая всё возможное для ровного хода корабля.

Судно, казалось, всё понимало. Зарываясь в зыбь, оно напрягало все силы, дрожа и пульсируя словно живое.

До вечера, сменяя друг друга, несли мы вахту. Умаялись. Перенапряжение дало знать на заходе солнца. Алька давно бы рыкнула: «Всё, больше не могу, из сил выбилась!» Мы же крепились, не сдавались.

Под вечер спустили парус, и лодка легла в дрейф.

– Пусть нашим девизом, – устраиваясь рядом с Вадюхой на ночлег, начал я, – будут слова: «Волнуйся спокойно. Спешить не торопись». Ведь Волга по своим размерам почти море. А с морем не шутят: запоздание даже на секунду может оказаться роковым. Иногда бывает и наоборот – мы должны себя сдерживать, не торопиться.

Вадик откликнулся лениво, предложил ещё и наш давний девиз: «Мечтай! Дерзай! Не унывай!»

– Ага, два девиза будет, – вытягивая ноги, сказал я.

Но кто меня слушал! Прислонив голову к борту, Вадька захлёбывался тихим храпом. Тут и я провалился в тревожный, чуткий сон.

Пробудились от холода. Утро нас встретило хмуро. Река и небо были свинцовые. Наше судёнышко качало на волнах-барашках, мы помалу дрейфо-

вали. Наспех перекусив, принялись за дело. Подняли парус, и лодка... чуть не выпрыгнула из-под нас! Ветер успел разыграться. И тут я заметил неладное, выдвинул версию (и не ошибся):

– Нас, кажется, унесло назад. Я точно помню: мимо этого села мы проходили, и церковь на берегу та же.

Случилось вот что. Ночью лодку снесло по течению. Пока мы сориентировались, пока боролись с парусом, потеряли время.

Наконец пошли намеченным курсом.

Неожиданно на горизонте появилось тёмное облако. Постепенно оно соединилось с рекой. Это были первые приметы дождя. И вот уже туча застлала полнеба. Вскоре она накрыла и нас. Вест заметно свежал. Потемнело. На какое-то время ветер стих, заморосило. И вдруг шквал ветра обрушил на нас ливень, берег исчез в дожде. Лодка под потоками воды начала метаться и дрожать. Вадик тоже заметался в поисках резиновой кружки: надо было срочно вычерпывать из лодки воду.

– Боцман, кружку!

Пошла крутая волна. Волны-гиганты катились отовсюду, ветер рвал парус, исполнявший цыганскую пляску. Жуть! «Только бы лодку не перевернуло», – шептал я как заклинание. Казалось, до неба было рукой подать, так высоко выносило нас вверх. Заглянув в пропасть меж двух волн, я содрогнулся: шторм! Сердитые глыбы били в судно и швыряли его из стороны в сторону. «Штормовик» лавировал, выныривая на гребнях. Я – ему: «Спасибо, ни разу не зачерпнул бортом!» Тут вспомнил, что у лодки нет якоря, а мы под парусом...

– Стоп машины! Спускаем парус! – диким голосом проорал вдруг Вадик, подумав о том же.

– Есть стоп машины! – Я схватился дрожащими руками за верёвки.

Но вот невезение – заело. В бушующий ливень возня с полотнищем казалась мне бесконечной. Вспомнив девизы, я успокоился. И мачта – чудо! – оголилась. Лодка стала манёвреннее. Я кинулся вычерпывать кружкой дождевую воду.

Постепенно погода начала умиряться, появилась лёгкая зыбь. Вместе с ветром стал стихать и дождь. Тишь да гладь. Голодные, мы накинулись на еду. Столько всякого припасу было у нас! А так как промокли мы основательно, пришлось разоблачаться. Разложив одежду на борта, мы распластались на крохотной палубе (она же камбуз и кубрик).

– Куда же делся ветер? – нарушил молчание разомлевший от пищи Вадик. – Как думаешь, отчего ветер свистит?

– Мчится на коне и предупреждает свистом: «Расступись».

– А может, у него зуб с дыркой? – сострил и Вадюха.

– Или гаишник свистком пытается остановить ветер, который превысил скорость? – в тон ему прикинул я.

– Скорее, ветер пьёт из чайника со свистком чай, – растянул рот дальше ушей Вадя.

– Как думаешь, можно научить летать червяка? – выдержав паузу, смеялся ему Вадюха.

– Думаю, да.

– А как?

– Надо привязать его к воробью, – сказал я, а потом вспомнил: – В одной маминой сказке червяк летал, находясь у птицы в клюве.

– Можно научить червяка и плаванию, – сказал Вадя. – Привяжешь его к лодке, и он мигом научится. А как мухи ходят по потолку, знаешь, Тёмк?

– Пустяки! У них на лапках – мешочки, внутри них – клей. Он, наполняя и опорожняя мешочки, муху приклеивает.

Вадька забегал глазами по лицу – не поверил, сказал:

– Врёшь и не краснеешь. А кроме шуток? Подумать только, если это правда...

– Мама рассказывала, она – биолог. Комнатная муха делает крыльями двести взмахов в се-кун-ду! А глаза у неё – во всю голову, она всё видит вокруг, даже не поворачиваясь.

– Ничего себе, да? Нам бы так! Тём, я ломаю голову над вопросами: как появляются мысли, как они выплывают из головы.

– А может, наоборот – плывут в черепок из Мыслиндии.

– Понимаю, их вырабатывает голова, но вот как? – не унимался Вадик.

– Нейроны в процессе задействованы. Надо спросить у мамы...

Мне хотелось ещё поприкалываться, и я сморозил:

– А знаешь, плохие мысли плывут из тёмной тучи, а хорошие – из солнца.

– Когда «варит» голова, в ней образуется пар. Мысли – из пара – вот откуда, – отчебучил Вадя и, запрокинув голову, стал смотреть в небо. Потом спросил: – И отчего это у котов светятся глаза в темноте?

На этот вопрос у меня был точный ответ, я сказал:

– Природа постаралась. Чтобы кот мог видеть ночью, она снабдила его глаза особым слоем. Он улавливает даже слабое излучение – от луны, звёзд, фонаря – и передаёт его на сетчатку, а та отражает попавший на них свет. Понимаешь, глаза у кошек не сами светятся, а лишь отражают свет.

Моим ответом Вадя остался доволен.

Тут и я спросил:

– Вадь, а почему вода в морях и океанах солёная, а в реках и озёрах – нет, знаешь?

– В морях и океанах солёная селёдка водится! – отшутился Вадик.

Беззаботные, млели мы лёжа на дне лодки – словно лягушки после дождика. Потом я затыкнул песню, которая была написана будто про нас:

Я на солнышке лежу-у!

И на солнышко гляжу-у!

Вадик подхватил с полуоборота, загорлопанил, будь здоров:

Ну а я всё лежу-у!

И на солнышко гляжу-у!

Дали мы концерт по собственным заявкам! Затем ждали ветра, но тщетно. Перевернувшись на животы, помечтали о том, как станем участниками игры «Последний герой», как всё выдержим и станем героями. Повспоминали, как закупали сухари в плавание, другие запасы...

Вадя в конце концов не выдержал, отдал команду:

– Разбирай мачту на вёсла!

Младший по званию, я подчинился. Но, как назло, погода устроила нам качели: стих ветер – убрали парус, поднялся – расправили его. Но трудности нас только раззадорили.

А дальше...

К полудню путь нам преградил голубой катер. В нём был... мой папка! Я окаменел: откуда? Мы, честно сказать, заблудились в протоках меж островов, без подробной карты сбились с маршрута. У Волги столько озёр! Кривое, Головное, Мокрец... Совсем мы отчаялись, болтаясь на зыби. И вдруг,

как из-под воды, – катер с папкой на борту! Волосы у папы – как колючки у дикообраза, лицо – цвета спелого помидора...

– Ура-а! – заорал я – меня было не остановить: – Папка на борту!

Катер развернулся и взял наше изрядно потрёпанное судёнышко на абордаж. Папка смотрел на нас то улыбаясь, то хмурия лоб. Я отлично понимал, что он сердится, что нам влетит, но не мог сдержать радости.

Ещё сюрприз!

На берегу нас встречали мамы – моя и Вадюхина, тётя Ира. И Алька. В стороне, ничтоже сумняшеся, стоял Вадькин отец, дядя Игорь. Вадик напрягся, предвкушая крутую разборку (право на неё отцы имели).

Вадюха – мне, угрюмо:

– Мне кранты.

– Не дрейфь, прорвёмся! – пихнул я в его бок локтем.

Хоть и подбодрил Вадюху, но отлично понимал: наказания нам не избежать. И не ошибся. Взбучка была неслабая. Так влетело! Ничего себе была взбучечка!.. В смысле, так себе. Без рукоприкладства. Папка стал похож на полицейского, поймавшего преступников. Страсти накалялись с каждой новой минутой. Мама хотела вступить за нас, но папка разозлился: «Марианна, без глупостей!» Она – рот на замок, хотя, бывает, умудряется долго спорить с папой, и часто ни о чём. Дядя Игорь выглядел тираном, кровожадно ждал своей очереди, чтобы наброситься на нас. Нас подмывало защищаться, но мы сносили всё молча, предпочли отмолчаться.

Затишье наконец наступило. Отцы оттаяли. Мы с Вадей выждали подходящий момент, подцепили Алинку под белые рученьки и прошмыгнули мимо пап-мам. Рванули на фестивальную поляну, где начинался бардовский концерт. Мамы нашего исчезновения не заметили, они щебетали меж собой с умилением. И папы, сдувая воздух из «Штормовика», выпустили нас из поля зрения. А когда хватились, присоединились к нам. Правда, с первой песни уснули на поляне вповалку.

После этого путешествия (папа называет его «самовольным побегом») у меня родились в голове важные мысли.

Первая. Родители придут на помощь в случае чего, я же не имею права их волновать. (Алька рассказала, как мама плакала, а папа быстро решал вопросы по нашей поимке.)

Вторая. Путешественнику необходимы терпение, мужество и, как сказал папа, ум.

– Думать надо, когда что-то затеваете! – сказал папка.

– А мы думали! – дуэтом завопили с Вадюхой.

– Значит, мы настоящие путешественники, да? – с надеждой спросил я папу.

– Дорогие мои, к совершенству, вершину которого ещё никто не достиг, надо постоянно стремиться, – сказал папка. – Но! – прожёл нас взглядом. – Пока не повзрослеете, путешествовать будете с родителями.

– Так точно! – отчеканил я по-военному, вытянувшись в струнку, и папка заулыбался.

О МОРЕ, СОЧИ И БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Для меня приятнее всего это – море. Чтобы купаться с утра до ночи, нырять... и чтобы чайки рядом, ракушки, крабы... И – дельфины!

Когда мы отдыхали на Балтике... Вы были на Балтийском море? Оно для купания не очень – холодное. Досадно нам было: вот оно, море, а не попла-

ваешь. Мы смотрели, как бакланы ловят рыбу. И с Алькой состязались: кто больше отыщет в песке маленьких янтариков. Янтарь – это многовековая сосновая смола. Море выплёскивает смолу на берег, и можно её поискать. На вид янтарь – невзрачный. А вот когда его отшлифуют!.. Видели мы в Калининградском музее янтаря отшлифованную смолу разных оттенков.

Теперь о главном. Летние каникулы нагрянули прямо неожиданно. А потом я оглянуться не успел, а на календаре – август. Август! Упорхнули два месяца! Лету почти конец!

И вот в один августовский вечер...

– Тёма, через три дня мы с тобой будем в Сочи! – сказала мама весело, придя с работы.

– Ура-а! – вырвалось из меня раскатисто. – В Сочи? Ну и слово! А где эти сочные Сочи? Как туда попасть? – посыпались из меня шуточные вопросы.

Кто не знает Сочи!.. Этот город знают все. Есть много версий о происхождении названия. Э-э, ладно, не буду приводить.

– Чёрное море!.. – размечталась мама (она тоже любительница разных морей), показывая мне путёвки в санаторий.

– Чёрное-пречёрное! – сказал я, закатив от удовольствия глаза.

– Вот неуч! – зыркнула на меня Алька. – Чёрное – название, а цветом – как мои глаза.

Я глянул на Алю в упор: глаза – небесные; надо запомнить.

«Интересно, а почему море так зовётся?»

Папа угадал мой невысказанный вопрос.

– По одной из версий, называли море турки, – сказал папка. – Уже на глубине десяти метров море тёмное, как омут. Есть и другая версия. Греки, осваивая берега моря, переселяясь на них, называли море «чёрное». На их языке «чёрное» – означает – «холодное». Им море казалось холоднее своего, Эгейского.

– А Чёрное намного теплее Балтийского? – спросил я папу.

Но тут Алька (выскачка!) выпалила:

– Водичка там что надо!

– Пап, а вы с Алей приедете к нам с мамой? – спросил я и пропел: – В Сочи-и-и! Где Чёрное море и чёрные ночи-и-и! Где протекает река Сочи-и-и! Где горы, ущелья, пещеры и... – Тут я споткнулся: не нашёл подходящего слова в рифму.

Распевая на все лады вкусное слово «Сочи», я представлял, как люблюсь морем цвета Алькиных глаз. Мама тоже улетела в своих мечтах.

– На папу мы оставляем дачу, а на Алю – комнатные растения, – вернула меня и себя к действительности мама.

– Всем вместе веселее! В Сочи-и-и! – сказал и пропел я полюбившееся слово.

В то незабываемое утро меня разбудила радостная мысль: сегодня уезжаем! Я вскочил с кровати и – пулей к рюкзаку. Так... ласты, маска с трубкой, записная книжка с ручкой, плеер с планшетом – всё на месте. И весёлое настроение на месте. А у папы – озабоченное. Он ходил за спящей по квартире мамой и записывал всё подряд под её диктовку: боялся, что без шпаргалки не проживёт и дня. Алюська же тянула, отравляя всем жизнь:

– Я то-о-же в Со-очи хочу... К па-альмам и магно-олиям..

– В Сочи? А кто отдыхал в Крыму? Не ты ли с папой? – Я был просто возмущён.

– Может, я, а может, и не я, – сказала Аля.

Я оторопел:

- А ракушки откуда?
- Шутка. Понимать надо!
- Вот и поговори с ней...

Наконец мы с мамой – пассажиры скорого поезда. Быть пассажиром – большое удовольствие! Папа с Алькой и все, кто был на перроне, медленно поплыли мимо нашего окна. Аля успела крикнуть: «Привезите листья магнолии: открытки буду делать». Потом всё замелькало. И... «Я еду к морю, еду к ласковой волне!» – прокрутилась морская строчка в моей голове.

Через две ночи в открытое вагонное окно влетел ветер – влажный, солёный.

- Здравствуй, море! – припал я к коридорному окну. – Смотрите: море!
- На мой клич вышли пассажиры из купе и уставились в окна.

Глядел я на море во все глаза. У него не было краёв! Бескрайнее море – море без краёв. А в небе чайки кружат себе... Ловил я ртом встречный ветер и радовался: вот оно – море, только руку протяни! Потом вообразил шторм, крутой вал, тёмное небо... А на самом деле было солнце – бескрайнее – как море. Солнце без краёв слепило мне глаза.

Валуны, причалы, волнорезы... А с другой стороны поезда, в окне, – горы, дома отдыха... Всё мелькало. И вдруг стало темно: туннель. Поезд мчался сквозь гору! Нёсся по туннели, стуча колёсами и сигнала. Поезд вёз меня к моей мечте.

Вот она, новая жизнь! С морем! С горами! С туннелями! Новая-новая жизнь! Люблю всё новое...

Сочи. Вокзал. Я вертел головой: всё вокруг новое. Всегда хочется нового... И чтобы это новое было прекрасным. Сочи для меня были прекрасны! Пальмы разлапистые у привокзальной площади, кипарисы, каштаны, магнолии... И олеандры с розовыми соцветиями. Мама – мне: «Олеандры ядовиты, не вздумай трогать».

А море в солнечный день – как Алькины глаза – бирюзовое. Море выплёскивало на берег камешки и меня. До ночи не выходил бы я из воды, если б не мама...

А крабики – чудо-чудесное! Глаза у них вращаются во все стороны. Эти трапезиевидные шустряки – боком, боком от меня и – нырк в воду! Их не поймать. Читал где-то: наземные крабы (у нас не встречаются) умудряются на бегу схватить даже мелкую птичку.

– Смотри, Тёма, – рак-отшельник, – показала мама на крошечного рачка в ведёрке у аквалангиста. – Рачок спрятал в пустую раковину моллюска своё брюшко. Раковина мелкая, с такой легче ему плавать.

Крабы, раки-отшельники, медузы – они просто прелесть! Хотелось увидеть ещё и макак: я столько о них читал!

- Мам, поедem к обезьянкам, – сказал я.

И мы поехали. Сорок минут на автобусе – и вот он – обезьяний питомник.

– Разве питомники такие? – Я был потрясён, увидев маленькие клетки, а в них – по кучке обезьян. – А где же воля, где раздолье для животных?

Мама тоже расстроилась – это читалось по её лицу.

- Поедем скорее отсюда, не хочу видеть, как «узники» теснятся!

– Надо раздать обезьянкам угощение, – сказала мама.

Мелкие мартышки висели на своих мамах гроздьями. Потешные карапузики! Мамы их чесали, выискивая что-то в шерсти.

А вот и макаки. Мы подошли к другим клеткам.

- А чем кормите макак? – спросил я у служащего питомника.

– На обед были кабачки, – сказал дяденька.

– Вкусные, наверно... А макаки – идеальны для космических исследований, – сказал я. – Продолжительность их жизни в четыре с половиной раза меньше человеческой. Поэтому двадцать суток, проведённых макаками на орбите, можно приравнять к трёхмесячному полёту космонавтов-людей.

Рабочий вступил со мной в разговор.

– Посмотри на этих, – показал он на двух макак. – Они летали в космос, причём вместе, чтобы не заскучали поодиночке. Перед полётом их лишили хвостов: они мешали. Обучали макак на тренажёрах два года.

Я сказал:

– Читал, что по сигналу светового табло они «руками» нажимали на рычажки. Для изучения мускулов в невесомости макаки «ногами» жали на педали: сработает быстро – получишь конфету или сок. А другую пищу добывали, нажимая на кнопки. Космолётчики были опутаны датчиками, к креслам пристёгнуты ремнями, на головах – железные «тюбетейки». А вот «руки» по локоть были свободны, чтобы чесать за ухом и ковырять в носу.

Мы разговаривали...

– А макаки общаются меж собой с помощью тридцати звуков.

– В зоопарке Атланты в клетки к обезьянам ставили телевизоры. Если программа им нравилась, они смеялись, грустную передачу смотрели нахмурившись.

– Не только телевизор с пультом управления, но и компьютер, холодильник и даже микроволновка доступны приматам, – присоединилась к нам мама (кстати, она, кто не знает, – биолог). – Нажимать на одну-две кнопки эти животные, имеющие некий интеллект и развитую моторику, вполне могут.

– Да они почти люди! – вырвалось у меня. – Им бы – просторные вольеры. А они теснятся в клетках, как огурцы в банках.

Прощаясь, дяденька крепко пожал мою ладонь крепче, чем я его, и назвался Ибрагимом.

– А я – Артёмка, – сказал я.

– Ещё приезжай, Артёмка, – сказал дядя Ибрагим.

– Приеду. Когда школу закончу. И построю большие вольеры, – сказал я.

На выходе с территории питомника я оглянулся и помахал обезьянкам кепкой. Потом взглянул на маму. Она была грустной – как и я.

АЛЬКИН СЮРПРИЗ

Когда мы с мамой возвращались из Сочи, я представлял, как буду Альке с папой про всё рассказывать. Про дельфинов, выпрыгивающих из воды. Про самшит – дерево, имеющее такую плотную древесину, что даже тонет в воде. Из самшита раньше делали пули и челноки для швейных машин. О многом хотел рассказать. Но Алька, когда мы с мамой вышли из вагона, выпалила, не дав мне рта открыть:

– А у нас радость! Какая? Догадайтесь! Такой сюрприз!..

– Котёнок? Вы завели котёнка? – удивлённо спросила мама.

– Ах, знаешь уже! – ахнула Алина.

Ну и мама... А я ни за что бы не догадался.

А сестрица всё трещала как сорока:

– Назвали Яшкой – в честь Яшки-цыгана из фильма. Котёнку два месяца, а он уже знает своё имя и место! И вообще он молодец!

Алина не давала вставить мне ни слова, стрекотала как кузнечик:

– Он чёрный. Как руль у машины. И прошу вас не пугаться: страшненький на первый взгляд.

– И на первый взгляд, и на второй... – вклинился в Алькин словесный поток папка.

– Не смейся, папочка! – надула губы Алинка. А через секунду опять затарахтела: – Котёночек вам понравится! Он такой... самый лучший! Вы его не бойтесь!

Мама вздохнула (она противница котов):

– Постараемся не испугаться...

Честно сказать, я чёрных котов не очень... Рассказывают про них всякое.

– Что-то ты, Артём, голову повесил? – спросил папа.

– Она сама повисла. Я хотел беленького котёночка или рыженького. На худой конец, пёстрого или полосатого. А лучше – серого, – выбрал я нужный цвет и только собрался его обосновать, Алька как рыкнет:

– А серого котёнка у бабушки не было!

– А мы медуз видели, светляков, ящериц и макак, – поскорее сообщил я наши новости, пока Алька замолкла.

Но сестрице было не до моих новостей. У неё были свои. И она снова взхлёб затрещала о том, как хорошо теперь с кисой. Зато папе было интересно.

– А знаешь, почему осень на юге называют «бархатным сезоном»? – спросил я его.

– Почему?

– С апреля-мая и по осень в эти места любили приезжать царские особы. Летом они носили ситец, поэтому лето называли «ситцевым сезоном», а осенью дамы были в бархатных платьях. От этого и пошло название «бархатный сезон».

– А котёночек тоже бархатный! – встряла сестрица.

И я замолчал.

Только ступили мы в прихожую, из кухни выскочило что-то худое, выгнутое, уши – как у летучей мыши, хвост – тушканчика, глаза – бандитские. Эта глянцевая чёрная бомба, подлетев к нам, резко затормозила, поставив хвост трубой. Потом рванула назад.

– И это наш котёнок?... – опешила мама.

Как-то разочарованно она спросила, не понравился он ей. А мне – ничего. Главное – смелый! Только прилизанный. Шерсти не видно совсем. Будто его чёрной краской облили. И не бархатный вовсе. Нет, конечно, в нём крылось что-то от пантеры...

– Как освоился! – сказал папка довольным голосом. – Хозяин! Вырастет, всем котам фору даст!

Алька прямо расцвела. А я не понял, что значит – фору. Гордиться, что ли, будем котом?

Раньше у нас жили рыбки, попугайчик, хомячки, черепаха... А вот котов не было. Мама не хотела заводить, говорила, что случается с ними всякое.

Алька, как только вошла, кинулась Яшку кормить. Ну конечно, она его хозяйка... А я будто никто. Как будто не мой он ни капельки. А я тоже хочу! Я – раз! – и взял мурлыку на руки. А сестрица мне, раздув щёки:

– Не трогай, пусть себе ест!

Разве я – против? Конечно, пусть поправляется, а то вон худющий какой... Только пусть он и моим будет! Я Альке так и заявил. Что он общий теперь. И сестрица раздула не только щёки, но и губы.

Целый день ходил я за котёнком: куда он, туда и я.

Яшка такой чистюля! То и дело вымывает себя языком. Вот только водонелюбивым оказался – не переносит купание. Но Алька – под душ его – и готово! После водных процедур котик снова принимается за умывание.

Яшка у нас нарасхват, все хотят с ним поиграть. Когда у него особенное настроение – требует ласки: трётся о ноги или, повалившись на пол, подставляет живот. «Ути боже мой...» – приговаривает мама и чешет котика. И сетует, что дела ей теперь делать некогда, что руки так и тянутся к мурлыке. Ничего, дела подождут, Яшка ведь важнее! Я раньше был не прав. Маме котёнок очень даже нравится. «Я от него, – говорит она, – без ума!» Алька после этих слов бросается к маме на шею с обнимашками.

А папа как котёнку угождает! Даже старается проиграть ему в шуточных драках. Я же кручу Яшку над головой. Алька против нашей возни – жалко, видите ли, ей котёнка! Будто мне не жалко... Но поиграть-то хочется. Даже уже и не знаю, что бы ещё сделать ему приятное...

Яшка так и таскается за нами, требуя внимания. Или утыкается в ноги, прося почесушек. Папа любит дуть ему на мордочку и наблюдать, как забавно котик жмурится и задирает мордаху. Я, поглаживая тархтящего на груди котёнка, думаю о его нужности. Разве тот, кого любишь, может быть бесполезным?..

– У нас у всех, – говорит папка, – котозависимость, да, в котика невозможно не влюбиться!

Докладываю о его проделках. Росток пальмы, который мы с мамой из Сочи привезли, Яшка сгрыз начисто. А кактус его напугал: ткнулся носом в колючки, отскочил и теперь обходит его стороной.

У малыша есть еда любимая и не очень – как и у меня. Только у нас всё наоборот: он обожает рыбу, а я её не терплю, я не могу без конфет, а котик их не замечает. По утрам в одно и то же время ему мойву подавай: мяучит ровно в шесть. Папа сверяет по Яшке часы, говорит, что будильник можно не заводить.

А ещё Яшка умеет считать до двух. Когда папа достаёт из холодильника одну рыбёшку, котёнок принципиально не ест – вторую ждёт, изо всех сил полируя боками холодильник. Только заполучив полную порцию – вторую мойву, хитрый математик принимается за трапезу.

Стащить со стола сосиску или папин улов для Яшки – плёвое дело! «Ругайте-ругайте, я же пойду и умою себя языком», – думает котёнок, прячась под стол. Как-то раз он стянул замороженную мойву. Умный, есть сразу не стал, а положил в свою миску с молоком, чтобы быстрее разморозилась, и после слопал мойву за милую душу.

Подкрепившись рыбой, котёнок играет в маленький мячик – его он таскает в зубах.

Однажды мама в сердцах назвала Яшку бездельником, и он в тот же день принёс трёх мышек. Мама как завизжит! Яшка глянул на неё удивлённо: мол, ты чего, попробуй – вкусно, а хочешь – пожарь.

Как-то раз Яшка отказался от предложенной ему каши. Мама с досады поддала ему легонько под хвост, и он куснул её за ногу. Мама поругала котика. Он – шмыг на кухню. И тут же назад – с конфетой в зубах. Положил её перед мамой: дескать, не злись на меня. Конфету котёнок стянул из вазы.

Любит Яшка лежать на папиных плечах, растянувшись во всю свою длину. И любит встречать папу с работы: несётся в прихожую, услышав шаги на лестнице.

А недавно Яшке выдали паспорт. Он заболел, и мы повезли его в ветлечебницу. «Как зовут вашего питомца?» – спросил доктор. «Яшка», – сказал папа. «А фамилия?» – «Сашников. Запишите заодно и отчество». В Яшкином паспорте записано: «Сашников Яков Александрович». Иногда я зову котика по имени-отчеству.

Котофей обожает, когда ко мне приходят друзья. Мы играем с конструктором, он – тут как тут! – ломает наши корабли, стрелой вылетая из-под деталей. Мы висим на турнике и лианах, а Яшка взбирается по канату. Мы слушаем музыку, он подёргивает в такт хвостом.

Однажды соседи принесли нам щенка на время. Он был просто загляденье: хоть на открытку, хоть на выставку. Мы сразу в него влюбились. А Яшке кутёнок пришёлся не по душе: нападал на него – хотел показать, кто в доме хозяин, или ревновал. Даже расцарапал ему мордочку! С тех пор щенок, завидев кота, шмыг – под кровать! Яшка же всё не успокаивался: наскакивал на маленького и старался отмутузить. Мы не оставляли их одних. Как-то раз кот, загнав свою жертву за кресло, выгнул спину, поднял хвост трубой... Секунда – и затравленный щенок, осмелев с отчаяния, куснул Яшку за ухо. Кот пустился наутёк. Щенок – за ним. И задал обидчику такой урок, что раз и навсегда отучил приближаться к своей собачьей персоне.

Алина строго-настрого запретила выпускать Яшку на улицу, заявив: «Он будет домашним. Улица – плохой воспитатель».

Жалко мне было котёнка, с интересом наблюдающего за неведомой ему жизнью из окна. Раз, собираясь на прогулку, я решил: возьму Яшку с собой и Альке не скажу. Только мы с ним за порог подъезда, он выскользнул из рук и – прыг мне на плечо! Вцепился коготками в мою голову. Я: «А-а-а-а!» Он: «Мя-а-а!» Вот это испуг!..

На дворе солнышко, тёплый ветерок... Погодка что надо. Опустил я котика на лужайку. Он припал к земле и, перебирая лапами, пополз... пополз и – мне в штанину. Спрятался, не найти!

– Эй, храбрец! Вылезай-ка! Дома, однако, ты отважнее.

Выудил я его из «убежища». Он вытянул шейку и удивлённо pokrутил головой: где это я? Лапки и хвостик мелко дрожали, в глазах читался страх. А когда справился с собой, стал всматриваться вдаль и прислушиваться к шорохам. Окончательно осмелев, котёнок осмотрелся по сторонам, уши выпрямил... Движения его становились всё увереннее. И вдруг котик рванул в кусты, завидев вдалеке дворового пса. Я – за ним: не потерять бы!

Ветер шевелил осеннюю листву, поднимал в воздух, листочки вздрагивали, подпрыгивали, взлетали. Яшке танец листьев понравился. Он удивлённо вертел головой, присев, как суслик, на задние лапки. Прелестная картина, садись и срисовывай!

Тут послышался звук машины, котик – прыг под скамейку!

Когда и эта угроза миновала, он поспешил к дереву. Обошёл со всех сторон, обнюхал, покусал кору и... взмыл по стволу вверх! Так быстро, что сам не понял, как оказался так высоко. Потом рванул ещё выше! И ещё... Влезть-то влез, но вот как теперь слезать? Минуты триумфа сменились недоумением: котик глядел вниз и жалобно мяукал. Припав к ветке, с надеждой поглядывая на меня, Яшка выводил дрожащее: «Мя-у-у-у!» Вытянув шейку и глядя вниз на далёкую землю, котёнок мяукал всё громче. Не спуская с Яшки глаз, я стал подзывать его, но, сколько ни старался, всё напрасно. Наконец котик решился, стал осторожно спускаться, цепляясь коготками за кору. Приподнялся я на цыпочки, вытянул руки, собираясь подхватить его. Чёрная фигурка ползла, поворачивая ко мне головку, кошачьи глаза флуоресцировали... И – опа! – котёнок в руках. Я прижал его к себе.

На первый раз испытаний достаточно. Пора домой.

– Ты Яшку не видел? – встретила меня в прихожей взволнованная Алька.

– Вот он, живой и невредимый!

И стали мы с Алинкой выгуливать котёнка на поводке. Ежедневно.

С тех пор Яшка подрос, стал ещё больше похож на грациозную пантеру: с ног до головы чёрный, гладкий, походка плавная. А держится так, будто важнее его нет никого на свете. Неплохо жилось ему, все желания его мгновенно исполнялись. Одна беда была у Якова Александровича: задиристый сосед по кличке Марс – пушистый здоровенный котиче с угрюмой мордой. Марс – ветеран дома, злобный тиран местных кошек. Излюбленное его место – подоконник первого этажа подъезда. Тут он исправно нёс вахту, покидая пост лишь по неотложным делам. На проходящих мимо людей Марс – ноль внимания. А вот хвостатые жители терпели от котяры всякое: разорванных кошачьих ушей и располосованных боков было не сосчитать. Яшка после отчаянной драки с Марсом быстро понял, кто в подъезде главный, и смирился со своей второсортностью: мимо опасного соседа старался проскользнуть незамеченным. Но это ему не удавалось. Раны у Яшки не успевали заживать. Мы ругали Марса, но он был неисправим. Когда этот разбойник переехал на дачу, подъездные коты ещё долго по старой привычке пробегали мимо злополучного подоконника, поджав хвосты.

Про Яшку мы с Алькой стихотворение сочинили:

*Яшка – наш любимый кот –
На прогулку нас зовёт.
Но у нас одна беда –
Трусит котик иногда.*

*И однажды целый день
(Как ему, коту, не лень?)
Из-за трусости своей
Под кустом он просидел.*

*Спрятал глазки, спрятал нос,
Спрятал длинный тонкий хвост...
Мы вокруг всё обошли,
Но напрасно – не нашли.*

*А собака-забияка,
Та, что вечно лезет в драку,
Пробегая под кустом,
Завиляла вдруг хвостом.*

*Тут кусты зашевелились,
Защители и раскрылись.
Показалась голова –
Вся взъерошена и зла.*

*А спина – дугой, дугой...
Чёрный хвост – трубой, трубой...
И глаза огнём горят.
А усы-то как дрожат!*

*Тут собака-забияка
Смело тявкнула и – в драку!
Кот подпрыгнул что есть сил
И мне в руки угодил!*

Ну как, понравились стихи? А наш Яшка? И как мы раньше жили без любимца своего?..

САНЬКА

Однажды по дороге в школу встретился мне Санька – с ним Алина дружит с пелёнок, ну вы знаете... Шёл Санька прямо на меня, смотрел под ноги, был чем-то расстроен. Куртка нараспашку, без шапки... Не замечал никого вокруг. Мы чуть не столкнулись. Я хотел спросить, куда это он.

– Уезжаю, – опередил меня Санька, будто подглядел мои мысли. – Ходил со школой прощаться, с ребятами. Альку ещё не видел. Она пока не в курсе. В другой город уезжаю, к отцу. Он приехал за мной. Навсегда уезжаю.

– Насовсем?! – выдохнул я.

Санька хотел ещё что-то сказать, но, сунув в карманы руки, отвернулся. А когда я поймал его взгляд, глаза у него были... как у Альки во время болезни. Ну такие... грустные-грустные.

– Как это – навсегда? – переспросил я. – Навсегда не бывает.

– Всё в жизни бывает... – вздохнул Санька.

– А как же Алька? И твоя мама, и сестра? Ну и я... Как все без тебя? А ты?

– Я вам буду писать, – сказал и опустил голову самый-самый Алькин друг.

Он так говорил... У меня всё сжалось внутри, и я заморгал.

О том, что Санькин отец живёт с новой семьёй в другом городе, я знал давно. Но мы никогда не говорили с Сашей об этом, и я не задумывался о том, что он растёт без отца. И вот теперь я стоял, оглушённый новостью, и думал: как он будет без нас?..

Как было всегда? Саша, его сестра, их мама, мы с Алькой, наши родители – вместе мы были как одна семья. Санька и моим другом давно уже стал. Он мне как старший брат.

«Не будет с нами Саньки, и никто не предложит мне погонять на велике...»

– Не переживай, – прервал мои мысли Саша, – беги, на урок не опоздай! Альке пока ни слова. Я сам...

Вечером – звонок в дверь. На пороге – Санька. Во всём новом. И взгляд у него необычный, прощальный, что ли...

– Проходи, – пригласил я. – Тебя не узнать. Вон ты какой!

– Я ненадолго. Зашёл попрощаться, – улыбнулся Санька и протянул мне коньки. – Они мне теперь ни к чему. Возьми, катайся.

– Ух, ты! Какие!.. Клёвые.

Как только Алька проводила Сашу, сразу закрылась в своей комнате и долго не выходила.

А потом потекли дни... Без Саньки.

Никто теперь не звонил в нашу дверь, как мог только Санька – определённым кодом. Очень нам не хватало нашего друга, Алине – особенно. Ведь они были как брат и сестра. «Брат мой соседский», – с любовью называла маленькая Аля Саньку, старше которого всего на два месяца.

Раз я встретил на улице тётю Люду – Сашину маму. Расспрашивая меня о моих делах, тётя Люда смотрела на меня так, будто искала в лице родные черты сына. Прощаясь, она сказала:

– Не забывайте его...

Забыть Саньку?! Этого добряка... весёлого, всегда готового на хорошие дела... Да ни за что!

Знаете, Саша классно рисует. И даже Алькин портрет написал красками. Ну точь-в-точь! Он художник.

Алька тоже стала рисовать после Шашиного отъезда, оставляя на письменном столе ворохи альбомных листов.

Дни бежали... Как-то раз я достал из почтового ящика письмо. Удивился: реальное письмо в век компьютерных технологий! На конверте было написано: «от Королёва Александра». Я обрадовался: от Саньки, ну наконец-то! Хотел вскрыть конверт, но тормознулся, ведь письмо не мне – Алине.

– Танцуй! – обрушился я на Алинку, когда она появилась дома.

Сестра выхватила у меня из рук конверт с писком, достойным самой писклявой мыши. Я и глазом не успел моргнуть, а Алька уже читала письмо. Дала потом прочесть и мне.

В письме было о том, как неуютно Саньке в новой школе, как он думает о нас, как с трудом привыкает ко всему новому, и к Юльке – маленькой сестре, которая говорит разные глупости...

Санька писал:

«Юлька заявила мне:

– А мама – только моя мама и больше ничья.

Я говорю ей, что в бывшем моём городе живёт моя мама и с моей сестрой.

– А папа пришёл к нам три года назад, – сообщила мне Юлька. – Он – общий у нас.

– Может, и общий теперь, а раньше был лишь нашим с сестрой, – поясню я, хотя понимаю, что Юля маленькая, но удержаться не могу и продолжаю в том же духе: – А как ты моего папу зовёшь – мне всё равно.

– А я уступила тебе свою комнату, – сказала Юлька и показала мне язык».

Из письма мы узнали, что после школы Саша идёт к озеру – оно рядом с домом. Возле озера Саньке хорошо думается. Тут он сочиняет стихи.

Шашино письмо навело меня на мысль: почему так бывает, что люди живут не там, где им хочется, и не с теми, с кем хочется жить?

Альке некогда было размышлять. Она села писать Саньке ответ. Долго пыталась, зачёркивала строчки, снова писала, подбирая главные слова. Письмо получилось на четырёх листах.

– Всё будет у Саньки хорошо, – переписав начисто, сказала Алька и пригрозила: – Вот стану каждый день писать ему письма!

Мне тоже не терпелось черкнуть Саше пару строк. Я написал:

«Дорогой наш Санька! Я знаю, чего тебе не хватает. Тебе надо подружиться с кем-нибудь, и поскорее. Приезжай на каникулы. Мы тебя очень, очень ждём! Ждём тебя очень, дорогой наш Санька».

КОЛОКОЛА

С тех пор, как Алька стала упражняться на пианино, я возненавидел музыку, а заодно и сестру. Достали меня гаммы! Лезут в уши, за шиворот, в рукава... Изю всех щелей одни и те же звуки! Даже кот не выдерживает, когда сестра заводит свои рулады, – начинает за стеной жутко орать. А папа, наоборот, сжимает зубы и уходит в себя. Только мама Алюскину музыку любит.

Однажды меня прорвало, и я заявил:

– Всё, ухожу к бабушке с дедушкой! Насовсем.

– А как же мы? – испугалась мама. – Как мы, Тёмушка, без тебя?

– Да, как? – оторвался от газеты папка.

– А давай, Тёма, и тебя в музыкалку запишем! – сказала мама. – Будете с Алечкой вместе гаммы разучивать.

– Тогда я срочно улетаю на Марс! – запаниковал из-под «Правды» папка.

– Нетушки! – сказал я. – Музыкалка и без меня обойдётся. А вот как мы без папы?

– А если всем заняться музыкой! – предложила сестрица. – И получится оркестр: я – на пианино, маме купим скрипку, папе – самую большую трубу: у него зубы большие.

– А я на чём? – зыркнул я на Альку.

– На балалайке!

– Сама на трёх струнах играй!

Я хотел всыпать Алинку, но она спряталась за папу.

– Мне нужен инструмент солидный. Правда, пап? – поднырнул я под газету.

– Можно узнать: какой именно? – глянул папка на меня в упор.

Пока я придумывал инструмент, папа спросил:

– А не отправиться ли нам, Артёмка, на концерт колокольной музыки? Афишу видел, приезжают на День города звонари.

– Конечно, отправиться! – обрадовался я.

Тут и Алька взвилась:

– И я с вами!

– И я! – присоединилась мама.

– Берём маму и Алинку с собой? – спросил папа у меня.

– Толпой на концерт – не скучно! – повеселел я ещё больше.

– Но! – сказал многозначительно папка, и все поглядели на него. – Чтобы соприкоснуться с редким искусством – колокольным звоном, нужно познакомиться с историей колоколов.

– Пап, ты что-нибудь про них знаешь? – спросил я быстро.

– Кое-что мне известно.

– Расскажи.

– Прямо сейчас?

– Ну да. А что?

Папа задумался, а потом сказал:

– В голове крутится, а вот соскочит ли с языка? С чего же начать?.. – спросил сам себя. – Литьё колоколов – дело тонкое, – начал папа говорить так, будто собирался сказку рассказать. – В древности люди, жившие рядом с тем местом, где колокола рождались, понимали это и терпеливо ждали три дня. Именно столько времени надо, чтобы колокол застыл. В одном немецком городке в такие дни на улицах было безлюдно. Горожане сидели в домах, ремесленники не работали. А литейщики колоколов ходили по литейной яме босыми ногами, где колокол хранился зарытым, – проверяли землю: остыла ли до той возможности, когда колоколу безопасно появляться на свет? Не расколется ли, не треснет ли от быстрого остывания без земляной шубы?

– Разве для литья нужна тишина? – спросил я папу.

– А вдруг задрожит земля от стука колёс, а в ней неокрепший металл. Стук может помешать колоколу обрести голос.

– А откуда берётся звон? – снова спросил.

– Из купола. Голос колокола зависит от формы и размера чаши, толщины стенок, качества бронзы, от веса. И сила удара играет роль в звучании. Два колокола одного тона могут иметь разный звук, – пояснил папа.

– Чем тяжелее колокол, тем ниже голос, да? – Мне надо было знать всё-всё.

– Верно. Мастера всегда на колоколе писали, сколько он весит. А знаешь, у колоколов названия частей те же, что и у человека: уши, язык, тело, юбка. Их в давние времена и называли как людей. В дореволюционной России, знаменитой своими колоколами, в знак особого уважения колоколам давали имена собственные – Сысой, Полиелей, Лебедь... И сейчас соблюдают эту традицию. В одном селе Самарской области храм Святой Троицы обрёл голос – заговорила звонница из восьми колоколов. Самый большой из них назвали Григорием – в память о местном иконописце Григории Журавлёве – он писал иконы, держа кисть в зубах, так как от роду был без рук и без ног. Его работы хорошо раскупали. На свои сбережения Григорий построил в селе церковь. А что касается литья колоколов... До сего дня люди сумели сохранить это умение старых мастеров. В городах Ярославль, Каменск-Уральский их льют на специальном заводе.

Папа задумался. Я тоже – об иконописце Григории: ну и талантище!

– Скоро познакомимся с песнями колоколов, послушаем мелодии предков, – прервал мои мысли папка.

– Со старыми колоколами связаны разные таинственные истории, – сказал я. – Один колокол в испанском городке несколько раз принимался звонить сам собой и каждый раз предсказывал несчастья: войну с Францией, смерть короля, эпидемию чумы.

– А я ничего о колоколах не знаю, я непросвещённая, – встряла Алина и насупилась. Потом вдруг повеселела:

– Зато у меня валдайский колокольчик есть! Ну и звонкий! В старину такие использовали на почтовых тройках, их звон был слышен за пять километров.

Короче, папа дал нам с Алей задание: узнать всё о колоколах.

В инете я нашёл кое-что...

– Я готов, – сказал я вечером.

– К чему? – спросил папа.

– Поделиться готов.

– Чем?

– Я такое узнал о колоколах!..

– За ужином доложишь.

Мне сразу расхотелось есть. А когда рассказал, превратился в волка – у меня появился волчий аппетит, и я попросил добавку. А потом ещё одну. Заключительную. На ней я сломался, мне захотелось полежать.

А рассказал я вот о чём.

15 мая 1591 года в Угличе колокол известил горожан о гибели царевича Дмитрия. Поднятый набатным гулом народ учинил самосуд и расправу над убийцами. Царь Борис Годунов жестоко наказал не только восставших, но и звонивший по убиенному набатник. Колокол сбросили со звонницы, вырвали язык, отбили ухо и при народе высекли плетью. Потом отправили вместе с зачинщиками волнений в ссылку в Тобольск, поместили в тюрьму на триста лет.

– Теперь твоя очередь вещать. За тобой должок, – сказал я сестре.

– Я не сбоялась с мыслями, – раздула Алька губы. (Любит губы дуть.)

– Хитренькая, всегда увиливаешь от заданий! – уличил я её.

– Колокола на протяжении веков звоном сопровождали жизнь людей, – стал выручать Алинку папа. – Они возвещали время веселья и скорби, оповещали о бедствии, созывали народ на разные дела. Не гармошкой и частушками славилась Русь – колокольным звоном. И если сначала в этом искусстве славяне смотрели на Запад и слепо повторяли их очепный стиль – это

когда раскачивают сам колокол, заставляя его биться о неподвижный язык, то со временем русичи изобрели свой, дошедший до наших дней «языковой» способ. Он позволил разнообразить звучание. И не было с тех пор русским звонарям равных. Уже в XIX веке Российская держава стала колокольным государством.

А мама рассказала о водном колоколе. Что в книге Гюго описываются события, в которых участвует штормовой колокол-набат. Среди моря находился буй, прикрепленный к отмели цепями. На буре на железных козлах был подвешен колокол. В непогоду море раскачивало буй, и колокол звонил, предупреждая мореплавателей об опасности – рифах и мели. Колокол своим набатом помогал людям избежать кораблекрушения.

– Экспедиция в историю колоколов состоялась! – весело сказал папка.

В воскресенье мы отправились на концерт колокольной музыки. На улице, возле старинного кремля, на стойках были подвешены колокола разных размеров. Все ждали. Концерт начался с перезвона маленьких колоколов, потом заиграли колокола побольше, затем – самые тяжёлые, а потом попеременно. Удары неслись один за другим. Звук был чистый, лёгкий, благоговейный, и мне казалось, что колокола ожили. У них такие были голоса!.. Живые. Колокола переключались, обгоняли друг друга, сливались с голосами колоколов звонницы Казанского собора в один мощный голос. Тишина стояла вокруг просто мёртвая.

– Эх, что нужно русской душе? – сказал папа после концерта. И сам же ответил: – Родное – величальные песни колоколов. А ведь было время, когда эти звуки потерялись – в годы советской власти.

Дома папа достал из шкафа фужеры и налил в них воду. В одни – много, в другие – меньше, а некоторые оставил пустыми. Потом взял карандаш и начал легонько постукивать по стенкам. Ударит – вслушается. И опять стукнет. И подольёт воду, если не нравится звон. Или отольёт, если голос толще, чем надо. Долго настраивал он хрустальную «гвардию». И вдруг... полилась нежная мелодия.

– Рюмки поют! – завизжала Алька.

«Во по-ле бе-рё-за сто-яла...» – Нотки под папиными ударами чётко вставали на свои места.

– У нас стеклянные колокола! – Я был на седьмом небе.

– Догадливый ты у нас! – похвалил папка меня. – Принцип тут тот же, что и в бронзовых колоколах. Пробовали лить колокола из стекла – в Швеции, а в Германии – из фарфора, но всё было не то. Только сплав меди и олова – бронза – рождает красивый, сильный, протяжный звук.

– Вот тебе, Артёха, и музыкальный инструмент! – сказала Аля. – И покупать не надо.

Я взял два карандаша, прошёлся ими по стенкам фужеров и заявил:

– Вырасту – звонарём буду!

– Зачем же ждать? Два месяца – и специалист. Неплохая карьера! – сказал папка. – Главное – специальность редкая.

– Осторожно, Тёмчик, – сказала мама. – Не разбей рюмки.

– Не волнуйся, не разобью! Чуть-чуть практики – и буду музыкантом.

Мои слова сбылись, я стал посудным звонарём. И полюбил музыку.

Как-то сестрица сказала, что благовест звонит громко и звонко.

– Благовест вещает медленно и тяжело, – поправил я её.

– А набат кричит торопливо, – сообщила Алина.

– Так колокол звонит, когда случается бедствие.

– Охранный звон, – просвещала нас Аля (отдавала должок), – бухает размеренно, он указывает дорогу путникам в бурю и вьюгу.

Тут и папа включился, рассказал о колоколе-часах.

– Придумали его в Голландии. Там часто опускаются туманы, и потому трудно разглядеть циферблат на башне. Вот и добавили к часам колокол, получились куранты.

Всё-всё теперь мы знаем о колоколах. И играем на инструментах: Аля – на пианино, я – на подвешенных стеклянных бутылках. (Гениями нас, конечно, не назовёшь, гении рождаются редко.) И хотя Алинка не перестаёт наводить на мою игру критику, у нас классно получается! Даже папе наша музыка нравится. Когда мы просим её оценить, слышим его наивысшую похвалу: «Ну-ну!»

А на Марс папка всё ещё рвётся. Когда мы с Алюськой бесимся. А бесимся мы почти каждый день.

Евгений
Новицкий

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ФЕРРАРИ

ОКЕАН В ЛУЖЕ

Котик Мика шёл по улице, старательно обходя лужи. Всю ночь лил дождь, и потому луж было видимо-невидимо. Большие и маленькие, узкие и широкие, они заманчиво блестели посреди дороги, словно приглашая побегать по ним. Котёнок не боялся воды, он был не из трусливых. К тому же на нём были новые резиновые сапожки. Но мама строго-настрого запретила Мике ходить по лужам, и потому котёнок добросовестно обходил их стороной. Он очень любил свою маму и старался её слушаться, хотя, сказать по правде, это у него не всегда получалось.

Вдруг котёнок остановился. Прямо перед собой он увидел большую лужу, посреди которой лежал перепачканный грязью поросёнок.

– Что, воды испугался? – спросил незнакомец, и его чумазая рожица расплылась в улыбке.

– А вот и не испугался, – ответил Мика, вертя пуговицу на своей курточке. – Просто мне мама не разрешает ходить по лужам.

– Ха! – воскликнул поросёнок и вскочил на ноги. – А где ты здесь видишь лужу? Это, – поросёнок топнул по воде, поднимая фонтаны брызг, – вовсе не лужа, а Чунин океан!

– Да ну-у! – недоверчиво протянул Мика. – Океаны совсем не такие. Они... – Котёнок широко развёл лапы, показывая, какими, по его мнению, должны быть океаны. – Они вот такие, большие-пребольшие! Как десять или двадцать луж, а может быть, и больше. И называются они совсем по-другому. Я точно знаю, мне мама рассказывала!

– Океаны бывают разные, – пояснил поросёнок. – Есть **ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ**, а есть **ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШИЕ**. Этот океан

● Евгений Валерьевич Новицкий родился в 1976 году в Харькове. Окончил Харьковский педагогический университет. Живёт в городе Пивденное Харьковской области. Пишет стихи и сказки для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Автор более 60 детских книг. Публиковался в периодических изданиях Украины, России, Беларуси, Узбекистана, Финляндии, Канады, Австралии.

ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШОЙ, потому что появился только сегодня и ещё не успел вырасти. А назван он так в честь Чуни, который его открыл.

– А кто он такой, этот Чуня? – поинтересовался котёнок.

– Чуня – это я, – скромно ответил поросёнок.

– А-а, понятно, – сказал Мика. И, немного помолчав, спросил: – А скажи, открывать океаны – это очень трудно?

– Нисколько, – беззаботно ответил Чуня.

– Ой, – обрадовался котёнок, – а ты мне расскажешь, как это делается?

Поросёнок смешно надул щёки.

– Слушай и запоминай, – сказал он, наставительно подняв правое копытце. – Первым делом надо найти подходящий океан. Затем войти в воду и... – Тут поросёнок отмахнулся от наседавшего на него комара.

– Что и... – нетерпеливо спросил Мика.

– ...И назвать океан своим именем! – важно закончил Чуня.

Котёнок задумался. Размышляя, он поднял голову и увидел плывущие по небу облака. Лёгкие, воздушные, они были похожи на величественные парусники, и котёнку сейчас же захотелось отправиться в путешествие.

– Знаешь, Чуня, – сказал он, переступая с ноги на ногу, – мама запретила мне ходить по лужам, но... про океаны она ничего не говорила. И если я открою два или три ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШИХ океана, то хуже от этого никому не будет...

– Люблю умных котят! – воскликнул Чуня.

Он подбежал к Мике и с чувством пожал ему лапу.

– Давай договоримся: я буду бригаантиной, а ты... ну, скажем, каравеллой, – предложил он. И тут же спохватился: – А ты морской болезни не боишься?

– Нет, – простодушно ответил Мика.

Он не знал, что такое морская болезнь, и потому не испытывал перед ней никакого страха.

– Тогда чего же мы ждём? – воскликнул поросёнок и, не дожидаясь ответа, громко скомандовал: – Поднять паруса!

Услышав команду, котёнок решительно ступил в воду. И «бригантина» с «каравеллой» отправились в плавание навстречу приключениям и новым открытиям.

О, это было незабываемое путешествие! Друзья открывали новые океаны, сражались с кровожадными акулами и с не менее кровожадными пиратами (которых они изображали по очереди). Ни шторм, ни рифы, ни пиратские ядра, слепленные из первосортной грязи, не страшили отважных мореплавателей. Они упорно шли к новым открытиям, несмотря ни на какие опасности.

Когда же все океаны были открыты (а их оказалось ровно столько, сколько было луж на улице), Мика предложил открыть какой-нибудь остров. Но так как ни в Чуниных, ни в Микиных океанах островов не было, друзья решили построить остров сами. Они насобирали камней и посреди Чуниного океана – самого большого из всех ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШИХ ОКЕАНОВ – возвели высокую каменную гору. Затем Чуня полил её жидкой грязью и, притащив откуда-то еловую ветку, старательно укрепил на вершине горы.

– Это вместо пальмы, – пояснил он, вытирая копытца о свою выдавшуюся виды курточку. – Ведь остров без пальмы – всё равно что корабль без капитана!

Когда всё было готово, друзья приступили к открытию острова. Но поскольку он был один, открывать его пришлось дважды. Первым это сделал Чуня, как более опытный первооткрыватель. Похрюкивая от восторга, поросёнок приблизился к каменному сооружению и, коснувшись еловой ветки, торжественно назвал его Чуниным островом. Затем пришла оче-

редь Мики. Котёнок, который внимательно наблюдал за Чуней, в точности повторил его действия, однако называть остров своим именем не стал. Мика решил, что это несправедливо, ведь остров у них общий, а значит, и название у него должно быть общее.

– Давай, – сказал он поросёнку, – соединим наши имена и назовём наш остров в честь нас обоих!

– Чудесная мысль! – воскликнул Чуня, обнимая котёнка. – И как я сам до этого не додумался!

Так в Чунином океане появился Чумикин остров – самый маленький из всех островов, когда-либо существовавших.

Возможно, в этом океане появился бы ещё один остров. Но день клонился к закату, и путешественникам пора было возвращаться домой.

Исследуя океанские просторы, Мика промочил ноги. В его резиновых сапожках булькала вода, однако это нисколько не смущало отважного мореплавателя. Мика думал о том, сколько океанов он открыл сегодня. Разумеется, все они были **ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШИМИ**. Но зато их было много, очень много! И это радовало котёнка.

Прощаясь, друзья договорились встретиться завтра, чтобы снова отправиться в путешествие. Однако на завтра Мика заболел...

Весь день котёнок пролежал в постели. У него болела голова, его мучил кашель, так что о путешествии не могло быть и речи. «Наверное, у меня морская болезнь», – думал Мика, кутаясь в тёплое ватное одеяло.

Мама поила его горькими лекарствами и тяжело вздыхала.

– Ну почему ты такой непослушный? – говорила она, глядя взъерошенную Микину голову. – Я же просила тебя не ходить по лужам. Видишь, до чего доводит непослушание.

И хотя Мика пытался ей объяснить, что это были не лужи, а **ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШИЕ** океаны, переубедить маму ему не удалось.

Котёнок никак не мог понять, в чём его вина.

– Если я в чём-то и виноват, – рассуждал он, – так это в том, что отправился в путешествие без спроса. Возможно, мама и не отпустила бы меня. Тогда уж точно я не промочил бы ноги. А если б я их не промочил, – продолжал рассуждать котёнок, – я бы не заболел. А если б я не заболел, мне не пришлось бы сейчас лежать в постели и принимать эти противные микстуры. Ну а если бы мне не пришлось лежать в постели... – Мика с тоской поглядел в окно и мечтательно заключил: – ...я бы непременно отправился с Чуней в новое путешествие!

Котёнок вздохнул, повернулся на бочок и... уснул. Ему снилось, будто он плывёт по Чуниному океану на прекрасном белоснежном паруснике. Впереди, посреди бескрайних океанских просторов зеленеет высокий, как гора, Чумикин остров. А на самой его вершине под тенистой пальмой стоит Чуня и приветливо машет копытцем...

РЫЦАРЬ И ВЕЛИКАН

Давным-давно, может, пятьсот, а может, и тысячу лет назад, жил во Франции рыцарь по имени Жан. Ничего на свете он так не любил, как рыцарские турниры. И вот однажды услышал Жан о том, что в городе Орлеане король устраивает большой праздник в честь своей любимой дочери. А надо сказать, что в ту пору ни один королевский праздник не обходился без рыцарского турнира. Обрадовался Жан и тут же стал собираться в дорогу. Он начистил до блеска латы, выбрал самый прочный щит и самое

длинное копьё, затем оседлал своего любимого коня и, не теряя времени, отправился в путь.

Жан очень боялся опоздать на праздник. Он знал, что, как только королевский глашатай объявит о его начале, стража закроет городские ворота и уже никто не сможет войти в город. Поэтому доблестный рыцарь скакал во весь опор, не останавливаясь ни днём, ни ночью. Его не пугали никакие опасности: ни дикие звери, ни быстрые реки, ни топкие болота. Даже встреча с разбойниками, которых в ту пору было видимо-невидимо, не страшила его.

И вот, когда до Орлеана было уже рукой подать, увидел Жан, что дорога, по которой он ехал, упирается в большую-пребольшую гору.

– Откуда же она взялась? – удивился рыцарь. – Сколько раз я ездил этой дорогой, и никакой горы здесь не было!

Но когда он подъехал ближе, оказалось, что это вовсе не гора, а спящий великан. Да-да, великан, да ещё какой! Ростом он был с орлеанскую башню, а в объёме толще самого толстого дерева! И этот молодец лежал прямо посреди дороги, да так, что нельзя было ни проехать ни пройти.

– Сеньор! – обратился Жан к великану. – Я очень спешу! Не будете ли вы так любезны уступить мне дорогу?

Но великан даже не пошевелился. Тогда Жан приблизился к его уху и громко повторил свою просьбу. Однако и это не помогло.

– Вот лежебока! – с досадой произнёс рыцарь и, подняв копьё, уколол великана в щёку.

Конечно, это было не очень вежливо с его стороны, но что оставалось делать? Великан приоткрыл один глаз и хлопнул себя по щеке широкой ладонью.

– Ох уж эти комары! – проворчал он недовольно и опять заснул.

Однако Жан не сдавался. Он снова поднял копьё и пощекотал им в носу великана. Великан тут же открыл глаза и сел. Его лицо сморщилось и стало похожим на печёное яблоко.

– Не будете ли вы так любезны... – снова начал рыцарь, но великан не дал ему договорить.

– Ап... ап... – произнёс он и стал яростно тереть ладонью кончик носа.

– Что вы сказали? – удивлённо спросил рыцарь.

– Ап... ап... – повторил великан.

И вдруг чихнул, да так сильно, что Жан вместе с конём отлетел назад на целую милю. А когда он вернулся на прежнее место, великан уже крепко спал.

– Э, нет, – сказал Жан, – так дело не пойдёт!

Он снял с пояса серебряный рог и затрубил. Затрубил так громко, что вороны, сидевшие на ветвях старого дуба, всполошились и подняли страшный шум.

Великан проснулся. Увидев рыцаря, он пришёл в ярость.

– Зачем ты меня разбудил?! – заревел он. – Мне снилось, что я танцую на балу с очаровательной великаншей. И только мы сделали первый круг, как раздались эти ужасные звуки...

– Ну-ну, сеньор, не сердитесь, – стал успокаивать его Жан. – Вы только уступите мне дорогу и преспокойно возвращайтесь к своей даме. Я думаю, бал ещё не закончился...

– Уступить дорогу?! – воскликнул великан. – Ещё чего! Я никогда не уступаю дорогу тем, кто меньше меня ростом. Так что убирайся подальше отсюда и не мешай мне спать!

Тут он повернулся на другой бок и закрыл глаза.

– Ах ты, грубиян! – рассердился Жан. – Ну подожди, я научу тебя хорошим манерам!

И он снова затрубил в свой серебряный рог. Тогда великан стащил с головы колпак и накрыл им дерзкого рыцаря. Но Жан не растерялся. Он достал меч, проделал в колпаке большую дыру и благополучно выбрался наружу.

– Сеньор великан! Кажется, ваш колпак нуждается в ремонте, – крикнул рыцарь и снова затрубил в рог.

Тут великан разозлился не на шутку. Он стащил Жана с коня и посадил на верхушку старого дуба.

– Сиди здесь, пока я не проснусь, – прорычал он. – А потом я решу, что с тобой делать.

– Да как вы смеете... – начал было Жан, но великан не стал его слушать, он вернулся на прежнее место и опять заснул.

Жан тяжело вздохнул и осторожно раздвинул ветви. Вот он – славный город Орлеан, лежит перед ним как на ладони! Но только как в него попасть? И рыцаря охватила такая тоска! «Неужели всё напрасно? – подумал он. – Неужели я проделал такой трудный путь только для того, чтобы очутиться на этом дереве?» Жан тряхнул головой. «Ну нет! Я должен попасть на орлеанский праздник! Должен! И никакой великан меня не остановит! А иначе какой же я рыцарь?» Он поставил ногу на нижнюю ветку и стал осторожно спускаться с дерева.

Вообще-то Жан неплохо лазил по деревьям. Но сейчас на нём были рыцарские доспехи, а потому спускался он очень медленно. К тому же ему всё время досаждали вороны. Им казалось, что Жан хочет добраться до их гнёзд, и они пытались его остановить.

И вот, когда до земли оставалось совсем немного, ветка, на которую ступил рыцарь, надломилась, и Жан, к огромной радости ворон, полетел вниз. Бедняга непременно свернул бы себе шею. Но, к счастью, на его пути оказался большой куст, на который он и приземлился.

Жан очень рассердился на великана, ведь из-за этого лентяя он потерял столько времени! Но как заставить его уйти с дороги? Жан сел на камень и задумался. А когда он думал, то всегда что-нибудь насвистывал – такая уж у него была привычка. И вот, как только рыцарь начал насвистывать одну из своих любимых мелодий, с ветки дуба слетела ворона и уселась у его ног. Она сидела как зачарованная и всё слушала, слушала... И тут Жана осенило.

– Кажется, я знаю, что делать! – воскликнул он, радостно потирая руки.

Жан мигом поймал ворону и забросил её великану в ухо.

– Карр! Карр! – закричала перепуганная птица.

Великан вскочил как ошпаренный. Он затряс головой, пытаясь избавиться от непрошеной гостьи, а затем бросился бежать. Но, к несчастью, налетел на дуб, и – крак! Дерево с треском повалилось на землю, а у великана на лбу появилась большая шишка. Тогда бедняга упал перед Жаном на колени и простонал:

– Смилуйся, добрый рыцарь! Избавь меня от этой ужасной птицы, а не то я оглохну от её крика!

– Рад услужить вам, сеньор великан, – сказал Жан с хитрой улыбкой. – Только услуга за услугу: я избавлю вас от птицы, а вы доставите меня в Орлеан на праздник. По рукам?

– По рукам! – радостно воскликнул великан, протягивая Жану свою огромную ладонь.

Рыцарь пожал великану палец и принялся громко насвистывать. Ворона тут же вылетела из великаньего уха и уселась на ствол поваленного дерева. Великан запрыгал от радости.

– Гей-гоп! – закричал он. – Гей-гоп! Я самый счастливый великан на свете!

– Я очень рад за вас, – сказал рыцарь. – Но-о... не пора ли нам в путь, сеньор великан!

– Пора! Пора! – весело согласился великан.

И, подхватив Жана и его коня, побежал в сторону Орлеана. А надо сказать, что бегал он не хуже зайца. Не успел Жан и глазом моргнуть, как они уже были у городских ворот. Но, увы, ворота были закрыты! Тогда великан перемахнул через крепостную стену и бережно опустил рыцаря и его коня на мостовую. Затем он перелез обратно и, весело напевая, пошёл своей дорогой.

Ну а Жан вскочил на коня и помчался на главную площадь. Когда он приехал туда, праздник был в самом разгаре. Здесь собралось так много людей, что яблоку негде было упасть! Жан с трудом протиснулся сквозь толпу и занял место в строю рыцарей. Наконец заиграли трубы, и глашатай объявил о начале рыцарского турнира. Вот тут-то Жан и показал своё мастерство! Он выбрал себе самых сильных противников, победил их всех и получил от юной принцессы приз – золотой щит и поцелуй в придачу!

«А что же великан?» – спросите вы меня. Увы, с тех пор его никто не видел. Поговаривали, что он ушёл в Страну Великанов, чтобы отыскать ту самую великаншу, с которой танцевал во сне. Нашёл он её или нет, я не знаю. Но даже если и нашёл, то это уже совсем другая сказка...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ФЕРРАРИ

Ранним солнечным утром маленький Феррари выехал из гаража.

– Славная погодка! – воскликнул он, глядя на сияющее в небе солнышко. – Самое время для прогулок. Вот только одному кататься неинтересно, надо найти себе спутника.

В это время на дороге показался Джип.

– Э-ге-гей! – закричал Феррари и приветливо засигналил. – Мистер Джип, не желаете ли покататься вместе со мной?

– Нет, малыш! – прогудел Джип. – Извини, я очень спешу! – И, прибавив газу, скрылся в облаке пыли.

Из соседнего гаража выехал Грузовичок.

– Эй, приятель! – крикнул маленький Феррари. – Покатаемся?

– Я бы рад, – ответил Грузовичок, – но у меня сегодня много работы. Вот если бы ты мне помог...

– Э, нет! – воскликнул Феррари. – Перевозить грузы – не моя забота!

– Ну, как знаешь, – фыркнул Грузовичок и уехал.

Феррари вздохнул и медленно покатил по дороге. Он так расстроился, что не заметил поворота и едва не врезался в чугунную ограду.

– Эй, тихоход! Не спи! – крикнул ему проезжавший мимо Порше.

– Это ты мне? – удивлённо спросил Феррари.

– Тебе, тебе! Кому же ещё? – засмеялся Порше.

– Ах вот как?! – крикнул маленький Феррари. – Сейчас я покажу тебе, какой я тихоход!

Он бросился вслед за обидчиком и, обогнав его, победно засигналил:

– Ну, кто из нас тихоход? Я или ты?

Но Порше прибавил скорость и вырвался вперёд.

– Ну, конечно же, ты! – прокричал он со смехом.

На дороге показался Самосвал. Порше молнией пронёсся мимо него, подняв серые клубы пыли.

– Ай-я-яй, – проворчал Самосвал, – никакого уважения к старшим!

Следом за Порше промчался Феррари, и грузовик снова очутился в пыльном облаке.

– Ну и молодёжь пошла, – вздохнул Самосвал, глядя вслед удаляющейся машине.

Между тем солнышко поднималось всё выше и выше. День разгорался, и на улицах появилось множество машин. Как Феррари ни старался, но обойти Порше ему не удавалось. Тот искусно маневрировал, не давая сопернику вырваться вперёд. К тому же приходилось уклоняться от столкновения со встречными автомобилями.

Гонщики так увлеклись, что не заметили перекрёстка.

– Стойте! Стойте! – яростно сверкнув красным глазом, закричал Светофор.

Но на него никто не обратил внимания. Порше первым проскочил перекрёсток. Маленький Феррари решил последовать его примеру. Не сбавляя скорости, он понёсся на красный свет. И тут ему наперерез выехал Трейлер. Казалось, что машины вот-вот столкнутся. Светофор зажмурил глаза, ожидая услышать скрежет искорёженного металла, но... Феррари ловко проскочил между колёсами Трейлера, не получив при этом ни одной царапины. Не обращая внимания на шум и крики, он бросился догонять Порше.

Догнав соперника, Феррари тут же пошёл на обгон. Но в ту минуту, когда победа была так близка, сзади раздался оглушительный вой сирены.

– Что это?! – с удивлением воскликнул маленький Феррари.

– Полиция, недотёпа! – ответил ему Порше. – Похоже, у нас будут большие неприятности!

– Именем закона, остановитесь! – прокричал преследователь хриплым голосом.

– Да это же сам Шериф! – воскликнул Порше.

Он резко свернул на боковую улицу, чтобы уйти от погони. Но беднягу занесло, и Порше, вылетев на обочину, врезался в дремавшую на солнышке асфальтоукладочную машину.

«Бедный Порше, – подумал Феррари. – Теперь его арестуют».

– Именем закона, остановитесь! – снова прозвучало у него за спиной.

«Ни за что, – решил автомобильчик. – С такой скоростью, как у меня, я уйду от любой погони».

Но Шериф настиг беглеца и, прижав его к обочине, вынудил остановиться.

– Ай-я-яй! – сказал он маленькому Феррари. – Разве можно так вести себя на дорогах?

Надев задержанному блокиратор на колесо, Шериф доставил его в ближайший полицейский участок. Весь остаток дня незадачливый гонщик провёл в гараже со стальной решёткой, а наутро был отправлен в автомобильную школу.

Целый месяц маленький Феррари вместе с другими автомобилями изучал Правила дорожного движения. Он был очень способным и вскоре стал лучшим учеником. А вот Порше, который попал сюда после ремонта, учёба поначалу не давалась. Но Феррари не оставил своего товарища и помог ему хорошо закончить школу.

В последний день учёбы к воротам школы подъехал Шериф в сопровождении гоночного автомобиля.

– Да это же Мэтр! – воскликнул маленький Феррари, узнав в спутнике Шерифа знаменитого гонщика.

– Да-да, это он! – подхватил Порше. – Живая легенда автоспорта, семикратный чемпион Формулы-1!

– Вы не ошиблись, сынки, – засмеялся Шериф. – Это мой друг Мэтр. Я попросил его взять вас в свою спортивную школу.

– Значит, мы станем настоящими гонщиками? – обрадовались Феррари и Порше.

– Это зависит только от вас, – улыбнулся Мэтр. – А теперь поехали на автодром. Там покажете, на что вы способны.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГРУЗОВИЧКА

Жил на свете маленький Грузовичок. Он был очень самоуверенным и считал, что может всё-всё-всё!

– Я всё могу! Я всё умею! – говорил он знакомым автомобилям.

– Хвастунишка, – смеялся живший по соседству Джип. – Тебе только месяц. И когда ты успел всему научиться?

– А я и не учился, – отвечал Грузовичок. – Я всегда всё умею!

Однажды Грузовичок увидел Тягач. Он тащил Кадилак, а все машины – и большие, и маленькие – уступали ему дорогу.

– И я так могу! – воскликнул Грузовичок.

Оглядевшись, он увидел дремавший на обочине Пикап.

– Вот кто мне нужен! – сказал Грузовичок.

Он зацепил Пикап тросом и понёсся по дороге.

– Караул! – завопил Пикап не своим голосом.

– И чего ты так раскричался? – удивился Грузовичок. – Я же тебя катаю!

– А я тебя об этом просил?! – возмутился Пикап. – Отпусти меня, а не то позову полицию!

– Нет, нет! Не надо! – воскликнул Грузовичок и, отцепив трос, помчался дальше.

Впереди показалась стройка. Там трудилось множество самосвалов. Они подъезжали к Экскаватору, и тот наполнял их кузова землёй.

– Я тоже так могу! – закричал Грузовичок и, подскочив к Экскаватору, подставил кузов. – Насыпай! Ещё!

– А не много ли? – спросил Экскаватор.

– Не много, – самоуверенно ответил Грузовичок.

Наконец кузов был наполнен. Грузовичок заурчал и медленно покати́л в сторону дороги.

– Ой, как тяжело! – причитал он, кряхтя от натуги. – Ой-ой-ой!

Вырулив на дорогу, Грузовичок поднял кузов и выгрузил землю прямо на проезжую часть.

– Уф-ф... – вздохнул он с облегчением. – Теперь можно ехать дальше.

Рядом остановился Бульдозер.

– Ай-я-яй! – сказал он. – Ты же засыпал половину дороги!

– Да, – ответил Грузовичок. – Но другая-то её половина свободна!

– Так не пойдёт, – сказал Бульдозер. – Нужно немедленно всё убрать.

– Но одному тяжело! – захныкал Грузовичок.

– Ничего, – успокоил его Бульдозер, – я помогу.

Он принялся за работу и быстро наполнил кузов Грузовичка.

– Вот теперь можно ехать, – сказал Бульдозер.

– Но как? – снова захныкал Грузовичок, изнемогая под тяжестью груза.

– Очень просто, – засмеялся Бульдозер.

Он взял Грузовичка на буксир и отвёз туда, где самосвалы сбрасывали землю.

Опустошив кузов, Грузовичок поехал на автомойку. По пути ему встретился новенький Кабриолет.

– Ах, какой красивый автомобиль! – воскликнул Грузовичок. Он с восхищением поглядел на незнакомца и тут же предложил: – Давай дружить!

– А ты быстро ездить умеешь? – спросил Кабриолет.

– Я всё на свете умею! – заверил его Грузовичок.

– Ну, если так, то давай! – согласился Кабриолет. – Только сначала догони меня! – Он звонко рассмеялся и, весело сигналив, помчался по дороге.

– Догоню, догоню! Непременно догоню! – закричал Грузовичок и бросился вдогонку.

Но догнать Кабриолет было не так-то просто.

– Всё равно догоню! – не унимался Грузовичок.

Он так увлёкся погоней, что потерял бдительность и, съехав с дороги, угодил в кювет.

– Эй, дру! – завопил Грузовичок. – Вытащи меня отсюда!

– Вот ещё! – фыркнул Кабриолет. – Мы так не договаривались! Лучше я поищу себе нового друга!

И умчался прочь.

– Ой-ой-ой! – заплакал Грузовичок. – Что же мне теперь делать?

– Здорово, приятель! – послышался чей-то голос.

Грузовичок вздрогнул. На дороге стоял знакомый Джип.

– Помоги, пожалуйста! – попросил Грузовичок. – Самому мне отсюда не выбраться!

– Как же так? – удивился Джип. – Помнится, ты говорил, что всё можешь!

– Конечно, могу! – воскликнул Грузовичок, мигом позабыв о своём несчастье. – Я ведь самый... самый умелый грузовик на свете!

– Ну, тогда тебе моя помощь не нужна, – сказал Джип и уехал.

– Эх, – вздохнул Грузовичок, – и кто меня за язык тянул?

Вдруг послышался гул мотора, и на дороге показался Бульдозер.

– Эй, на помощь! – крикнул Грузовичок и громко засигналил.

– А, это ты! – улыбнулся Бульдозер и, взяв его на буксир, вытащил из кювета.

Грузовичок поведал Бульдозеру о своих бедах и виновато вздохнул:

– Видно, я и вправду ничего не умею. Что ни сделаю – всё не так. А я-то думал, что могу всё-всё-всё!

– Всё уметь невозможно, – сказал Бульдозер. – Но многому можно научиться. Хочешь, я устрою тебя в школу грузовиков?

Не успел Грузовичок ответить, как из-за поворота выскочил Пикап.

– Ой, беда! – закричал он срывающимся голосом. – На Цветочной улице горит гараж, а пожарная машина ещё не прибыла!

– Я знаю, где это! – сказал Грузовичок и помчался на Цветочную улицу.

На месте пожара собрались автомобили.

– Там Лимузин! Там Лимузин! – кричали они, указывая на пылающий гараж.

– Его надо спасти! – крикнул Грузовичок.

Он бросился к гаражу и, высадив ворота, вытащил беднягу из огня.

– Ура! Лимузин спасён! – радостно загудели автомобили.

К Грузовичку подъехал Джип.

– А ты и вправду всё можешь! – весело сказал он.

– Ой, нет, – засмеялся Грузовичок. – Всё уметь невозможно. Зато многому можно научиться. И я обязательно научусь, только сначала мне надо поступить в школу грузовиков!

**Александр
ШУРАЛЁВ**

УДИВИТЕЛЬНОЕ РАЗНОЦВЕТЬЕ

ПРИМУЛА

В поле вьюга ещё завывает,
но уже проступает на свет
и ворота весне открывает
чудотворным ключом Первоцвет.

За душевную щедрость в награду
помогает найти верный след
добрым людям при поисках клада
благодетель и друг Первоцвет.

Проявляя заботу о ближних,
ограждает от всяческих бед
неустанный весенний подвижник –
милосердный цветок Первоцвет.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ДЕЛЬФИНЫ

Посмотрите поскорей:
на зелёные равнины
выплывают из морей
разноцветные дельфины.
Только вместо плавников
и больших хвостов дельфиньих –
много разных лепестков:
красных, голубых и синих...
То не выдумки полёт –
это в середине лета
так Дельфиниум цветёт,
как находка для поэта.

-
- Александр Михайлович Шуралёв родился в 1958 году в селе Кушнареново в Башкирии. Профессор кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы в Уфе, доктор педагогических наук, член Союза писателей России, автор книг и многочисленных статей по литературоведению, поэтических сборников. Публиковался во многих московских литературно-художественных изданиях («Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Московский год поэзии», «Наш современник», «Парус», «Роман-журнал XXI век», «Юность» и др.). Лауреат ряда международных творческих конкурсов.

КИСТИ ГИАЦИНТОВ

Ручьёв журчащих лабиринты
ведут к веселью майских листьев.
Обмакивают в небо кисти,
как живописцы, Гиацинты.

Творить цветение на стеблях
они, наверное, искусно
учились с разумом и чувством
у мастеров-фламандцев древних.

ЧУДЕСНЫЙ ЛЕКАРЬ

Умелым врачеванием
признание заслужил,
сиреневым сиянием
дорогу проложил
к здоровью, долголетию
и счастью для людей
заботливый, приветливый,
надёжный друг Шалфей.

ШПАЖНИК

«Прояви свою отвагу,
вынимай из ножен шпагу,
на защиту слабых встань.
Против зла – у шпаги грань», –
так поёт волшебный голос
про отважный Гладиолус.
С давних рыцарских времён
Шпажником зовётся он.

БЕЛАЯ ФИАЛКА

Это не метёлки
новый экземпляр –
собирают пчёлки
с лепестков нектар.

Я полью растение
ключевой водой.
Всем на загляденье
расцветёт Левкой.

БАРАБАННЫЕ ПАЛОЧКИ

Палки барабанные начиная с августа
шариками жёлтыми на ветру стучат.
Бодрая Краспедия празднично и радостно
до октябрьских холодов украшает сад.

ИРЛАНДСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчиков узоры
дружно выстроились в ряд,
словно стройные танцоры
вышли на прогулку в сад.
Их движения синхронны,
грациозны и легки.
Так, роднясь с теченьем, волны
образуют ритм реки.
Танцу в такт душа запела:
«Молюцелла, Молюцелла!»

ГОРТЕНЗИЯ

Цветёт сосуд в аллеях сада,
напоминающий кувшин.
Кусты тихонечко раздвинь,
и опанёт тебя прохлада,
как сказка той страны далёкой,
где в раннем детстве принц с сестрой –
красавицею синеокой,
гулял по саду в летний зной...
Во многих битвах он сражался
потом на суше и воде,
но где бы ни бывал, везде
в тот сад с мечтами возвращался
и тишиною наслаждался
тенистой нежности соцветий.
Принц никогда нигде на свете
не забывал свою сестру:
ни в бурном море на ветру,
ни в бухте у подножий скал,
ни в тёмной глухомани леса...
Поэтому он в честь принцессы
Гортензией цветок назвал.

ЗАЩИТА ОТ ДОЖДЯ

Тучки тёмные растут,
а из тучек – кап, кап, кап...
Где же, где же, где же тут,
как же, как же, как же, как,
не имея зонтика,
спрятаться от дождика?
Для букашек и жучков
из цветущих лепестков
синенькие зонтики –
добрый дар Вероники.

ДУША КОМПАНИИ

Дружелюбия полна,
с каждым из растений ладит.
Красоту других ценя,
всем компанию составит.
В композициях цветам
добавляет шарм умело,
успекает тут и там
изумрудная Амбрелла.

ВЕТРЕНИЦА

От касанья-дуновенья
лёгонького ветерка
начинается волнение
беспокойного цветка.

Изгибается корона
нежных, чутких лепестков...
Вся в смятенье Анемона –
трепетная дочь ветров.

ЗВЁЗДНАЯ СТРАНИЦА

Не иллюминация
и не фейерверк –
страница Астранция
устремилась вверх.

О полётах грёзами
неспроста полна,
ведь в родстве со звёздами
состоит она.

ИНТЕРЕСНОЕ НАЗВАНИЕ

Волк гоняется за зайцем,
создавая мульти-мем,
попадает в небо пальцем
при решении проблем.

А вот серьги есть у волка
или их в помине нет?
На вопрос такой нам только
Бересклет даёт ответ.

Куст с неброскими цветками
и густой цветной листвой
также волчьими серьгами
называется порой.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА

Если стать намерен храбрецом,
ничего на свете не бояться,
за любое дело смело браться –
надо подружиться с Чабрецом.

Страх преодолеть поможет он
и надёжно защитит от хвори.
Хоть напиток из него и горек,
но волшебной силой наделён.

Эта сила в стороне любой
о родных местах напоминаем
преодолевают расстоянье
и прокладывает путь домой.

НЕБЕСНЫЙ ЦВЕТ

Однажды небо посчитало,
нахмурясь тучами бровей,
что якобы почтенья мало
к нему у золотых полей.

Вот реки – образец почтенья,
у неба к ним претензий нет:
они несут как отраженье
и берегут небесный цвет.

Колосья будущего хлеба
взмолились, скомкав тишину:
«Тебя мы обожаем, небо!
Но где нам взять голубизну?»

И небосвод в ответ на это
в палитру полевых дорог
добавил голубого цвета.
Так появился Василёк.

НЕОБЫЧНОЕ ПЛАМЯ

Так приятно любоваться
ярко вспыхнувшим огнём
и, любясь им, при том
об него не обжигаться,

До предвестников мороза,
бережно храня черты
жёлто-алой красоты,
пламенеет Глориоза.

НЕТОРОПЛИВЫЕ ЦВЕТЫ

Все в саду с весны спешат
показать цветной наряд,
в нём игриво щеголять,
и влюблять, и удивлять.
Не спешат лишь исполины –
астровые Георгины –
тихо ткут порою летней
шаровидные соцветья,
чтоб, когда завянут все,
проблестать во всей красе.

ОСЕННЯЯ ЦАРИЦА

И краснея, и желтея, листья
падают, кружась, в саду осеннем,
чтобы на прощанье поклониться
золотой царице Хризантеме.
Скрылось где-то за горами лето.
В пасмурный и зябкий день осенний
отголоски солнечного света
угасают вместе с Хризантемой.

ХВОСТ ИЛИ ГРЕБЕШОК?

Удивляется прохожий:
«Чей же хвост маячит здесь?
На кошачий чуть похожий,
с лисьим – тоже сходство есть...»

А другим – совсем иначе
представляется цветок:
видят в нём не хвост кошачий –
петушиный гребешок...

Только, что на что похоже,
спор вести – напрасный труд.
А цветок пурпурнокожий
Амарантусом зовут.

Долго он не увядает –
долгожитель среди цветов,
и гербарий украшает
стойкой формой лепестков.

Прошуршит под небом звёздным
бархатистостью своей,
станет в дни зимы морозной
добрым другом для людей.

**Галина
МАШТАКОВА**

КОРОБКА С СЮРПРИЗОМ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Я не против экспериментов. А даже, наоборот, сам их люблю. Сколько у меня их было! – не сосчитать. От некоторых вон до сих пор следы остались на полу... ну и ещё кое-где, конечно. Но это всё так, мелочи. Невелики потери. А вот за последний случай обидно. Это вам уже не мелочь. Тут уже ущерб ого-го! Рассказываю, как дело было.

Приходит ко мне Лёха про задачку спросить. Мы с ним в одном классе учимся и живём в одном доме. К задаче мы приступили не сразу: пока то да сё... Честно сказать, мы к ней так и не приступили, дело не дошло до неё. А всё эти часы... Лёха заприметил коробочку на столе. Это родители купили подарок на юбилей дяде Вите, папиному брату. Подарок что надо! Часы одной крутой фирмы. Мне самому даже понравились. Ясное дело, юбилей всё же у человека! Лёха тоже оценил.

– Классные часы! – говорит.

Я ещё добавил, что они противоударные и водонепроницаемые. Да, так прямо на них и написано. Тут Лёха ещё больше восхитился.

– Ого! – говорит. – А давай, Кирь, проверим, точно водонепроницаемые? Может, врут!

– А чё там проверять – раз написано, так и есть. Зря писать не будут, – отвечаю ему.

– Ну тем более, тогда чего бояться, если написано? Надо проверить – и всё!

– Верно, чего тогда бояться! – согласился я.

У меня и самого уже руки чесались, так хотелось поскорее проверить.

Ну, налили мы воды в тазик, положили туда часы, засекали время. Ждём... Нашего терпения хватило ровно на пятнад-

-
- Галина Алексеевна Маштакова (Сашникова) родилась в Саратовской области. Детство и юность прошли в Новоузенском районе. В 1979 году окончила Саратовский медицинский институт по специальности «Педиатрия». Работала врачом в п. Степное. Поэт и прозаик, публицист. Дипломант и лауреат международного литературного конкурса «Созвездие духовности» в нескольких номинациях. На конкурсе «Лучшая книга года» (Германия) награждена специальным дипломом «За солнечное творчество» – за книгу «Там, где ангелы живут...» Автор сборника стихов для взрослых «Пространство тишины» и трёх книг для детей. Публиковалась в журнале «Детская роман-газета».

цать минут, еле дождались. Достали часы, промокнули их салфеткой... Идут! Снова приложили к уху. Точно, идут как ни в чём не бывало. Не наврали фирмачи!

Тут Лёха ещё больше распалился.

– Во часы! – говорит. – Надо ещё на удар проверить.

– А чё их проверять? – засомневался я. – Ведь проверили уже, что не наврали.

– Не-э, на удар надо отдельно проверять, мало ли что написать могут.

– И то верно. Удар – это совсем другое дело! Вода – одно, а удар – другое. Проверять так проверять! – согласился я с Лёхой.

Мы по очереди бросали часы на пол, каждый раз по два. Поднимаем их над головой и выпускаем, как бы невзначай. А потом слушаем, ходят или нет. И что бы вы думали? Идут как миленькие! Тикают так нежненько: тик-так, тик-так. Просто душа радуется! Потом нас с Лёхой осенило (уж не помню, кого вперёд), что про удар не написано, какой он должен быть силы, с какой высоты. Понятное дело, что человек не будет кидать свои часы со всей силы, но ведь уронить их случайно он может с любой высоты. Это тоже надо проверить!

Мы бросали часы, вставая на диван, залезая на шкаф. А им хоть бы что! В квартире уже и высоты не осталось, с которой бы мы их не бросали. Да, но ведь часы можно выронить случайно и стоя на балконе! Это, конечно, сильная мысль. Не помню, кто её высказал, – я или Лёха. Медлить мы не стали. Сразу же выскочили на свой балкон. А живём мы на пятом этаже. Решили, что бросать будет Лёха, а я спущусь вниз и буду караулить под балконом. Мало ли что, всё-таки разные люди ходят. Я бегом слетел вниз, кричу Лёхе:

– Готов?

– Готов! – кричит он в ответ, вытягивает вперёд руку с часами и... отпускает их в свободный полёт.

Не успел я опомниться, как часы шмякнулись рядом со мной.

– Ну что?! – кричит мой друг, свесившись в нетерпении с балкона и стараясь понять, что там внизу происходит.

Как вы думаете, что я увидел внизу?..

Наши фирменные противоударные часы лежали в мелких осколках стекла с помятым циферблатом. «Дураки», – подумал я про нас с Лёхой. Но думать надо было чуть раньше. Я поднял часы с дорожки, приложил к уху... «Тик-так, тик-так...» – нежно выговаривали часики. А мне слышалось: «За что нас так...»

Лёха молча смотрел на меня сверху, почувяв неладное.

– Ну что? – наконец спросил он негромко.

– А-а! – махнул я рукой и побрёл к себе.

Лёха встречал меня на лестнице с озабоченно-виноватым видом.

– А ещё противоударные называются! Да я бы за такое враньё!.. – кипятился он не на шутку.

– Подожди, Лёх, не горячись. Они ведь ходят...

– Ходят?! – изумился Лёха, держа в руках разбитые часы. – Во хронометр! Ты понял, а!

С родителями у меня состоялся непростой разговор. Врагу не пожелаешь... Вечером они пошли на юбилей без подарка, положив в конвертик деньги.

Вот вам и эксперимент – двигатель прогресса! Иногда бывает так, что эксперимент есть, а прогресса нет. Это как повезёт.

А часы мне и самому жалко. Хорошие были...

ЩЕНОК

В этот раз Кирилл вернулся из школы радостный и с порога заявил, что он пришёл не один, а со щенком. На самом деле возвращались они из школы вдвоём с приятелем. Как всегда, шли не с краю дороги, а поодаль от неё, стараясь найти сугроб. Это так здорово – проваливаться в снег!

Так они шли, не спеша и весело болтая, пока не заметили увязавшегося за ними щенка. Остановились и стали спорить, девочка это или мальчик. Кирилл позвал щенка наугад: «Кузя, Кузя!» Он весело завилял хвостиком и подбежал к ребятам; они погладили его по очереди. Щенок был симпатичный, упитанный, с густой тёмно-коричневой шерстью и чёрненькими глазками. Они прошли ещё немного, уже втроём, приятель Кирилла сказал: «Пока, до завтра», свернул в сторону и скрылся за домами. А Кирилл, оказавшись у своего подъезда и поняв, что теперь он один на один со щенком, озадаченно посмотрел на него: как же быть... не оставлять же тебя одного! Щенок вопросительно смотрел на мальчика и вилял хвостом. «Пошли!» – наконец решительно сказал Кирилл, и вместе они поднялись на второй этаж.

– Мам, смотри с кем я пришёл! Можно он у нас поживёт? – спросил Кирилл с порога.

– Что ты, Кирюша, зачем ты привёл собаку! – испугалась мама.

– Щенку негде жить, он голодный, – чуть не плача протянул Кирилл.

– Нет-нет, вынеси ему еду, а домой не надо! – сказала мама. – Вот возьми ему... – Дала сыну плошку с пельменями и заторопилась на работу. – Ты понял меня, Кирилл? – сказала напоследок.

Щенок выел мясо из пельменей, оставив тесто нетронутым.

Немного повозившись с ним, Кирилл зашёл домой. Щенок заскулил, стал царапать дверь. Кирюша прислушивался, несколько раз выходил за дверь, переживал за щенка и даже поплакал. Бабушка успокаивала его, говорила, что это уличный пёс, он скоро станет довольно большим по размерам, что в квартире таких больших дворняг не держат. Но мальчик не унимался, да и щенок всё не уходил. Кирилл уговорил бабушку пустить ненадолго пёсика в дом.

В квартире щенок стал осматривать и обнюхивать всё, что попадалось. Заинтересовался сеткой с луком, пошуршал ею. Из комнаты на шорох вышел кот и с недоумением посмотрел на необычного гостя, потом – на хозяев: что, мол, это ещё за чудо и зачем вы ему позволяете трепать лук? А пёсик, потеряв интерес к сетке, стал быстро чесаться, задрав заднюю лапу и изогнувшись дугой. Кот молча, с интересом смотрел на него, подойдя поближе.

– Наверное, он с блохами! – недовольно произнесла бабушка.

– Ничего страшного, бабуль, у собак бывают блохи! – пытался её успокоить Кирилл.

– Унеси его, Кирюша и хорошо вымой руки! – не поддавалась на уговоры бабушка.

Кирилл снова захлюпал носом. Бабушка стала звонить знакомым, у которых были свои дома, в надежде пристроить пёсика. Но всё напрасно.

– Ну ничего, Кирюша, будет ждать тебя на улице, и ты будешь выносить ему еду. На улице тепло, весна. А может, у него есть дом и хозяева... – успокаивала бабушка внука.

В тот же день мама выяснила у соседей, что пёсик жил неподалёку в частном доме. Во дворе у него была своя будка и всё, что полагается. А в тот день он оказался на улице один – калитка была открыта.

АККОРДЕОНИСТЫ

Бабушка громко зовёт внука: по телевизору показывают красивого молодого человека – темноволосого кудрявого молодца, в светлом костюме, с белым аккордеоном в руках. Руки музыканта быстро и легко скользят по перламутровым клавишам, льётся красивая музыка. Это Пётр Дранга – кумир бабушки и её внука Кирилла.

– Вот, Кирюша, ты тоже будешь когда-нибудь так играть, а я буду любоваться и радоваться. Только старайся, учись, – говорит бабушка.

Кирюша учится в музыкальной школе игре на аккордеоне.

– Да-а, бабуль... это когда ещё я так научусь?.. – тянет внук, а сам восторженно смотрит на экран.

– Ничего, Кирюша, Пётр Дранга тоже начинал, как и ты, и тоже не всегда хотел садиться за музыкальные уроки, – успокаивает его бабушка.

– Тоже как и я?!

– Конечно, как и ты! Думаешь, он сразу вот так стал играть?

– Здорóво, бабуль! Я тоже так научусь!

На следующий день Кирилл приходит из музыкальной школы и с разочарованием сообщает с порога: «И никакой Пётр Дранга не музыкант...»

– Это почему же?! – спрашивают мама и бабушка в один голос.

– Юрий Петрович сказал, что это всего лишь шоу под фонограмму, а играть он так не может.

– Постой, Кирюша, а с чего у вас этот разговор начался? – удивлённо спросила мама.

– Да я сказал, что в наш город приезжает великий музыкант Пётр Дранга, и мы с мамой пойдём на его концерт. Мы ведь собирались...

Мама с бабушкой растерянно переглянулись.

– Ну ладно, Кирюша, ты, главное, старайся, учись и будешь играть как Юрий Петрович, – нашлась бабушка.

КОГДА МАМЫ НЕТ ДОМА

Я и подумать не мог, что повзрослеть можно всего за три дня. А теперь знаю: можно. На себе испытал. И сам не ожидал! Вот так живёшь себе беззаботно, ходишь в школу, встречаешься с друзьями, ну и всякое такое... А тут – бац! – и на тебе, случай. Вот он как раз и заставил меня кое о чём задуматься... Что за случай? Сейчас расскажу.

Иду я, значит, из школы домой, как обычно. Прикидываю в уме: сделаю уроки, заскочу в библиотеку, потом за Женькой – и вместе на тренировку. Сначала пообедаю, конечно.

Захожу в подъезд. Взлетаю птицей на свой третий этаж – аж через две ступеньки! Настрой бодрый... Есть чем порадовать маму: как-никак две пятёрки! И обе – по контрольным! Признаюсь, нечасто такое со мной случается – чтобы две сразу. Лично мне хватает и четвёрки. Но маме больше нравятся мои пятёрки.

Ну вот, распахиваю дверь, а дальше... тишина. Странная. Не слышно обычного звона посуды на кухне, шкворчания и булькания на плите. Не слышу привычного мамино: «А вот и сын пришёл! Скорее мой руки – и за стол. Какие у нас трофеи на этот раз?» Трофеи – это мои оценки. Вместо этого – леденящая тишина и запах... запах лекарств. Сердце моё тревожно ёкнуло... Осторожно прохожу в комнату и вижу незнакомого человека

в белом халате. Он что-то писал, сидя за столом. На диване – мама, немного уставшая и бледная.

– Видишь, Алёшенька, как получилось... – произнесла она чуть виновато. – Придётся немного побыть вам одним. Сейчас соседка приведёт Юлю из садика. Через три дня придет папа.

У меня внутри похолодело. Такой беспомощной я маму ещё не видел.

– Не волнуйтесь, молодой человек. Вашей маме нужно несколько дней полежать в больнице, пройти обследование. Дело житейское! – сказал врач и посмотрел на меня поверх очков.

Я облегчённо выдохнул, из монумента превратился в человека и снова обрёл дар речи.

Маму я проводил до машины. Она помахала мне из окна «скорой помощи», жестом показала: выше нос!

Вернувшись домой, ощущаю всё ту же сиротливую тишину и неприятный холод.

Соседка привела Юлю. Узнав, что мамы нет дома, сестра закатила рёв. Пришлось пообещать ей набор фломастеров и свою новую бейсболку. Кажется, я и сам бы не прочь пореветь на пару в тот момент.

Тётю Машу – соседку – я отпустил, сказав ей, что справимся сами. Но, похоже, с этим решением поторопился. Всё-таки было бы не так грустно. Как нарочно, ещё и папа в командировке...

Мы нехотя поужинали. Потом я читал Юльке сказки. Она капризничала, долго не хотела засыпать. «Какой нудный, тоскливый вечер, скорее бы он закончился...» Уроки делал уже далеко за полночь. Ложился в кровать с одной мыслью: только бы не проспать!

Утром зазвонил будильник. По привычке я собрался понежиться минут пять и потянул носом: что там у нас вкусенького на завтрак? «А-а! – то ли вскричал, то ли простонал и подскочил как ужаленный. – Мне же надо Юльку в детский сад собрать!»

Дальше всё было как в ускоренных кадрах в фильме про Чарли Чаплина. Я бестолково метался из угла в угол, хватал невпопад то одно, то другое...

Труднее всего было с косичками. Они не хотели заплетаться. Юля молча морщилась и кричала от боли. Но я справился, к своему удивлению. Две косички разной толщины и немислимый зигзаг вместо пробора красовались на своём месте. Мало того – и ленточки в косичках были разного цвета. Но эта дизайнерская находка мне даже самому понравилась. Авангард в искусстве ещё никто не отменял. Дальше фантазия подсказала мне подвернуть косички и завязать их на макушке. Получились симпатичные ушки спаниеля. Жаль, полюбоваться времени не было.

Итак, сборы подходили к концу. Моя сестрица даже успела подушиться мамиными французскими духами, вылив на себя щедрую пригоршню пахучей маслянистой жидкости. «Ого! Молодцы французы», – подумал я, когда меня накрыло ударной волной. Но на этом мои испытания не закончились. Только мы двинулись к выходу, по закону подлости – бдынь! – лопнула резинка в колготках. Раздумывать было некогда. С ловкостью пантеры я кинулся к шкафу, перерыл несколько полок... Есть! Хотя бы эти колготки не подвели. В несколько кошачьих прыжков мы оказались на улице. Нечего сказать – весёленькое начало дня!..

В школу влетел со звонком. Натыкаюсь на Женькин вопросительный взгляд: ты чё, мол, такой взъерошенный? «Потом!» – махнул я рукой. Все уроки у меня прошли на «автопилоте». Хорошо, что контрольных не было! На литературе Ирина Львовна старается, о Печорине рассказывает, о траге-

дии «лишних» людей, а у меня в голове другие заботы: забрать Юлю, купить хлеб, вынести мусор... Да, думаю, мне бы их проблемы... «Горохов, ты где витаешь?! Влюбился, что ли?» – ворвались в моё сознание слова Ирины Львовны. Я вздрогнул и, кажется, покраснел. Сзади послышались смешки. Я метнул грозный взгляд в ту сторону. Вернулся в реальность, собрался...

А дальше всё шло по плану. Сестру я из садика забрал, хлеб купил, мусор вынес, ещё кучу всяких дел переделал. Кажется, ничего не забыл. Даже предусмотрительно творог купил, чтобы на ужин вареники приготовить. Мама ими частенько нас балует. Вкусно-о! А главное – быстро. Но быстро, как ни странно, у меня не получилось. А ведь делал всё по книге, даже муку просеял! Положил всё что нужно для теста, мешаю, а оно и не думает соединяться! Подлил водички – эффект тот же. Пару замесов пришлось в мусорное ведро отправить. Но сдаваться я не собирался. Зря, что ли, столько продуктов извёл и времени угрохал?.. Юлька, вся перепачканная в муке, рядом вертится, мне советы даёт. Наконец у нас получилось какое-то подобие теста. Я его хорошенько раскатал. Но... странно... теперь тесто не хотело отлепляться от крышки стола. Я его тяну, а оно дырявится. Попробовал поддеть ножом. Не получается. Тут Юлька вспомнила, что мама сначала стол мукой посыпала, а потом уже раскатывала. Эх... если бы этот совет чуть пораньше! С трудом соскрёб тесто со стола, слепил несколько неказистых вареников.

Следующий подвох состоял в том, что при варке они разлезлись и разбухли так, что доставать уже было нечего. Несчастливая моя сестра всхлинула и разревелась. В конце концов, я пожарил яичницу, и мы поели. Удивительное дело – откуда-то набралась куча грязной посуды, как будто здесь пообедало стадо слонов. Да-а... неожиданное для меня открытие: свойство посуды грязниться с космической скоростью. А раньше я этого не замечал. Закончилось всё тем, что мы с сестрой до поздней ночи отмывали кухню от муки и теста. А потом я отмывал Юльку в ванной, и платье заодно. В довершение ко всему оказалось, что с мусором случайно был выброшен кухонный нож. Мамин любимый нож... Ну а пара разбитых тарелок не в счёт – с кем не бывает... В общем, получились одни убытки, а результат – ноль. Больше я на грандиозные блюда не замахивался, обходился сосисками и макаронами.

Да, я совсем позабыл про цветы в горшках! Кажется, они уже в голос зывали: «Пи-и-ть!» Спасибо Юле – не дала им засохнуть, напомнила. Она у меня молодец. Всё-таки как хорошо, что есть у меня сестра! Кстати, она совсем перестала капризничать. И такая рассудительная стала!

Когда вернулась мама, у меня прямо гора свалилась с плеч. Всё встало на свои места. И почему я раньше ни-че-го не замечал? Принимал мамини заботы как данность, как само собой разумеющееся, как воздух, которым дышат, как воду, которую пьют, как солнечный свет... На папу я тоже посмотрел другими глазами. Вдруг увидел, что он часто приходит с работы уставший. И при этом на нас время находит. Всегда пошутит, расспросит, как прошёл день, повозится с Юлькой, со мной поборется. Мне даже стыдно стало, что я иногда увиливал от домашних дел. Да разве это дела? Помыть посуду, пропылесосить, купить продукты иногда... Так, мелочи.

Великое, оказывается, дело – ответственность! В ней-то всё и кроется. Это я тоже понял. Как говорится, «опыт – сын ошибок трудных».

Вот такие дела, короче. Ну ладно. Пойду за хлебом схожу. Потом ещё уроки делать...

АРБУЗНАЯ ИСТОРИЯ

Кирилл закончил первый класс, и теперь ему позволено гулять во дворе одному, без взрослых, с велосипедом. Он то и дело забегает домой, чтобы показаться на глаза бабушке – такой у них уговор.

На этот раз он появился на пороге, с трудом втаскивая в дверь большой арбуз.

– Ух, бабуль, еле донёс! – радостно сообщил, раскрасневшийся, довольный.

– Да где же ты его взял, Кирюша?! – удивлённо воскликнула бабушка.

– А меня дяденьки угостили! Тут недалеко машину с арбузами разгружали, а я смотрел, – пояснил Кирилл. – Они мне сказали: «Ну чё, пацан, донесёшь домой арбуз?» – и на багажник мне его положили.

– Да как же ты дотащил, он такой тяжёлый?!

– А я его по лестнице катил, – успокоил бабушку Кирилл.

– Ну и ты угости их нашими яблоками, – посоветовала бабушка.

– Ага, бабуль, я сейчас! – обрадовался Кирилл и, быстро набрав яблок в пакет, а заодно и помидоров, выскочил за дверь.

А через некоторое время возвратился домой с новым арбузом.

– Опять дали! – сообщил радостно.

– Кирюша, ты бы не брал, угощают один раз, – сказала бабушка.

– А дяденьки мне сами дали! Я отказывался... – округлив глаза, заверил её Кирилл.

– Вот мама придёт, что скажет?

– Мама похвалит!

Два блестящих полосатых арбуза, отливая атласной зеленью, покоились на видном месте, радуя глаз. Кирилл, проходя мимо, по-хозяйски похлопывал их по выпуклым округлостям и удовлетворённо приговаривал: «Поспели, голубчики!»

Вернувшаяся с работы мама, увидев арбузы и загадочно улыбающегося сына, пропела:

– Та-ак, откуда у нас эти экспонаты? Признавайтесь!

– Да вот добытчик у нас объявился, – сказала бабушка, смеясь и кивая на внука.

Кирилл радостно поведал маме свою историю с «добычей». Про машину, про добрых дядей... Мама удивлялась, качала головой, уточняла подробности.

На следующий день Кирюша вернулся со двора... с очередным арбузом!

– Что это такое, Кирилл, ты опять! – снова возмутилась бабушка.

– Бабуль, я не виноват! Я не хотел брать, а дяденька сказал: «Бери, пацан, пока дают, тащи домой». Они уже уехали... – растерянно сказал Кирилл, хлопая длинными ресницами.

– Спасибо-то сказал, добытчик? – уже не так строго спросила бабушка, приглаживая кудрявый вихор внука.

– Конечно, сказал. А как же!

Арбузы оказались очень вкусными – к великому удовольствию Кирюши и всех домочадцев.

БРИОЛИН¹

Загорелый мальчуган в синей выцветшей футболке резво влетел во двор с радостным воплем:

– Танюшка, побежали скорее за мороженым, киоск открылся! У меня двадцать копеек есть! Смотри.

Маленькая девочка с большими голубыми глазами и светлыми косичками восторженно посмотрела на монетку в потной ладонке её старшего друга Сашки Дугина.

– А у меня мамы нет дома, она уфла на огород, я не могу, – прошепелявила Танюшка. (У неё недавно выпал зуб.)

– Слушай, Танюшк, а у тебя деньги есть? – мгновенно отреагировал Сашка.

– Конечно, ефть, мне мама фкоро велофипед купит! – Девчушка тотчас вскарабкалась на стул и достала со шкафа мамину сумочку. – Вот, фмотри!

– Ух ты! Да тут, знаешь, сколько?! – воскликнул Сашка.

– Фаф, а на велофипед хватит?

Пока Сашок сосредоточенно подсчитывал деньги, Танюшка с восхищением смотрела на приятеля. Он несколько раз сбивался, принимался считать снова, перебирая купюры и шевеля губами.

– Двадцать восемь рублей и сорок копеек! – значительно произнёс Сашка. – Ну что, идём за велосипедом?

Чуть поколебавшись, Танюшка кивнула:

– Идём.

Взявшись за руки, дети весело побежали по направлению к универмагу. По пути купили себе по мороженому и сбавили ход. Несколько раз останавливались у витрин, совещаясь или о чём-то оживлённо споря.

Проходя мимо лотка с разной мелочью, Сашок вдруг скомандовал: «Стой, Танюшк!» Среди множества интересных вещей: ремней, зажигалок, бритвенных приборов – его взгляд различил зелёную металлическую баночку с таинственным названием «Бриолин». Точно такую он видел у соседа дяди Лёвы, который недавно вернулся из плавания. Видел, как дядя Лёва доставал крем из баночки, намазывал на расчёску и причёсывал свой густой волнистый чуб, после чего волосы послушно ложились набок и заманчиво блестели.

Сашок объяснил Танюшке, что это полезная вещь и что им необходимо её купить. Девочка доверилась другу. Купили десять баночек с непонятным названием и, поделив их на двоих, двинулись дальше.

Не пройдя и нескольких метров, Танюшка вдруг остановилась.

– Ты чего? – потянул её за руку Сашка. – Пойдём!

Но она не двигалась. Во все глаза смотрела на висевший на вешалке яркий шёлковый шарф в горошек.

– Ой, Фафа! Как у нафей Веры Ивановны, давай купим!

Саша немного подумал и согласился:

– Ладно уж, давай купим.

Продавщица смерила детей недоверчивым взглядом и спросила:

– А мама вас не поругает?

Девочка тревожно взглянула на Сашу.

¹ Этот рассказ, дорогие мальчики и девочки, о том времени, когда ваши мамы и папы были детьми и наша страна называлась Советский Союз. – Прим. авт.

– Нет, у неё сегодня день рождения, и мы хотим купить ей подарок, – быстро нашёлся Сашка. – Как вы думаете, ей понравится?

– Это хороший подарок. Молодцы, у вас хороший вкус! – одобрительно произнесла женщина и улыбнулась.

– Слушай, Тань, – произнёс Сашок, в очередной раз что-то сообразив, – а давай купим пирожных, на велосипед денег всё равно не хватит.

Танюшка грустно вздохнула, подумав о велосипеде, но потом вспомнила о своей удачной покупке: «Вот мама обрадуется, когда увидит шарфик! И за крем похвалит». И с лёгким сердцем друзья пошли покупать пирожные. Их также поделили поровну. Остаток мелочи Сашка высыпал девочке в карман платица. «Смотри не потеряй!» – сказал строго.

Придя домой, девочка по-хозяйски разложила покупки на стулья, расправила шарфик, чтобы было красиво, и, довольная, побежала к подружкам.

Когда мама вернулась домой и увидела Танюшкины приобретения, она позвала дочку и в недоумении спросила:

– Танечка, откуда всё это? У нас были гости?

– Нет, мамочка, это я тебе подарки купила!

Мама тихо ахнула, заглянула в сумочку.

– Ой, мамочка, чуть не забыла, я же ещё и фдачу принефла! – радостно сказала Танюшка и с гордостью протянула маме оставшиеся семнадцать копеек.

– Горе ты моё луковое, Танечка. Ну что мне с тобой делать... – вздохнула мама.

– Мамочка, ничего не делать, велофипед мы потом купим. Не волнуйфя!

– Ну ничего, как-нибудь проживём... – задумчиво произнесла мама. – Пойдём пить чай с твоими пирожными, хозяйюшка...

Как потом узнала Таня, деньги, взятые ею из сумочки, не предназначались для покупки велосипеда. Это были взносы сотрудников с работы.

А велосипед мама дочке чуть позже всё-таки купила.

КОРОБКА С СЮРПРИЗОМ

Во дворе обычной пятиэтажки наблюдалось необычное оживление. Стайка разновозрастных детей хлопотала над коробкой из-под обуви, внутри которой находилось живое существо. Как коробка оказалась на свалке, чья рука просверлила в ней отверстие, история умалчивает. Известно только, что нашли её дети. Этот вездесущий народец, которому небезразлично всё, что происходит вокруг, не оставил без внимания писк, доносившийся со стороны мусорных контейнеров. Этот отчаянный призыв привёл детей туда, где поверх груды серых пакетов, набитых мусором, лежала та самая коробка. Несколько рук одновременно потянулось за ней. И вот она уже у Валерика. Но бойкая Любаша – рыжеволосая предводительница всей компании – немедленно выхватила у него «добычу». На правах старшей она могла позволить себе такие вольности. А так как ссора с ней не сулила ничего хорошего, то и спорить никто даже не подумал. Повертев по-хозяйски коробку в руках, девочка обнаружила сбоку надпись. Чёрным по белому фломастером крупно было выведено: «Не нужен! Заберите! Зовут его Толик».

Вот так новость! Желая поскорее узнать, какой такой ненужный Толик надрывался там, взывая о помощи, Любаша решительным движением руки сорвала скотч с крышки коробки. Толиком оказался... маленький серый

котёнок! Пушистое сокровище с голубыми глазками растерянно и доверчиво таращилось на своих спасителей.

– Какой хорошенький! – вскрикнула девочка и подхватила котёнка на руки.

– Ой, Любочка, дай мне его подержать! – заголосила Зойка, притоптывая на месте от нетерпения.

– Ага, я первый его нашёл! – запротестовал Валерик, пытаясь отстоять свои права на найдёныша.

– А вот и нет! Это я, Валерочка, сначала его услышала и всех позвала! А потом уже Димка услышал, – затараторила Маринка. – Дим, скажи, ведь правда?!

– Ну да, я ещё подумал про своего Сэмика! Он тоже так пищал, когда ещё совсем маленький был, – с готовностью подтвердил Димка.

– Да что тут спорить! Раз ничей, значит, общий! – постановила Любаша. – Его спасать надо, а вы спорить взялись!

И на этот раз её слова также не подлежали обсуждению. Решено было срочно начать операцию по спасению подкидыша. Для начала дно коробки устлали мягкой травой, а сверху накрыли фланелевой тряпицей. Потом кто-то сбежал домой и принёс плоску с водой, чтобы напоить котёнка. Это оказалось не так просто. Его макали мордочкой в воду, он чихал, фыркал и никак не мог понять, чего от него хотят. Пришлось поить котёнка из шприца, вставляя тупой кончик сбоку в рот и понемногу вливая водичку. Причём каждый из ребят желал проделать это собственноручно, полагая, что лучше него с этим никто не справится. Котёнок уже не сопротивлялся и покорно принимал всё, что посылала ему судьба. Он мелко подрагивал всем телцем и изредка попискивал.

Приближение вечера застало ребят врасплох. Настала пора расходиться по домам, и не совсем понятно было, что же делать с Толиком дальше. Но ясно было одно: раз котёнок общий, то и заботиться о нём должны все сообща. После недолгого совещания решено было оставить его на ночь в коробке, в нише под лоджией, а с утра снова продолжить дело по его спасению.

Но так думали не все. В голове у первоклассника Димки зрел другой план. Очень уж приглянулся ему симпатичный котёночек с голубыми глазками и полосатой мордашкой, похожий на героя любимого мультика. Их кот Сэмик, которого недавно родители купили по объявлению задорого, был не хуже. Но его приходится всё время делить с братом. А этот Толик был бы своим собственным. Вот бы забрать его домой!.. А как заберёшь, если он общий?.. Ведь никто не отдаст! Может, прийти и забрать ночью, когда все разойдутся?.. Но об этом не может быть и речи: мама непустит. Все эти мысли роились в Димкиной голове, пока девчонки горячо спорили о том, куда лучше спрятать Толика на ночь. Внезапно, решившись на отчаянный поступок, Димка выхватил коробку с котёнком у Валерика и кинулся к своему подъезду. Очень даже кстати подвернулся сосед дядя Юра. Димка юркнул впереди него в подъезд, мигом взлетел на свой этаж, забарабанил в дверь.

Увидев на пороге раскрасневшегося, возбуждённого сына с коробкой в руках, мама ахнула:

– Дима, сынок, что случилось?! За тобой гонятся, что ли?

– Ага, мам, не открывай никому! – выпалил запыхавшийся Димка, прижимая к груди заветную коробку.

– Да говори наконец, что случилось! – уже не выдержала мама.

– Вот! Там Толик. Мы с ним убежали! – выдохнул Димка, протягивая маме коробку.

– Какой ещё Толик?! Откуда у тебя эта грязная коробка? – уже грозно произнесла мама, почуяв подвох.

Димка виновато шмыгнул носом, захлопал длинными ресницами.

Котёнка наконец извлекли на свет. При виде беспомощного существа мама неожиданно смягчилась. От её грозности не осталось и следа. А через пару минут Толик уже тыкался мордочкой в блюдечко с молоком, не обращая внимания на ревнивые выпады Сэмика.

И всё же Димкиной мечте не суждено было сбыться. На уговоры сына оставить котёнка мама не поддавалась. «Хватит с меня и Сэмика, – был её аргумент, – вам бы только поиграть, а я убирай за всеми!» Это была суцая правда. Несмотря на Димкины клятвенные заверения, что теперь убираться он будет сам, мама была непреклонна. Она тут же, не откладывая, позвонила своей знакомой, которая давно хотела приютить брошенного котёнка. Это был как раз тот самый случай. Знакомая пришла и забрала Толика, убедив Диму в том, что котёнка она будет любить, будет заботиться о нём.

– А ты, Димочка, можешь навещать его, когда захочешь, – сказала знакомая, слегка потрепав грустного Димку по волосам.

ПЁС ЧАПЛИН И ДРУГИЕ...

Жил-был в селе обычный дворовый пёс по имени Чаплин; не очень большой и не маленький, довольно симпатичный. У него густая чёрная шерсть на спине, а на груди, по бокам и на брюхе – посветлее, с коричневатым оттенком. Чаплин очень умный пёс, он всё понимает. Когда его просят, подаёт лапу. Громким лаем сообщает, если кто-то чужой заходит во двор. И радостно повизгивает, когда приходят «свои». Хозяевами у него были старенькие бабушка и дедушка – ещё довольно бодрые, они хорошо управлялись со своим небольшим хозяйством. К ним часто приезжал их сын вместе со своей семьёй из городка, расположенного от этого села неподалёку.

Чаплин живёт во дворе, в своей конуре. Его частенько отпускали побегать по улице в ошейнике, сняв с цепи. Миролюбивый пёсик никого не трогал. Единственными его врагами были две белые кошки, живущие в том же дворе, – Манька и Белка. Белка приходилась Маньке дочерью. Обе досаждали Чаплину тем, что постоянно таскали еду из его миски, хотя у самих в мисках было полно еды. А ещё они были знатными охотницами, их боялись все мыши в округе. Кошки старались досадить пёсику, пользуясь своей безнаказанностью: собака сидела на привязи. Для них это было своеобразным развлечением. А ещё у Маньки с Белкой имелась привилегия – заходить в дом и даже ночевать там. Их гладили, часто брали к себе на колени. От хозяев им доставалось больше всяких лакомств, чем Чаплину, потому что кошки хитрее собаки и постоянно ластились к домашним. Так что поговорка: «Живут как кошка с собакой» – в нашем случае полностью подтверждалась.

Иногда во двор прилетала чёрная ворона и нахально отбирала у Чаплина лучший кусок. Кошек она не трогала, ей запомнились их острые когти, от которых она чуть было не осталась без глаз. Больше попыток она не предпринимала. Были времена, когда ворона таскала цыплят со двора. Так что с этой непрошеной гостьей хозяева были знакомы давно. Жила она на дереве, в гнезде, скрученном накрепко из кусочков проволоки.

При таком установившемся порядке жизнь неспешно протекала в этом хозяйстве. Всё изменилось, когда дедушка с бабушкой окончательно состарились и, как обычно бывает, один за другим покинули мир и нашли вечный покой. Пёсик первым понял, что осиротел. Собаки больше привязаны к хозяевам, чем независимые кошки. Каждый вечер стал приезжать в дом молодой хозяйин, сын умерших стариков. Он привозил всем троим питомцам еду. Чаплина снял с привязи, чтобы он мог свободно бегать по двору. Было бы несправедливо лишать его свободы в такой ситуации. Добросердечный сосед взял опеку над животными, тоже заботился о них.

Удивительно, что во взаимоотношениях между собакой и двумя кошками произошли значительные изменения. Они перестали враждовать и стали действовать заодно. Никто ни у кого теперь не отбирал еду. Они вместе прогоняли назойливую ворону со двора. А однажды кошки принесли Чаплину мышь и положили её возле конуры. Они понимали, что у их друга меньше возможности добыть себе еду, чем у них. И, что ещё удивительно, Манька, окотившись, стала приносить своих котят в будку к Чаплину, под его охрану, чтобы их не обидели чужие коты или та самая ворона. Пёс бдительно охранял котят, пока кошка уходила по своим делам.

Наступила зима, сковали землю морозы. Чаплин стал ночевать вместе с кошками в сеннике. Там была пещерка в соломе, где они спали, тесно прижавшись друг к другу. А когда приезжал хозяйин, троица дружно выбегала его встречать, ещё издали заслышав шум мотора машины.

Так все трое живут неразлучно в своём дворе, помогая друг другу. Никто никуда не ушёл. Совместная жизнь им нравится. Собака и кошки хорошо выглядят: упитанные, красивые. А главное – они здоровы. Все трое исправно несут свою службу по охране двора. В их случае поговорка «...как кошка с собакой» приняла совершенно другой смысл.

Вот такой неожиданный поворот случился в жизни Чаплина и Маньки с Белкой...

**Светлана
ГОЛУБЕВА**

СКАЗКИ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

ПОДАРКИ ДЛЯ БЕРЁЗКИ

Всюду-всюду можно сказки найти: столько красоты кругом, столько удивительного! Тут и всего-то дела – по сторонам смотреть. Только выйдешь на улицу, сощуришься от яркого солнышка не успеешь, а сказка уже навстречу бежит...

У матери Земли и отца Солнца родилась дочка Берёзка: стройная, ласковая, весёлая. Стоит над круглым, как зеркальце, прудом, дрожит от вешнего холодка. Подарили родители девочке зелёный платочек: носи на здоровье.

Через время сшила мать ей белое платьице, а отец зелёные ленты для кудрей подарил. У Берёзки и друг появился – озорник летний Ветер. Всё время дёргает её за косички. Та отбивается, головой встряхивает, а Ветер отлетит и снова тут как тут. Девочка не обижается, шумит, поддразнивает ветреного мальчишку. Так всё лето проиграли.

Осенью отец Солнце снова к дочке с подарком: жёлтую косыночку дарит. А мать – золотое ожерелье. Девочка рада и не рада. Подарки-то хороши, да жаль, дружок Ветерок прочь умчался, не перед кем ей подарками хвастаться. Зато налетели холодные осенние бури, и каждая привет Берёзке от друга летнего приносит. Девочка им за добрые вести по золотой монетке всё мамино ожерелье раздала да и жёлтую косыночку подарила. Плачет, тоскует берёзка по летнему теплу да играм.

Жалеет Земля дочь, утешает. Отец хмурится, о дочке тревожится. Пошептались родители, с вьюгами стоворились и одели свою красавицу в белую пушистую шубку, в голубой кружевной

-
- Светлана Сергеевна Голубева родилась в семье работников геологоразведочной партии в пригороде Пскова. Окончила географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. С 2006 года живёт в Орле. Автор пяти книг: «Капельки», «Вера», «Ветра и птицы», «Такая жизнь...», «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» – последняя в соавторстве с Е. Машуковой. Светлана Голубева – один из трёх авторов книги для детей «Весёлые превращения». Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Аргамак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин» и др. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014), Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого (2012), Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. И. Н. Григорьева (2016) и др.

платок. Посмотрела на себя Берёзка в зеркальце озера и замерла, поражённая. И родители притихли, и вьюги лютые: до чего ж хороша девочка в светлом одеянии, как выросла, как похорошела! Чем не Снегурочка?

Тихо-тихо стоит Берёзка в меху и кружеве, хрустальными серёжками позванивает. Околдована? Дремлет? Может, снится ей сейчас далёкое игривое лето? Не грусти, милая, закончатся холода, придёт добрая, лучистая весна, и сказка о девочке Берёзке повторится снова.

КОГДА ВЕТРУ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО

Иринка простудилась. Приходил врач и строго-настрого Иринкиной маме приказал поить дочку тёплым малиновым морсом, а самой девочке из постели не вылезать. Мама ненадолго вышла в аптеку. Малышка лежала-лежала и устала от безделья. Завернулась в одеяло, села на подушку и стала в окно смотреть, которое в изголовье кровати находилось. А на улице метель начинается. Ветер с деревьев снег то стряхивает, то снова насыпает, по дороге вьётся, снег в жгутики закручивает.

– Что ты всё сыплешь и сыплешь куда ни попадя, – ругается на Ветер простуженная девочка. – Остановись на минутку.

– Не могу, – отвечает Ветер. – Землю надо хорошенько снегом укрыть, чтоб тепло ей было, чтобы все семена потом по весне взошли.

– Ладно, мети, – разрешила Иринка. – Только весной уж смотри стихи.

– Не могу, – снова оправдывается Ветер. – Солнце лёд да снег растопит, а кто землю проветрит да высушит, кто солнцу поможет?

– Опять ты, что ли? – удивляется малышка. – Тогда летом отдохни. Пусть у тебя, как и у меня, каникулы будут.

– Летом дождики возить надо, деревья, кусты поливать, а то откуда потом ягоды-плоды возьмутся?

– Плоды... Это я люблю, – мечтательно проговорила девочка. – Яблоки, груши...

– Ага, и малина тоже, – поддакивает ей Ветер.

– Остаётся осень, – деловито сообщает Иринка. – Осенью не дуй, листьев с деревьев не обрывай.

– Да как же... – смущается Ветер. – Если листьев не сорву – замёрзнут деревья, погибнут в морозы. Придёт весна, а липы и каштаны листьями и цветами уже не покроются.

Замолчала Иринка, задумалась. И Ветру больше сказать нечего, поёт про себя тихонечко непонятную песню и снег по-прежнему рассыпает.

– Не сердись, – грустно проговорила девочка. – Вон сколько у тебя затей, скучать некогда, не то что мне...

– А ты выздоравливай, Иринка, и во двор выходи. Будем вместе занятия себе придумывать. Зимой намету снега целую гору, на санках покатаешься, весной поможешь мне одуванчики развеять, летом воздушного змея запустим, осенью в опавших листьях поваляемся.

– Ладно, договорились, – повеселев, согласилась девочка и пообещала: – Я хорошенько лечиться буду.

Из аптеки мама вернулась с лекарствами. Иринка всё делала, что доктор велел: горло полоскала, таблетки принимала, чтобы выздороветь поскорее и на улице побежать, ждёт ведь её Ветер-то.

ВАНИНЫ ДРУЗЬЯ

Привезли родители Ваню летом в деревню к бабушке с дедушкой. Другие внуки к своим ещё не приехали, а друзей заводить надо.

У Ваниных родных во дворе кролик жил. Мальчик погладил его по спинке, говорит:

– Привет. Меня Ваней зовут, а тебя как?

– Никак. Кролик – и всё, – отвечает тот.

– Давай дружить, – предложил мальчик. – Приходи ко мне завтра в гости.

– Спасибо, приду.

Разговор мальчика с кроликом слышал, сидя на заборе, соседский кот. Ваня его тоже пригласил. У ручья парнишка подружился с лягушкой, а на ферме – со сторожевым псом.

Ну что же, друзья приглашены, надо угощение готовить, а чем кого кормить, Ваня не очень-то помнит.

Вернулся мальчик с прогулки и спрашивает бабушку:

– Бабуль, а что едят коты, кролики, лягушки и собаки?

– Рыбку, морковь, мошкарю всякую и косточки.

Ваня внимательно выслушал, всё постарался хорошенько запомнить и приготовить. Морковку в огороде из грядки вытащил, косточки из кастрюли вынул, вяленую рыбку у деда попросил, а комаров вечером прямо на себе нахлопал.

Назавтра собрались во дворе у Вани его новые друзья: кролик, кот, лягушка и пёс. Мальчик со всеми поздоровался, лапки пожал, к столу пригласил. Посмотрели животные в мисочки, смутились.

– Ваня, я не ем косточки, – осторожно сказал кролик.

– Комарики не кошачье лакомство, – мяукнул кот.

– Мы не питаемся рыбой, – пробормотала лягушка.

– Морковка, брат, не по мне, – тьякнул пёс. – Напутал ты что-то.

Задумался хозяин застолья, почесал затылок, пытается сообразить, как поправить дело. Пришлось вспомнить, что ему мама с папой про зверей читали, что он у бабушки с дедом в деревне узнал. И догадался! Все тарелочки с угощениями правильно местами поменял. Гости остались довольны.

С того дня Ваня крепко запомнил, какое животное чем кормить. А вы помните?

ВОЛОДЯ И ФОМА

Всю неделю Алла Петровна замечала, что Володя на уроках не слушает её, задумывается, но точно не о занятиях. Она проверила: задала Володе вопрос, и тот промолчал, глядя на свои ладони. А те исцарапаны! После уроков учительница подозвала мальчика и спросила:

– Ты стал рассеянный. Руки вон какие... Тебя ребята не обижают?

– Нет, что вы, Алла Петровна! – горячо возразил мальчик. – Это кот, понимаете? Бабушка в санаторий уехала, а он у нас пока... царапается, обормот...

– Может быть, ты его обижаешь?

Володя опустил голову и печально произнёс:

– В том-то и дело, что нет. Вообще стараюсь к нему не приближаться. Бабушка сказала, кот характерный... Точно! Только начну рисовать или ком-

пьютерной мышью щёлкать, он прыг ко мне – и давай хватать... Невзлюбил меня почему-то...

– Как его зовут? – спросила во всём уже разобравшаяся Алла Петровна.

– М... Фома.

– Поговори с ним, – посоветовала учительница.

– С кем?

– С Фомой. Ты – хозяин, он – гость. Знаешь, как неловко некоторые чувствуют себя в гостях?

– Попробую, – неуверенно согласился Володя и отправился домой.

Кот спал в гостиной на диване. Мальчик сел рядом с ним на пол.

– Привет, Фома.

Кот открыл глаза и ответил:

– Здорово.

Мальчик хоть и спрашивал, допуская, что собеседник ответит, но всё-таки удивился и умолк ненадолго, пока придумывал, что ещё сказать.

– Есть хочешь? Пойдём, котлету дам, – предложил Володя.

– Не стоит. Бабушка мне сухой корм покупает. Да и не время обедать.

Часов в шесть покормишь.

– Буду знать. Зачем ты меня кусаешь и царапаешь?

– От скуки. Ты сначала в школе, потом сидишь с книжками или в компьютер смотришь, а я один да один. Хочу, чтобы ты со мной поиграл. Бабушка меня бантиком из фантика развлекала.

– Ладно, давай поиграем.

Володя привязал на длинный шнурок бумажный бант и стал бегать по комнате. Обрадованный Фома то бросался за ним в погоню, то устраивал засаду под диваном, а поймав бумажную добычу, валился на спину и кусал, держа передними лапами.

Вечером, когда Володя выводил буквы в тетради, Фома сидел рядом и ни капельки не мешал. С того дня мальчик и кот стали лучше понимать друг друга и, кажется, подружились.

НАКАНУНЕ 8 МАРТА

Куклы строго смотрели на своих хозяек – трёх девочек: Таню, Саню и Аню.

– Как можно ссориться? – возмущалась кукла, когда-то мамина, а теперь Танина, потому считавшаяся главной. – И это 7 марта! И это вместо того, чтобы придумывать сюрприз для мамы!

Первоклассница Таня и её шестилетние сёстры-двойняшки, Саня и Аня, молчали, не глядя друг на друга. Их любимые куклы сидели рядом и качали головами.

– Что делать?.. – деловито совещались они, а потом сообщили своим хозяйкам: – Будем играть, но не вы нами, а мы – вами. Пока не помиритесь.

Сёстры согласно кивнули. Да и как не согласиться, если родители тоже всегда им советуют быть дружными.

Танина кукла объявила:

– Играем в театр. Будем ставить спектакль «Золушка». Доставайте книгу!

Игрушки сняли с полки сборник сказок Шарля Перро. Таня, Саня и Аня вопросительно посмотрели на своих любимиц.

– А чему вы удивляетесь? – спросила главная кукла. – Читать я ещё вместе с мамой выучилась. Не отвлекайтесь. Таня, ты исполнишь роль мачехи. Аня будет Золушкой, а Саня – феей.

Тане не очень хотелось быть мачехой, но приходилось подчиняться. Репетиция началась. Куклы объяснили, что следует делать. Девочки увлеклись и не заметили, как помирились, выучили роли и даже проиграли пьесу целиком для всех игрушек. Наступила пора укладываться в постель. Сёстры заснули довольные и немножко уставшие.

Праздничным утром игрушки разбудили детей пораньше. Девочки надели самые красивые платья. В детскую заглянул папа, и они вместе, прихватив кукол, пошли в гостиную поздравлять маму.

Папа подарил ей цветы, а дочки с таинственным видом предложили родителям присесть на диван. Дети решили подарить маме спектакль. Чтобы не слишком волноваться во время выступления, они посадили рядом с родителями кукол.

Спектакль начался. Зрители – мама, папа и куклы – смотрели не шевелясь, затаив дыхание. Таня, Саня и Аня так вдохновенно играли роли, будто они самые настоящие мачеха, Золушка и фея. Спектакль закончился, куклам очень хотелось устроить настоящие театральные овалы, но приходилось сдерживаться, а вот сиять от гордости за своих девочек можно было сколько угодно. Зато мама с папой долго и шумно аплодировали, а потом сказали, что дочки приготовили самый лучший сюрприз на свете.

КАКАЯ У ЗИМЫ ПЕСНЯ

Ходила по округе Зима. По лугу шла, по лесу, городу, деревне. Нашла дудочку-свирель и стала песню сочинять. Летучим снежинкам понравилась мелодия. Заплясали, закружили они вокруг хозяйки.

– Радостно вам? – спрашивает Зима. – Значит, музыка моя весёлая.

– А вот и нет, – рявкнул из конурки пёс на одном подворье. – Зима поёт – метель зовёт. Занесёт-заметёт снежищем мою будочку по самую крышу. Грустная твоя песня.

Пожала плечами Зима, дальше играет.

– Делать тебе, что ли, нечего? – ворчит пёс. – Столько за день можно всего успеть, а ты дудишь попусту.

Зима слушает его и думает: «Чего пёс сердится? Осень же всё к холодам подготовила: деревья усыпила, речку льдом затянула, людей шапки надеть заставила. Мне-то чем заняться? Только песни сочинять и осталось».

Наступил вечер, в домах свет зажётся. Зима решила для людей мелодию исполнить: как им покажется? Пристроилась под окошком, поиграла, слушает, о чём в доме говорят.

– Вьюга будто волк воет, – жалуется маленький мальчик старшей сестре.

– Не бойся, Илюша, не страшно вьюга поёт, а весело, – успокаивает малыша девочка. – Утром пойдём на санках кататься, в снежки поиграем, кормушку для птиц на рябине приладим.

Улыбнулась благодарно Зима и решила под рябину высокую гору для детей навьюжить – пусть с неё на санках съезжают. Ветки дерева кружевным инеем украсила, палисадник снежным пухом укутала. Вот ребятишки утром поглядят, порадуются! Потом села отдохнуть, взялась было за свирельку, подумала да и закинула её обратно в сугроб.

Пошла Зима дело себе искать. Оказалось, работы у неё и впрямь хватает: улицы чистым снежком прибрать, ёлки да сосны бахромой-изморозью украсить, поля поплотней укутать да заячьи следы заровнять, чтобы длинноухие трусишки волкам на обед не достались.

Свежий снежок и псу хорош оказался. Видела Зима, как тот в пушистом сугробе резвился, снежинки зубами ловил, а про песенку так и не решила, грустной или радостной она получилась.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛИСТА

Ему было темно, тепло и спокойно.

Но однажды стало тревожно и тесно. Он упёрся в скорлупки своей уютной коробочки и услышал пощёлкивание. Стало свободнее.

«Подожди ещё, – прошелестела чья-то добрая вкрадчивая речь. – Совсем недолго».

Он готов был послушаться, но силы прибывали, и очень хотелось потянуться, распрямиться, посмотреть на себя.

Что-то треснуло, и в трещину заструился лёгкий щекочущий холодок. Потом заглянул розовый свет – не зажётся, а как будто поднялся из дали.

Холодок щекотал. Свет разгорался, теплел, становился золотым.

Сил накопилось столько, что лист раскрыл наконец чешуйки коробочки и вывернулся наружу, прямо навстречу большущему светящемуся шару, который радостно тянул навстречу прозрачные ленты лучей. Новорождённый лист осмотрелся и увидел много-много зелёных братьев, густо облепивших коричневые ветви матери-липы. Все замерли перед сияющим шаром.

«Это солнце, дети», – объяснила им мама.

**Вячеслав
РЫЖЕНКОВ**

МОЛЧУН И НЕПОСЕДА

(по мотивам восточных сказок)

Дело это давнее. Когда-то давным-давно, как рассказывают теперь, жили в одной глухой деревеньке старик и старуха. И были у них два сына-близнеца. Что один, что другой – как две капли воды похожи. Вот только нравом не сошлись, и повадкой

● Вячеслав Борисович Рыженков родился в 1956 году. Окончил Московский институт химического машиностроения, инженер-технолог. Публиковался в журналах «Голос эпохи», «Литкультпривет» и в региональной печати. Живёт в г. Щёлково (Подмосковье).

своей каждый на отличку. Тем и приметили их в деревне. Тот, что поживее – Непоседа, а второго, тихого, Молчуном прозвали. Оно нетрудно было: Непоседа всегда у всех на виду, с Молчуном же редко кто встретится. А уж увидеть двух братьев вместе, чтобы изумиться в который раз их схожести, так это вообще в диковинку.

Но лишь только братья в возраст входить стали, померли вдруг разом старик со старухой. И засобирались тут братья в дорогу. В какую – никто из соседей не спрашивал. Дорога через их деревню проходила одна, и вела она к каким-то дальним городам и странам. Так и проводили всем миром двух близнецов без лишних уговоров. Раз решили они искать свою судьбу в других местах, значит, по сему и быть.

Шли братья, шли уже который день, на боковые тропинки не сворачивали и вдруг остановились перед развилкой. Огляделись близнецы, заметили чуть в стороне какие-то домики. Раз люди здесь живут, значит, знают, что да как с дорогой, сразу решил Непоседа. И побежал расспросить, кого отыщет. А Молчун остался, только присел на камень у развилки дожидаться брата.

Всё оказалось просто. Лежало впереди большое тихое озеро. Обе дороги огибали его и на той стороне снова сходились вместе. Но какая из них длиннее, никто из здешних сказать не сумел.

Назад поворачивать не хотелось. Впрочем, разузнал ещё Непоседа, что обе дороги, что от развилки, с подвохом. Вдоль крутого берега дорога тяжёлая, всё больше вверх забирает, но идёт везде посуху. Низким берегом шагать проще, только придётся перебраться через реку, что из озера вытекает. А моста через неё никто пока не построил. Зачем, если есть сухая дорога?

Как услышал Молчун про реку, сразу ему вниз идти расхотелось. Непоседа же всё наоборот решил: невелика беда – река, плавать умеем, переплывём! Зато скорее по ту сторону озера будем, ведь это не в гору карабкаться.

Заспорили братья. Уже и жребий бросить собирались, в какую сторону сворачивать, уже и назад повернуть хотели. Наконец решили разделиться. Меньше спора – больше толку. Пусть каждый свой путь испробует, и кто первый на общую дорогу вернётся, тот и прав будет. А не опасно ли это – не подумали. Чего бояться, когда дорога – вот она, под ногами.

Молчун пошёл верхней дорогой. Топал резво, уверенно, но время было уже позднее, и когда начало темнеть, дорога всё ещё в гору поднималась. Свернул рассудительный брат в сторонку, чтоб не ночевать в камнях да пыли, а поискать удобного местечка, где лучше улечься, и столкнулся лицом к лицу с плечистым крепким мужчиной. Встречный был ещё не стар, шагал легко и бодро. Был он светел лицом и волосами, пышные усы его были ещё светлее волос, а глаза, насколько сумел разглядеть Молчун при почти закатившемся солнце, – ярко-голубые. Одним словом, совсем не похож на разбойника.

Встречный сразу понял, для чего бродит здесь незнакомый парень, и без долгих разговоров пригласил его в гости. Незаметной тропинкой вышли они к чистому, уютному домику, и скоро спал Молчун на мягкой лежанке, не хуже чем когда-то у родных батюшки и матушки. Да так хорошо ему спалось, что он не сразу пробудился, когда среди ночи хозяин вдруг окликнул его. И сразу стало понятно Молчуну, что не так просто дал ему приют встреченный незнакомец.

Проворный брат, расставшись с Молчуном, весьма недолго шёл вприпрыжку по своей ровной, удобной тропинке. Скоро перед ним открылась река, которую, казалось, стоило называть просто речкой. Хороший прыгун преодолел бы её с разбега. Ну, или, может быть, чуть-чуть не допрыгнул.

Но едва Непоседа вошёл в воду, его подхватило и понесло быстрое течение. И только поняв, что переплыть эту хитрую речку просто так не получится, парень еле-еле выбрался из воды. Он так и остался на том же берегу, только река унесла его далеко и стала здесь уже вполне широкой. Возвращаться обратно на дорогу было теперь далеко, а ночь тем временем приближалась.

Тут и разглядел Непоседа, что прямо под обрывом, у воды, выгорожено камнями утоптанное местечко, и к нему спускается из тех же камней как будто лесенка с широкими ступенями. Непоседа был не Молчун, он не стал раздумывать и сразу спустился вниз, а дальше была и пещера, скорее похожая на комнату в богатом доме. Непонятно как, но здесь всё освещал лёгкий, словно лунный свет, идущий прямо от стен.

Хозяев в пещере не было, и Непоседа решил, что не будет их дожидаться. Он скинул с себя мокрую одежду, завернулся в какую-то накидку синего цвета. Потом пристроился в удобном кресле и незаметно задремал. Но спал он сторожко, а потому сразу проснулся, как только услышал, что кто-то к нему входит.

Это была женщина с пышными тёмными волосами, вся из себя нарядная, как настоящая богачка. Хозяйка молча оглядела незваного гостя и покачала головой.

– Здесь не постоялый двор, любезный мой друг. Тем, кто осмелился ночевать в моих покоях, это дорого обходится. И лучше знай сразу: уйти от меня совсем не просто. Особенно тому, кто трогал это синее покрывало – оно, на твою беду, волшебное.

Непоседа не мог не поверить, но не поддался страху.

– Я и не собирался бежать, – ответил он. – Заплатил бы и за ночлег, да только нечем. Подскажи лучше, строгая хозяйка, где проще через реку перебраться. А я, если в долгу останусь, рассчитаюсь при первой возможности.

Темноволосая женщина улыбнулась:

– Вот такая речь мне нравится. Есть у меня для тебя небольшая служба. Исполнишь, так иди с миром, скажу тебе тогда, и как речку нашу одолеть. А самому тебе, если уж не перебрался сразу, с ней теперь не справиться.

– Ну что ж, – сразу согласился Непоседа, – я готов.

Над речкой было уже светло, ночь прошла. Отвела его хозяйка пещеры опять на берег озера самой короткой дорогой. Была там привязана небольшая лодочка. Объяснила, что ей надобно, да как это сделать. И отплыл Непоседа в точности в ту сторону, куда ему было указано. Завертели его скоро на озере ветер и волны и сами пригнали лодочку прямо к голому каменному острову.

Сошёл Непоседа, огляделся. Он согласен был полностью проделать всё, что обещал темноволосой хозяйке, хоть задание и показалось ему почти безумным.

Где-то на этом одиноком островке просто стоит большая корзина, доверху наполненная золотыми бусинками. Эту корзину нужно перенести в лодку и отвезти, но не к той странной женщине, а неизвестно куда, к противоположному скалистому берегу. Там найти укромное местечко, хорошенько её спрятать и вернуться назад. Рассказать Темноволосой, что всё исполнено. Ничего глупее, кажется, и придумать нельзя! Да и найдёт ли он эту корзину, которую давно уже мог увезти любой рыбак или просто случайный проезжающий, лишь бы нашлась для того подходящая лодка?

Пошёл Непоседа по островку просто наугад, обошёл несколько тяжёлых глыб и застыл на месте от испуга. Прямо перед ним, свернувшись калачиком, спал как на скамейке, на гладком каменном выступе его родной брат.

Тут же слегка в стороне виднелась и ещё одна бухточка, а в ней другая лодка. Непоседа взгляделся и не поверил своим глазам. Кажется, в этой лодке стояло что-то очень похожее на большую корзину.

Проворный брат подошёл к чужой лодке. Так и есть. Действительно корзина и с теми самыми золотыми бусинками, которые поблёскивают на солнце. Всё как и было рассказано хозяйкой, только зачем здесь вдруг очутился его брат-близнец?

Похоже, Молчун тоже собирался увезти на лодке эту корзину, да сон не вовремя сморил его прямо на острове. Тем лучше! А теперь Непоседа просто поможет брату – отвезёт на берег золотые бусинки и, как и собирался, хорошенько их спрячет. Если они – находка Молчуна, так пусть и остаются добычей брата, и дорогу к ним он ему всегда сможет указать. Приведёт, когда потребуется, и откроет ему потайное место. Но прежде, и в первую очередь, Непоседа должен выполнить задание таинственной хозяйки пещеры. Благо, одно другому не мешает, не останутся в обиде ни брат, ни Темноволосая. К тому же внутренний голос упорно шептал ему, что обманывать хозяйку пещеры очень опасно.

Конечно, можно попробовать разбудить Молчуна и сразу обо всём договориться с ним. Но чем это кончится – известно давно. Споры, раздоры, долгие разговоры. По-другому у них не бывает. Значит – пусть себе спит, а спорами можно заняться потом, когда он опять заедет сюда на обратном пути к своему берегу.

И Непоседа забрался в лодку, взмахнул вёслами. Лодка оказалась послушной и быстро пошла в нужную сторону.

Молчун неспроста спал на острове как убитый. Светлоусый хозяин, пригласивший его на ночлег, так и не дал ему ночью покоя. Он грозно потребовал, чтобы молодой гость немедленно выполнил одно очень важное дело, а потом уж он и отдохнёт сколько вздумается и будет щедро награждён. Прямо среди ночной тьмы он усадил его в лодку и пообещал, что течение само вынесет Молчуна к островку. Светлоусый забыл когда-то на этом островке корзину золота, а съездить за ней ему недосуг. И если гость вырчит его и доставит ему потерянную корзину, он готов отсыпать за это хоть половину золота.

Уже из последних сил Молчун добрался до островка. Лодкой действительно не нужно было и править. Но заспанный парень боялся другого, что сон свалит его прямо на ходу и он перевернётся вместе с лодкой. На остров он попал уже при свете поднимающегося солнца, искал недолго, нашёл корзину, перетащил её в лодку. Это было последнее, что он ещё мог вспомнить, когда проснулся.

Пробудившийся Молчун сначала просто растерялся. Но пройдя чуть в сторонку, он вдруг увидел потерянную лодку. Странно только ему показалось, как он мог перепутать бухточки. Выходит, ещё долго бродил он по островку в полусне и сам не заметил, где заснул. Но это ли беда? Беда была в том, что корзины в лодке не оказалось. Ни в лодке, ни под водой – ведь через прозрачную воду дно бухточки было хорошо видно.

Станным каким-то оказалось это золото, под стать его таинственному хозяину. Сначала само далось в руки, а не успел отвернуться – пропало.

Впрочем, рассудительный брат недолго печалился.

Золото пропало, что верно, то верно, но кто знает, к добру было это золото или к беде. Ведь не пропадает просто так золото на всеми забытом островке. Конечно, теперь не с чем возвращаться к Светлоусому, но, значит, и возвращаться незачем. Вот озеро, вот лодка, а вон там берег, по которому

пошёл его брат Непоседа. И нет на том берегу никакого Светлоусого. Так пусть он теперь сам ищет своё золото!

Грёб Молчун долго, вокруг уже смеркалось и темнело. Но к берегу он всё-таки причалил и – не успел дух перевести – глядь, стоит перед ним неизвестная женщина, важная и даже суровая.

– Ну что, спрятал корзину? – недоверчиво спросила Молчуна темноволосая женщина. – Место запомнил или теперь уже не найдёшь?

– А разве нужно было запомнить место?

– Что ж, если не запомнил, то придётся поискать.

– Зачем же искать, если спрятал, – удивился Молчун.

Он никак не мог понять, о той ли корзине с бусинками идёт разговор. И почему эта сердитая женщина говорит с ним как со старым знакомым?

– Если хорошо спрятал, отпущу тебя. Вот пройдёт ночь и увидим. А пока ступай за мной.

Тут только Молчун догадался, что его перепутали с братом. И решил про себя: нужно делать вид, что он и есть Непоседа. Кто знает, что он обещал этой Темноволосой и почему. Как бы ненароком не навредить брату.

Пришли они опять в ту светлую пещеру, в которой уже освоился Непоседа, Молчун же увидел её впервые. Но помнил Молчун, что нельзя ничему удивляться и тем более ни о чём спрашивать. Поэтому просто тихонько встал в уголке.

– Что, так и будешь стоять до восхода? – поддела Молчуна темноволосая хозяйка. – Я ведь раньше не появлюсь. Так уж и быть, располагайся в кресле. Только покрывало заберу, оно теперь тебе ни к чему. Ну вот, жди здесь и надейся, что завтра всё выйдет хорошо.

Молчун послушно остался в кресле. Он затих, выждал нужное время, а потом бросился к выходу. Спасаться надо, а если получится, то и брата предупредить. Куда с острова пропала корзина с золотыми шариками, ему теперь стало понятно.

Но вместо бывшего выхода увидел вдумчивый брат перед собой такую же гладкую стену. Пути из пещеры не было.

А тем временем Непоседа шёл от удачи к удаче. Он отыскал на высоком берегу тёмную щель между скал. Уходила эта щель неизвестно куда, так что скоро в ней стало совсем темно, и даже затих отдалённый всплеск озёрных волн. Что делал там Непоседа, никто не видел, но, когда он снова вышел, его корзина была пуста. Забрался проворный брат снова в лодку и поплыл назад, к маленькому островку, на котором оставил спящего Молчуна.

Сейчас он обрадует своего брата-неумеху! Можно будет даже слегка посмеяться над его удивлённым видом. И потом поплывут они вместе на тот берег, к Темноволосой. Довольно им разлучаться! Переберутся вместе через речку, а там уж и путь недалёк.

Но Молчуна на острове не было. Непоседа обошёл его весь и увидел, что исчез не только его сонный брат, но и вторая лодка. Уплыл брат. И куда уплыл, тоже понятно – возвратился на свою скалистую сторону. Ведь спор их ещё не окончен, но теперь уже Молчун непременно выйдет на общую дорогу первым. Что ж, пусть и брат порадуется хоть какой-то своей удаче.

Непоседа не стал снаряжаться в путь на ночь глядя. Он просидел-продремал тёмное время в лодке возле островка и, только когда начало чуть-чуть светать, оттолкнулся и приналёг на весла. Знал бы он, что брат его Молчун скоро отправится ему навстречу и пути их снова разойдутся.

Темноволосую женщину Непоседа заметил уже издали и обрадовался своей новой удаче.

– Я здесь! – закричал он гордо. – Немного задержался, но всё сделал.

– Как же ты смог выйти среди ночи? Неужели посмел добраться и до моего сундука? Негодяй! Ладно, это потом... А сейчас говори, что ещё ты натворил там, за озером.

– Всё в порядке, госпожа сердитая незнакомка. Вот пустая корзина, а бусинки спрятаны. Спрятаны так, что никто их теперь не отыщет, кроме вас и меня.

– Глупый обманщик! – оборвала его Темноволосая. – А про это ты что скажешь?

Она вскинула руку в сторону восходящего солнца. Непоседа в ответ только развёл руками. Что он может сказать про солнце, кроме того, что оно сейчас взойдёт. Разве бывает по-другому?

– Если ты оставил себе хоть одну бусинку, а не просто потерял её где-то там по глупости, не смей приближаться к берегу! Эти бусы нельзя выносить на мой берег, когда царит день!

– Почему? – удивился парень, но грести вёслами сразу перестал.

– Значит, утаил! Ты же сгоришь как свечка, болван. А заодно и других бед наделаешь. Не веришь мне?! Тогда возьми любую утаённую бусинку и подбрось её вверх.

Непоседа задумался, но, как всегда, ненадолго. Если это хитрость недоверчивой плутовки, он много не потеряет. Одной бусинки не жаль! Парень быстро выудил бусинку из кармана рубашки, положил себе на ладонь, потом сильно взмахнул рукой. Бусинка взлетела и сверкнула в вышине так ярко, что Непоседа зажмурился.

А когда открыл глаза – удивился, как разом вокруг посветлело. Кажется, в той стороне неба, где поднималось солнце, разом рассеялись все облака. Вот теперь только Непоседа испугался, и испугался не на шутку. Он ещё не понял – почему, но уже догадался, как опасно перечить этой темноволосой женщине.

– Но что же мне тогда делать? – робко спросил он.

– Немедленно сложи все бусины, которые хотел украсть, опять в корзину. Все до единой! А потом оставайся в лодке на воде, пока не стемнеет. Только тогда сойдёшь на берег. И смотри, оставайся тут, жди моего возвращения!

– А если я просто отвезу всё это туда? – Он показал в сторону противоположного берега. – И тоже спрячу где-нибудь, как вы сразу мне и велели?

– Поздно спохватился, глупец. Теперь уже так просто ничего не изменишь. И на том берегу тебе делать больше нечего. Сказано тебе: жди ночи. А сунешься туда сам – просто сгинешь.

Вот тогда-то и понял Непоседа, что дела его плохи. Совсем плохи, и что будет дальше – полная загадка. Во всяком случае, даже его встреча с братом состоится теперь не скоро. Конечно, если только сам Молчун не догадается сегодня искать его посреди озера.

Но Молчун не собирался искать Непоседу посреди озера или у того же каменного островка, а тем более возле низких берегов. Его лодка уже подплывала к другому – дальнему скалистому берегу.

Он ведь сразу понял, увидев стену на месте выхода из пещеры, что ему остаётся одно – тихо вернуться в кресло. И удивительно крепкий, непробудный сон сразу одолел Молчуна, лишь добрался он до этого кресла. Проснулся же только от лёгкого холода. Таинственная пещера всё так же была наполнена мягким светом, но в стене снова появился выход, из которого

на него и веяло холодным воздухом. Рассудительный брат и тут догадался верно: путь снова открыт.

Снаружи под обрывом ещё было темно, но ночь уже уходила – небо посветлело. Молчун выбрался наверх и побежал к озеру по вчерашней тропинке, которой его привела к пещере темноволосая хозяйка. Лодка оказалась на прежнем месте, вёсла тоже. Прошёл, кажется, лишь час-другой, и Молчун опять вышел на тот берег, где ещё вчера расстался со Светлоусым.

Но легко было сказать – разыщу брата! Скалы, спуски, обрывы, узкие тропинки – и нигде и следов Непоседы. Он как сквозь землю провалился. Молчун и сам не заметил, что пробродил в пустых поисках целый день. Но лишь только начало смеркаться, чей-то сердитый голос вдруг окликнул Молчуна. Парень обернулся и замер – конечно же, это был сам Светлоусый.

– Что это ты так усердно ищешь?

– Я не хотел сразу говорить, но придётся. Случилась беда. Ваше золото пропало!

– Само пропало? Странно. Очень странно! Ну как же я мог так ошибиться, доверившись твоей честности! Я ведь обещал щедро наградить тебя и сделал бы это. Впрочем, теперь ты сам себя наказал. Подвела тебя твоя глупость, когда превзошла твою жадность.

Молчун хотел возразить, но растерялся. Кажется, Светлоусый обвиняет его в чём-то ужасном.

– Ты ведь привёз вчера корзину с золотом, как и договаривались, но тебе вдруг показалось мало той половины, которую я обещал тебе в награду. Часть золотых бусинок ты решил пока припрятать, а с остальными снова сбежал на островок. Скажешь, нет? Лучше молчи! Я успел увидеть, как ты уплывал назад. Одного не пойму: как ты догадался, что, пока светит солнце, встречи со мной можно не опасаться?

– Нет, я этого не знал и не догадывался, – пробормотал Молчун.

Но думал он сейчас о другом: здесь вчера побывал Непоседа, и ему теперь совсем не хочется отвечать за него.

– Не знал! – засмеялся Светлоусый. – Так я тебе и поверил! Ты ведь, пока ночевал на островке, снова передумал. И, как видишь, не побоялся среди белого дня вернуться назад, за остальным золотом.

– А чего я должен здесь бояться, если я ни при чём? Раз золота нет – разговор окончен, и ваши слова просто выдумка. Я не знаю, кто взял ваше золото, а я ему не сторож. Я обещал его привезти – но не нашёл. Сейчас же я просто уйду своей дорогой, и видите сами: ухожу с пустыми руками.

– Говоришь – нечего бояться? – усмехнулся Светлоусый. – Да ты знаешь, глупец, что эти бусинки станут настоящим золотом только у того, кто получит их из моих рук? А украденные – они просто спалют огнём твои жадные пальцы.

Молчун вдруг заметил, что его противник стоит перед ним как будто слегка освещённый лёгкими отблесками света. Вокруг всё сильнее сгущалась темнота, но его лицо, волосы, вся одежда по-прежнему были видны так же отчётливо, как днём.

– Заметил? Тогда смотри, что будет дальше, если ты ещё не всё понял!

Вскинул обе руки Светлоусый – поднялись вдруг дыбом на голове его светлые волосы и ярче ночных звёзд сверкнули глаза, став на миг из голубых огненными. А Молчуну вдруг показалось, что не ночная прохлада его овеивает, а стоит он на самом солнцепёке.

– Догадался теперь, кто я? Нет тебе от меня дороги, ни днём, ни ночью. Хочешь пощады – рассказывай сейчас же всю правду. Без утайки.

И решил Молчун, что нужно ему во всём сознаться, рассказать также и обо всех своих догадках, хоть и придётся выдать при этом тяжкую вину Непоседы.

Светлоусый выслушал, кивая и усмехаясь в усы. Наконец взмахом руки он остановил Молчуна.

– Можешь радоваться. Хитроумие твоего шустрого брата спасло вас от большой беды. Спрятал бы он здесь всю корзину до единой бусинки – не видать бы вам больше ни солнца, ни светлого дня. Уже сегодня! Эх, как бы было прекрасно, если сейчас вместо тебя здесь оказался он. Да ещё вместе со всеми утаёнными бусинками!

Да, подумал Молчун, это было бы неплохо.

– Но ничего не поделаешь, придётся тебе послужить вместо него. Корзина ведь спрятана где-то здесь. Будешь её искать! И не уйдёшь, пока не найдёшь.

– Но ведь брат и сам может приплыть сюда. И тогда..

– Нет! – зло рассмеялся Светлоусый. – Он теперь наверняка уже знает, что сюда ему хода нет.

– Хорошо, – смиренно согласился Молчун. – Буду жить в вашем доме, целыми днями обшаривать все пещеры и пещерки и при каждом вашем возвращении докладывать вам..

– Не спеши. Ты, конечно, считаешь удрать уже завтра. Не выйдет!

Светлоусый задумался, потерев усы. И улыбнулся:

– Ты говорил, что заснул на островке. Ну вот, ты сам подсказал мне, как тебя удержать. Если уж проспал моё золото, то сон и будет твоим наказанием. Люди думают, что сном распоряжается ночь, и они сильно ошибаются. Ночь умеет только погружать в сон, но отгоняю его я – День! И ради твоих поисков я готов даже подарить тебе часть времени из принадлежащей мне половины.

Пробуждать я тебя буду не как всех. А лишь тогда, как подойдёт время моего ухода на покой. Ты будешь просыпаться, но я уже появлюсь в человеческом теле. А ночью ты непременно заснёшь, хотя бы на миг. И сразу очутишься в моей власти, потому что проснёшься только тогда, когда тебе позволю это я! – Довольный собой, День ткнул себя в грудь своим блеснувшим пальцем.

Значит, волей или неволей, но пришлось так и оставаться Молчуну на той стороне озера. И вышло в итоге, что ни один из братьев не оказался удачливей другого. Ведь с Молчуном произошло почти то же, что чуть раньше случилось и с Непоседой.

Непоседа же, как и было приказано Темноволосой, причалил на закате в своей лодке к уговоренному месту. У него был целый день, чтобы обдумать и понять, что же такое творится на берегах этого уединённого озера. Поэтому вместо приветствия он первым делом выпалил:

– Теперь я всё наконец понял. И знаю наверняка, кто ты. Ты – хозяйка ночи!

– Нет! Я и есть сама Ночь. Молчи, я знаю, что ты хочешь мне сказать. Но ведь это не я, а ты сам обрёк себя на такую жизнь. Теперь, пока при тебе золотые бусинки, ты не можешь с ними расстаться. Их даже нельзя выбросить, первая вспыхнет, вторая – спалит тебя. А первую ты уже бросил.

– И на сушу я могу теперь сходить с ними только ночью, – добавил сам Непоседа.

Темноволосая важно кивнула, потом внимательно посмотрела на Непоседу.

– Я могу сделать так, что ты сможешь проводить на берегу и часть дня. Но хорошенько подумай: обратного пути не будет.

– Да что тут думать?! – рассердился Непоседа. – Лучше уж что угодно, чем целый день болтаться на волнах в лодке.

Тем временем они уже дошли до чудесной пещеры, дневного пристанища Ночи. Темноволосая отомкнула сундук, достала из него своё синее покрывало.

– Собери все бусины до единой в две горсти, разожми пальцы и держи их на ладонях. Готов?

Ночь взмахнула над его головой синим покрывалом, накрыла Непоседу с головой и быстро сдёрнула покрывало. Бусины исчезли с ладоней парня, но они засверкали вокруг него золотыми искрами.

– Теперь ты можешь в конце ночи только отплывать на лодке и почти сразу спокойно возвращаться. А я стану уходить на отдых раньше. Незадолго до конца ночи ты будешь отплывать от берега и возвращаться, когда день полностью настанет. При тебе звёзды начнут гаснуть и взойдёт солнце. Но оно будет тебе больше не страшно, твои бусины стали светом ночных звёзд. Правда, и они прожгут тебя насквозь, если ты хотя бы раз забудешь проводить Ночь и встретить День.

Так с тех пор и повелось. Непоседа, который теперь получил имя – Утро, выплывает на своей лодке, встречает солнце и снова уходит отдыхать. А к концу дня на другом берегу от тяжёлого, затянувшегося сна пробуждается Молчун и бродит в поисках потерянной корзины с золотыми искрами, а вокруг него всё темнеет и темнеет. Он и сам уже порой не замечает, что давно пора прекратить поиски, дать покой себе и всем окружающим. И зовётся он теперь у людей просто – Вечер.

**Наталья
ПОТАПОВА**

ДВА РАССКАЗА

«ПАПА, ДАЙ КИСУ!»

В траве у забора кузнечики исполняли хвалебную песню уходящему июлю. Солнце отражалось в большой бочке, где жили рачки-бокоплавы, похожие на чёрные жирные запятые. Огромные сосны, растущие вокруг огорода, возомнили себя защитниками ясной погоды. Своими кронами они крепко держали малую отару белых облаков, не давая им вырваться и превратиться в чёрные тучи, грозящие ливнем.

Родители пятилетней Наташи проводили выходной у овдовевшей больше года назад папиной матери – бабушки Дуни. Они занялись делом: мама собирала чёрную смородину, а папа возился у колодца с насосом, переставшим качать воду.

А Наташа-«ураганчик», не получившая занятия по силам, пронеслась по дорожкам всего участка. В самых опасных местах она закрывала ладошкой нос, приговаривая: «Я – любопытная, но не Варвара!» В бочке устроила нешуточный шторм, чтобы бокоплавы не скучали. Кузнечики замерли и, наверное, решили тихо поучить ноты, пока девочка бегала среди зарослей травы.

Наташа зашла в дом и попросила:

– Бабушка, дай что-то поделаю, а? Я уже большая! Баба Саня мне всегда работать даёт!

– Ну что же, держи ножницы и сумку. Настриги аптечной ромашки. Поняла, какой? А вот тебе рукавицы. Если сможешь, нарви мне крапивы для бани.

Бабушка вернулась к приготовлению обеда, переживая: не рано ли внучке управляться с ножницами? Но, решив, что пора девочку приучать к серьёзному труду, помолилась и успокоилась.

Наташа стригла душистую ромашку, представляя, как приятно будет пахнуть в бане, какими шёлковыми станут бабушкины косы. Девочка была рада чем-то помочь, хотя эта баня ещё не успела стать ей знакомой. Когда отключали горячую воду,

-
- Наталья Васильевна Потапова живёт в Челябинске. По образованию – медсестра и психолог. Внешкор областной газеты «Милосердие и здоровье». Автор книги рассказов «Лекарство от боли». Стихи и проза публиковались в еженедельнике «Истоки», журналах «День и Ночь», «Простокваша», «Аврора»; звучали в передачах «Проликультур» на Литературном радио. Автор-финалист и призёр в номинации «Малая проза» литературных конкурсов «Комсомолу – 100!» (1-е место) и «Мгинские мосты-2020» (2-е место).

семья мылась в двух километрах отсюда – у бабы Сани. Внучку там иногда оставляли ночевать, а первую работу в огороде доверили в два года: поливать помидоры из синего ведёрочка.

Наташа росла открытой девочкой и бесхитростно тянулась к каждому родному человеку, но особенно – к папе. Он был для неё самым лучшим.

Всего час назад последнюю четверть пути папа нёс дочку на плечах, чтобы отдохнула. Взирая на лес с высоты, она чувствовала себя будто верхом на слоне.

Девочка знала, что отец радовался любой возможностью поиграть с ней, быть кем угодно: деревом, лошадкой или слоном.

...Наташа управилась с ромашкой, надела огромные рабочие рукавицы, подошла к забору и со всей мочи рванула стебель крапивы вверх. Он выдернулся, но девочка потеряла равновесие и упала в растущий рядом лопух. Что-то серое с утробным «мау» выскочило из зарослей и побежало к дому. Это была дикая, ручная лишь для бабушки, Мурка. Наташа узнала её и в ту же секунду захотела приласкать. (Из-за маминой аллергии на шерсть мечта девочки о питомце всё не сбывалась.)

Девочка встала на ноги и крикнула, показывая рукой, куда побежала кошка: «Папа, дай кису!» К счастью, отец уже поправил насос. Он осмотрелся и увидел Мурку на крыше. Папа проследил её путь к чердаку, приставил лестницу и полез по ней. Наташа подошла поближе и, болея за него, несколько минут напряжённо слушала разные восклицания и стук от падения досок, грабель и лопат. Наконец-то папа спустился и вручил дочке хвостатую дикарку.

Наташа держала в объятиях кошку, напоминающую сжатую пружину, и пыталась её гладить. Но не прошло и минуты, как пушистая пружина распрямилась и ускакала в кусты, а оттуда – на сосну.

Девочка подняла глаза на папу, который стоял рядом и с улыбкой наблюдал. Его лысина блестела от пота. Спортивные штаны собрали всю паутину с чердака, а белая майка стала серой. А главное – на правой руке чуть кровоточили царапины. Наташе стало жалко папу, потому что она понимала: царапины – это больно. А он не сердился на дочку, не ругал её, только спросил весело:

- Ну как, приручила кису?
- Не успела пока... Пойдём в дом? Руку мыть и зелёной мазать.
- Зелёной? Ух ты! Значит, стану я крокодилом...
- Мы будем играть по-новому? Здорово!.. Папуль, если тебе бабушка рукавицы даст, ты завтра Мурку поймашь, а?
- Посмотрю на твоё поведение.
- Я буду... как там... тише травы, ниже воды – слови её, а? Зато, когда вырасту большая, я тебе и маме сколько хочешь кошек поймаю, вот увидите!

ПЛЫВИ-ПЛЫВИ!

По субботам, в «бабушкин день», у меня гостит любимый внучок, без пяти минут школьник.

Для меня он и вправду ещё малыш, и я стараюсь ему рассказывать обыкновенные детские сказки, а он говорит:

– Бабушка! Да надоели уже эти сказки! Расскажи лучше про себя маленькую.

– Ну, слушай, милый. Скажешь потом, о чём эта байка.

Я хотела научиться плавать и в восемь лет пошла в бассейн вместе с классом. После трёх занятий я уже держалась на воде. Перестала бояться её.

– Покажи! – попросил внук.

И я села на корточки, обхватив колени руками. Потом выпрыгнула и задела макушкой серебристый дождик – новогоднее украшение потолка.

– Ух ты! А ну-ка, попробую! – воскликнул внучок и тут же постарался присесть и выпрыгнуть.

Я похвалила его и продолжила:

– На беду, я заболела, а когда поправилась, мама запретила ходить в бассейн. Одноклассники хвастались, что умеют плавать, а я завидовала.

Только к середине лета мама поддалась на мои просьбы: купила резиновый спасательный круг и, когда мы гостили у бабушки в посёлке, пошла со мной на водохранилище.

Я надела круг и сползла в воду с плотины далеко от берега. Холодно! Преодолела метров пять туда и обратно, мысленно подбадривая себя: «Плыви-плыви» – и вылезла на плотину.

На следующий день я упросила маму, и она опять сходила со мною, и плавание повторилось. Она стояла и обмахивалась газетой, как веером. Мне так было жалко маму, что я хотела и её затащить купаться.

Потом выходные закончились, и мама уехала домой: работать на заводе.

Я осталась помогать бабушке: полоть морковные грядки, собирать малину. Мне доверялось даже помешивать варенье! Но этого было мало.

Стояла жара, и я рвалась плавать. Бабушка не могла из-за больных ног далеко ходить и ласково ворчала: «Вот тебе бочка, и хоть не вылезай!» Но я хохотала в ответ и надувала круг. Наконец бабушка решила отпустить меня одну.

В тот момент я очумела от счастья и нечаянно уронила помытую посуду обратно в тазик. Чмокнула бабушку в щёку, схватила полотенце и выскочила за калитку, забыв спасательный круг.

Вскоре я радостно плюхнулась в воду и немножко поплавала по-собачьи. Стала вылезать. Не могу: сползаю обратно. Второй раз, третий – безуспешно. Что же случилось?

Я пощупала рукой бетон плотины: скользко! Это микроводоросли, их ещё не было три дня назад... А теперь вода зацвела!

В ужасе я оглядываю плотину: никого. Беру себя в руки и, расставив ноги как для подъёма в гору, «ёлочкой», пытаюсь ещё раз. Нет, слишком круто и скользко!

– И что ты? – широко раскрыв глаза и схватив меня за руку, спросил внук.

Я решила бороться за жизнь: выплыть на берег, до него метров двести. По-собачьи плыла, часто отдыхая на спине и глядя в небо. Я внушала себе: не сдаваться, потому что мои родители скоро станут старенькие, и мне нужно о них заботиться. «Плыви-плыви!» – заклинала себя.

Я одолела этот путь, шатаясь от усталости, вышла на берег, усыпанный бутылочными осколками, и побрела одеваться.

Меня не было дома больше двух часов, и бабушка не находила себе места.

Она расспрашивала, а я молчала – не хотелось её расстраивать. Потом придумала:

– Понимаешь, там мальчик купался со своими родителями с берега. И мне захотелось приплыть туда. А плавать толком не умею... Потому и долго...

В тот миг – на вершине вранья – я поняла, что мне поможет: взять в библиотеке самоучитель по плаванию и тренироваться.

...Через два года мне удалось проплыть вдоль всей плотины: два километра!

– Вот это да! – воскликнул внук. – Эта история про... уп...рямство? Не-э-э, упорство! Я тоже хочу в бассейн!

– Умница! – Я похвалила внука, обнимая его и поглаживая острые лопатки.

Светлана ПАНКРАТОВА

ЧУДО

Живут-поживают в нашем благословенном городе бабушка Люба и кошка Мурка. Хозяйку свою Мурка очень любит и постоянно на ласку напрашивается: гладь её по спинке, почёсывай ей шейку.

– Некогда мне, Мура, – ворчит старушка, – дел, глянь-ка, сколько! Моя жизнь – не твоя. Дрыхнешь целыми днями, а я-то...

Бабушка Люба гремит кастрюльками, стучит ножами-ложками, а кошка, свернувшись клубком, делает вид, что спит, мечтая, когда же наконец все дела закончатся.

На столике у окна, среди коробочек и склянок с лекарствами, стоит икона Богородицы. Бабушка Люба с Заступницей с утра до вечера разговаривает:

– Помоги, Богородица, до магазина (до аптеки, до почты) дойти! Помоги бельё перестирать, дай сил, Заступница! Нога болит, моченьки нет, исцели, Милостивая!

Много просьб у старого человека. Как-то раз очки бабушка битый час искала, наконец не выдержала:

– Богородица, помоги найти! Не вижу ведь ничего без них!

Плюхнулась на диван. Ба-а, а очки-то вон, возле машинки швейной стёклышками насмешливо поблёскивают.

Кто-то скажет, что совпадение, но бабушка Люба уверена: Богородица заставила изменить угол зрения.

А недавно тяжело болела Мурка. Нос горячий, уши – ещё горячее. Ласкаться – не ласкалась, от котлеток куриных отказывалась.

– Что с тобой, Мура? – печалилась старушка. – Врачи-то не на что вызвать, до пенсии-то ещё жить да жить, а до больницы-то далеко мне с тобой... Господи-Господи! Гляди

● Светлана Геннадиевна Панкратова родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.И. Белова, лауреат конкурса им. Ю.С. Самсонова (Иркутск). Публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Наш современник» и др.

не помри мне. Как я без тебя... Исцели её, Царица Небесная. Живая ведь душенька.

Жаловалась-жаловалась бабушка Люба и уснула, прижав к себе страдалицу. А когда проснулась, то обомлела.

Обессиленная Мура непонятно как поднялась, неизвестно как дошла до столика с лекарствами, неведомо каким образом запрыгнула на него и легла, уткнувшись головёнкой в икону Богородицы, передними лапками будто обнимая образ Пречистой.

– Мура Богоматери молится! – ахнула старушка. – Вот ведь! Видела, что я у Неё всё прошу, и сама решила попросить. Умница ты моя, догадалась... догадалась...

Хотите верьте, хотите нет, но потихоньку-полегоньку пошла Мурка на поправку, снова стала толстенькой и весёлой, и всё у них с бабушкой Любой теперь хорошо...

**Ольга
БЕЛОВА**

ЁЖ ФЁДОР

КОВАРНЫЙ МЁД

Жил в деревне Щербиновке дяденька-пчеловод. Звали его дядя Коля. У него было много пчёл и своя пасека. И когда дядя Коля качал мёд, все ребяташки, и деревенские, и приехавшие на каникулы, были тут как тут. Он угощал понемножку всех детей своим вкусным медком. Вот сбежались ребяташки за угощением, тянут руки за кусочком мёда в сотах, а соседский мальчик Вова ухмыляется:

– Вот ещё я буду понемножку есть, ночью залезу к нему на пасеку и наемся вдоволь.

– А пчёл не боишься? – спросили ребята.

– Нет, не боюсь, – грубо ответил Вовка.

Вовка был неплохой мальчик, но любил похулиганить и где-нибудь чего-нибудь да стащить. Маму слушался плоховато, а перед ребятами хотел выглядеть взрослым.

Ночью Вовка залез на пасеку, открыл крышку улья и схватил целую пластину сот с мёдом. Пчёлы зажужжали и облепили Вовкину голову и руки. Он отмахивался как мог и всё-таки сумел убежать вместе с мёдом.

Утром ребяташки собрались идти купаться на речку. Идут толпой, а навстречу им идёт какой-то непонятный человечек.

● Ольга Владимировна Белова родилась в 1963 году в г. Аткарске. Окончила торговый техникум по специальности «Товаровед». Автор книг «Дружочек», «Кукла Мая», «Добрые стихи», «Умная Жучка», «Хоровод сказок», «Добрые сказки».

- Кто это такой? – зашушукались девчонки.
Лицо и уши были распухшими и красными. Причём уши, и без того торчащие, казались больше головы.
– Ха, ха, ха, – засмеялись ребята, – да это же наш Вовка!
– Замолчите, мелюзга! – закричал грозно Вовка, а то получите в лоб.
Но из толпы вышла девочка Варя и сказала:
– Ты сам виноват, что тебя укусили пчёлы и теперь твоё лицо как надутый шарик.
– Хотим и смеёмся, – выкрикнул кто-то из ребят, – иди посмотришь на себя в зеркало и подумай: в следующий раз лучше украсть или спросить?

ЁЖ ФЁДОР

Этим летом две девочки, две сестрёнки, гостили на даче у бабушки с дедушкой. Старшую звали Лера, а младшую – Полина. Дача находится около леса и речки. Воздух свежий, поют птички, а вечером квакают лягушки. Красота!

Как-то вечером все собрались в беседке за ужином. Три стороны беседки были оплетены диким виноградом.

– Кушайте, пока шашлык горячий, – сказал дедушка Володя сестрёнкам, – только сначала дуйте, чтобы не обжечься.

Все начали есть, а младшая сестрёнка Полина всё время прислушивалась к шороху.

– Ешь, – сказала ей бабушка Галя, – это кошка, наверное, чья-нибудь бегаёт или ящерица ползает.

Но скоро шорох и возню услышали все, кто был в беседке.

– Это ёжик! – закричала Полина, обернувшись назад.

Она сидела на лавке и тут же спрыгнула с неё, обежала беседку, чтобы лучше разглядеть ежа. Лера пошла за ней.

– Бабуль, посмотри, какой он большой и не боится нас! – закричали девочки.

– Так он часто приходит к беседке, наверное, чует еду, – ответила бабушка.

– Я хочу его потрогать, – сказала Полина.

– Я хочу его подержать, – тут же заявила Лера.

Пока девочки бегали за корзиной для ежа, он сидел и фырчал. Сестрёнки упростили бабушку Галю, чтобы она достала ежа из-под винограда.

– Но только покормите его и отпустите! – строго наказала бабушка.

– Хорошо, хорошо, – согласились девочки.

Бабушка нагнулась через лавку, взяла в руки ежа и повисла на этой лавке, потому что руки у неё были заняты ежом, а ноги поднялись от земли кверху. Дедушка Володя смеялся. Девчонки подбежали сзади и вытащили бабушку вместе с ежом. Они посадили его в большую корзину. Налили ему молока, и он лакал смешно и громко. Потом положили ему в корзину два кусочка шашлык, и он тоже его съел.

– Какой он смешной и толстый, – сказала Лера.

– Давай назовём его Федей, – предложила Полина, – ёж Фёдор, – повторила она.

– Ваш Феда не добежит до леса, – засмеялся дедушка, – зачем вы дали ему и молока, и мяса сразу?

Немного погодя девочки выпустили ежа, и он медленно пошёл в сторону кустарника.

Почти каждый вечер ёж Фёдор приходил, чтобы покушать, и нисколько не боялся людей. А потом как будто пропал. Сестрёнки его искали и звали по вечерам: «Федя, иди кушать!» – но его нигде не было.

Прошло какое-то время. Вечером за ужином Полина закричала:

– Наш Фёдор пришёл, я слышу его шебуршание!

Все встали из-за стола и пошли посмотреть, в чём дело. Ёж Федя шёл к беседке, перебирая лапками, а за ним – маленькие комочки-ежата, их было три.

– Бабуля, это же наш Фёдор! – кричали девочки.

– Да, похоже, это Федора была, а не Фёдор. И у Федоры родились ежата.

– Идите кормить своих питомцев, – сказал дедушка, – она не зря их привела к вам. Вот вам и Фёдор... – продолжал рассуждать дедушка.

Девочки прыгали от радости. Каждый вечер они кормили ежат и каждый день ждали встречи с ними. Радости не было предела. Девочки строили планы уже на будущий год. Кто знает, может, на следующее лето они снова встретятся. Сестрёнки этого очень хотят!

ГУСЬ-ЗАБИЯКА

У бабушки с дедушкой гостила на каникулах внучка. Пошли они на речку с подружкой искупаться. Идут по дорожке, а навстречу им стадо гусей. Гогочут: «Га-га-га». И один гусь бежит прямо на девочек. Крылья растопырил, шею вытянул и шипит как змея: «Ши-и-ши». Девочки закричали от страха: «Ай-ай-ай» – и бежать. А гусь догоняет и за пятки щиплет.

Прибежали они домой и говорят дедушке: «Дедуля, там гусь на нас кидается, все пятки исщипал!» Дед брови нахмурил и отвечает: «Возьмите хворостинку и хлыстните его, он не будет больше щипаться». Вот взяли подружки хворостинку и пошли на речку, а гусь опять крылья раскурышил и гогочет: «Га-га-га, не пушу!»

Шла мимо тётянька и говорит: «Девочки, а вы не пробовали по-хорошему с гусем разговаривать? Возьмите и киньте ему хлебушка, гусь будет собирать крошки, а вы пройдёте. Он бросается на всех потому, что в него мальчишки камнями кидались», – рассказала тётянька.

На следующий день девочки взяли с собой по кусочку хлебушка и пошли на речку. Гуси спали под лопухами. Гусак увидел детей и зашипел на них. Девочки начали крошить и бросать ему хлеб. Гусь стал гоготать и звать гусей: «Га-га-га, идите клевать хлеб». Птицы занялись своим делом, а девочки тем временем убежали купаться.

А когда шли с речки домой, накидали гусям кувшинок. ««Гуси, гуси, идите ешьте, мы вам кувшинок нарвали!» – кричали девочки. И гуси с удовольствием разрывали растения и клевали. «Ой, как вкусно!» – гоготала гусыня. «Да, да, да», – согласились остальные гуси.

На следующий день у бабушки с дедушкой из сарая выскочили поросята и побежали по деревне. Дед кричал: «Внучки, скорее бегите и верните свинок!» Девчонки уже устали за ними бегать, как вдруг дорогу поросятам перегородили гуси. Они растопырили крылья и загоготали: «Га, га, га – бегите обратно в сарай, а то мы вас заключаём!» Поросята остановились, похрюкали и пустились обратно, а гуси их подгоняли сзади. «Вот так гуси! Молодцы!» – сказала соседка. Вы к ним с добром – и они вам помогли. С тех пор гуси и девочки не ссорятся и друг другу помогают.

**Елена
Лялина**

САРАТОВСКИЕ СКАЗКИ

ЛЕТАЮЩИЙ БАЙКЕР

После войны это было. Нынешние байкеры ещё на свет не появились.

В одном посёлке под Саратовом жил парнишка, у которого руки росли откуда надо. После семилетки сразу в колхоз пошёл работать на тракторе. Так в технике разбирался, что любую неполадку быстро находил и исправлял, за что все его очень уважали – таких специалистов после войны было не найти.

И любил парень скорость, но ведь на тракторе не разгонишься, да и были трактора на железных колёсах, без рессор. Зато были мотоциклы, в том числе трофейные, с коляской.

Часто ломались мотоциклы, и этот мастер их чинил. А одно-временно и себе начал собирать. И какие только запчасти он не собирал: и от мотоцикла, и от трактора, и даже те, что выпали с пролетающего самолёта – «кукурузника».

Когда же всё собрал, народ пришёл посмотреть на первый выезд. Некоторые даже пари заключали: поедет – не поедет.

И вот мастер в клубах сизого дыма вылетает из гаража, развивая невиданную скорость, а местами взлетает над дорогой (запчасти от самолёта не зря же приспособлены!).

Говорят, он даже через реку перелетал – не через Волгу, конечно, а поменьше – Хопёр или Медведицу. Гремел этот мотоцикл страшно, от такого шума куры забивались под заборы и яйца переставали нести, а у коров молоко пропадало. Бабы возмущались, и этот байкер отгонял свой мотоцикл в поле и уже там разгонялся.

Заметка прошла о чудо-мотоцикле в районной газете, а потом и в областной. И пригласили нашего парнишку в Москву – в кино. Он каскадёром стал и чудо-технику для кино ремонтирует.

-
- Елена Гильбертовна Лялина родилась в 1958 в с. Колдыбанка (ныне – п. Красноармейский) Куйбышевской области. Окончила Саратовский медицинский институт. Посещала изостудию в ДК Техстекла. Училась у известного художника – врача М.Г. Вартаняна. В 1983 году получила диплом врача и уехала работать в Фёдоровский район, а позже в Саратовский район. В 1996–1997 годах работала на «Славия-видео». Автор 30 персональных выставок в музеях, галереях и выставочных залах Саратова, Энгельса, Москвы, Самары и Чебоксар. В большинстве музеев, где были выставки, есть картины художницы. Картины Е.Г. Лялиной есть в коллекциях О. Табакова, Ю. Куклачёва, Э. Успенского, Т. Устиновой, барда Леонида Сергеева, у многих известных саратовцев. В настоящее время заведует кабинетом традиционной медицины в поликлинике железнодорожников.

САРАТОВСКИЕ ВОДОХЛЁБЫ

Саратовские водохлёбы – самые водохлёбные в мире, потому как живут на Волге.

Традиции нашего водохлёбства такие давние, что деды дедов не могут вспомнить, когда всё началось.

Говорят, в самую жару, когда и муха не летает – запекается на лету, а яйца в гнёздах на солнце сворачиваются всмятку, наши водохлёбы все как есть идут к Волге.

Столы дубовые из домов тащат и в Волге расставляют. На столах – снедь всякая, чтобы хватило на завтрак, обед, полдник и ужин.

И располагаются наши водохлёбы всем своим семейством вокруг: жёны-мужья, тётки-дядьки, детки с няньками, дедушки-бабушки. Все по шею в воде, все довольны и сыты, и купание идёт. А ежели маковку кому припекло или осоловел от обильного кушанья, того очень просто в чувства привести – нужно только в Волгу с головой окунуть. Сразу у сердешного и глазки откроются, и в чувство придёт, и снова чаю попросит. А уж в питье чая у саратовских водохлёбов равных нет. Когда в самоварах и чайниках вода кончается, черпают прямо из Волги. Черпают и выпивают воды столько, что мелеют лиманы, заливы, озёрки и сама Волга. Только подумайте, сколько воды нужно на такую ораву, ведь саратовские водохлёбы со столами и семьями всю Волгу занимают – до самого горизонта. И если вам скажут, что Волга в жару сама пересыхает или на полив много уходит, не верьте – всё водохлёбы наши выпивают. И до того доходит: на дне уже и рыбу видно, и русалок, и водяных.

Так саратовские водохлёбы и этой компании рады – рыбок со стола кормят, а русалок с водяными обязательно к столу приглашают: как же хозяев Волги да не пригласить!

К вечеру, как жара спадает, наши водохлёбы со столами и семьями начинают из Волги выходить – кто домой отправляется, а кто так на берегу и заночует. Волжская водица нашим саратовцам особый облик придаёт, да вы сразу их узнаете: светлые, добрые, хлебосольные. И обязательно с собой волжскую воду носят, как без неё, родной!

МАША И ЦАРЕВНА МУРКА

Маша возвращалась из школы. У двери своего подъезда она увидела истощённую, маленькую, жалобно мяукающую кошку.

Что делать? Надо посоветоваться с сестрой Настей.

Сестра Маши была постарше и уже помогала в приюте для бездомных животных.

К счастью, она была дома. Девочки вместе искупали найдёныша, промыли больные глазки, напоили молоком... И увидели перед собой настоящую красавицу – рыжую пушистую кошку с большими голубыми глазами.

Вечером Маша делала уроки и вдруг услышала, что её кто-то зовёт тоненьким голосом. Девочка оглянулась: никого, кроме рыжей кошки, в комнате не было. И именно Мурка (так её решили назвать сёстры) звала Машу.

Этого просто не может быть, чтобы кошка заговорила человеческим языком! Всё ещё не веря себе, Маша прислушалась. И услышала невероятную историю. Оказалось, что Мурка не простая кошка, а царевна – дочь царя Котофея.

Жила она себе в кошачьем царстве с мамками и няньками и горя не знала. Её, конечно, предупреждали, что за границы царства выходить нельзя. Но Мурке так хотелось узнать, что же там, за пределами кошачьего царства!

И вот однажды, когда мамки и няньки отвлеклись от неё, царевна сбежала...

Она потерялась в чужом мире и никак не могла найти дорогу домой. Мурка замёрзла, проголодалась и уже не надеялась вернуться в своё царство. Тут её и нашла Маша.

Чем же помочь тебе, Мурка? Надо просто найти тот неприметный вход в кошачье царство. Если бы рыжая царевна его увидела, то сразу бы узнала. Девочка взяла Мурку на руки и вышла на улицу. Они обходили вокруг каждого дома.

Уже было поздно, и пора возвращаться. Но вдруг Мурка вырвалась из рук Маши и побежала к ободранной двери – она из многих дверей узнала ту самую!

Дверь была не заперта. Маша толкнула её, и они с Муркой начали медленно пробираться по тёмному коридору, причём кошка уверенно бежала впереди, показывая дорогу. И когда в конце длинного коридора открылась ещё одна дверь, они увидели настоящее кошачье царство.

Это был целый старинный город, залитый светом. В нём были и дома, и деревья на улицах. Были открыты магазины, ходил транспорт... Но жителями этого города были только кошки. Они ходили на задних лапках и были одеты в старинные платья.

Маша и Мурка ещё и шагу не успели сделать, как их окружили разноцветные кошки в чепчиках и кружевных юбках – мамки и няньки рыжей царевны. Все они были в неопишуемой радости – ведь царевна нашлась! Толпой, обнимая свою любимицу и причитая, все отправились во дворец царя Котофея. По дороге к ним радостно присоединялись всё новые жители царства, так что ко дворцу прибыла большая пушистая стая котов, кошек и котят.

Навстречу вышел сам царь Котофей.

Машу и царевну Мурку провели во дворец. Их снова и снова просили рассказывать всё сначала: как потерялась, как нашлась царевна. Потом был пир на весь кошачий мир.

Маша начала собираться домой: уже поздно, дома волнуются за неё.

Царь Котофей, не спускавший счастливых глаз с любимой дочки Мурки, подал знак чёрному коту-казначею. И тут же на столе перед Машей появился золотой ларец.

Чёрный казначей показал потайную кнопку на ларце. Маша нажала на кнопку – и ларец со звоном открылся. Золото, жемчуга, самоцветные камни заполняли ларец под самую крышку.

Котофей подтвердил: да, это всё тебе, добрая девочка Маша. Если бы не ты, наша Мурка погибла бы.

Семья Маши жила очень скромно, таких драгоценностей у них никогда не было. Мама много работала, и всё-таки её зарплаты на всё не хватало.

Девочка подумала, что золотой ларец они откроют дома и вместе обсудят, как правильно потратить этот бесценный подарок (ей даже в голову не могло прийти спрятать золото и одной всем владеть).

Одно Маша знала точно: часть драгоценностей они потратят, чтобы купить еду в приют для бездомных животных Сестра Настя, которая помогает в этом приюте, часто рассказывала, как остро там нуждаются в любой помощи.

Но это уже будет совсем другая история. И, может быть, о девочке Маше, помогающей приюту, мы ещё узнаем из «Новостей».

МЕДВЕЖОНОК МИХАЛ МИХАЛЫЧ

Этому медвежонку не повезло с самого начала. Он никак не мог понять, почему оказался один в лесу, на снегу. Только вчера он был в родной берлоге, грелся о тёплый бок своей матери, и мать медведица кормила его таким вкусным своим молоком.

Мальш проваливался в снег, замерзал и плакал. Так бы и погиб медвежонок, если бы его случайно не нашёл лесник.

Большой, добрый, бородатый лесник обходил своё лесничество с собакой и нашёл маленького медвежонка. Положил к себе за пазуху, отогрел и принёс домой. А уж здесь, в лесной избушке о малыше позаботилась лесничиха. Напоила его молоком из бутылочки и положила греться к тёплой печке. Назвали лесничие медвежонка Мишей, так он у них и прижился. А когда вырос – поселился в лесу и зажил уже своей взрослой медвежьей жизнью.

К семье лесничих Миша привязался как к родным и очень любил приходить к ним в гости.

Уже взрослый медведь, и не Миша, а Михал Михалыч. Огромный, с трудом проходит в дверь домика лесничего. Лесничиха радуется, хочет поцеловать выросшего медвежонка, а уже и достать до него не может. Михал Михалыч встаёт на все четыре лапы – и только тогда лесничиха может достать до его мохнатой щёчки. А гость с подарками приходит: то малину лесную принесёт, то рыбы наловит в речке.

Лесник самовар ставит, лесничиха пироги к чаю на стол выкладывает. Сажает гостя на его любимую табуретку к столу, а гость стал таким огромным, что никакое сиденье ему уже не подходит. Тогда лесничиха догадалась принести свою большую подушку, на ней Михал Михалыч и разместился у стола.

Над столом деревянные птицы счастья висят, на стенах избушки травы сушатся. Самовар теплом пышет, лесничие со своим огромным гостем чай пьют и все вспоминают, каким малышом он к ним в дом попал.

**Мария
ЗНОБИЩЕВА**

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ ТАМАРЫ МИХЕЕВОЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОВЕСТИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ О ДРУЖБЕ, ДОБРОТЕ И НАДЕЖДЕ

Тамара Михеева справедливо считается одним из лучших детских авторов современности. Почти каждая её книга отмечена литературными наградами. Почётные звания присуждают взрослые, однако самая дорогая награда для детского писателя – это признание ребят. А книги Тамары Михеевой юные читатели любят. Предлагаем обзор лучших произведений автора, написанных для детей 10–16 лет.

НЕ ПРЕДАВАЙ МЕНЯ!

Тамара Михеева – один из лучших современных авторов, пишущих для подростков. Обычно её главные герои – девочки, девушки, но назвать книги Михеевой романами для девочек – просто-напросто слукавить. Истории их жизни и взросления гораздо глубже и полнее любимых девчонками книжек в розовых обложках. Вместе с героинями Тамары Михеевой переживаешь непростую, полную обид, разочарований, внезапных радостей и открытий жизнь, всегда яркую, всегда неожиданную!

В книге «Не предавай меня!» речь идёт об аутсайдерах. Такой ярлычок приклеивает школьный психолог Юльке Озарёнок после серии тестирований, проведённых в классе. Никто не указал имя Юли в списке тех, кого хотелось бы пригласить на свой день рождения. Юлька ошарашена «диагнозом»: она всегда счи-

-
- Мария Игоревна Знобищева родилась в 1987 году в Тамбове. Окончила институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, защитила кандидатскую диссертацию «Гоголь в художественном сознании Есенина: философия и поэтика русского пространства». В 2005, 2008, 2012 и 2015 годах участвовала в форумах молодых писателей в Липках и Звенигороде (семинар журнала «Наш современник»). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Вертикаль», «Введенская сторона», «Волга–XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Веретено», в интернет-журнале «Молоко», в «Литературной газете», в «Роман-газете» и других изданиях. Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, литературной премии имени Ю.П. Кузнецова журнала «Наш современник», литературной премии «В поисках правды и справедливости». Работала в школе, университете. В настоящее время руководит Центром творческого развития детей «Мир слова» при Центральной детской библиотеке им. С.Я. Маршака г. Тамбова.

тала себя самой обычной девчонкой, не замечала собственной изолированности и, главное, верила, что лучшая подруга Аня точно никогда её не предаст. Страшное слово «аутсайдер» нависает над Юлькой как грозовая туча, и мир начинает медленно рушиться.

Со второго класса Озарёнок влюблена в одноклассника Артёма. Его да ещё красавицу класса Алису Лапша, по прозвищу Лапочка, назвали абсолютными лидерами. Теперь Юлке кажется, что это справедливо, ведь сама она «аутсайдер». Она не завидует, не лжёт, ни о ком не говорит плохого, а просто и честно живёт свою жизнь – не похожую, правда, на привычную жизнь девчонки. Для Юльки важно внутреннее, а не внешнее: она не следит за модой, ходит в художественную школу, где часами может думать о чём-то своём, набрасывая эскизы деревьев, ведёт дневник, не боится думать и поступать не так, как другие. Отправляясь в поход с мальчишками, поначалу стеснявшаяся, Юлька вдруг понимает, как ей просто с ними: честными и настоящими. Среди девчонок, в королевской свите Алисы, нет места искренности. Все привыкли обсуждать друг друга, лгать, изворачиваться, льстить, притворяться.

Казалось бы, мальчишечий и девчоночий миры могли бы существовать параллельно (до недавних пор в классе так и было), но Юлька и Артём, решившие сделать шаг навстречу друг другу, вскоре начинают приковывать к себе внимание остальных. Кроме того, Алиса, влюблённая в десятиклассника Вершинина, вдруг начинает ревновать Артёма к Юлке и решает превратить Юлькину жизнь в ад, что получается у неё весьма виртуозно.

Непросто разобраться в ситуации, когда ты кругом опутан раскинутыми сетями. И жизнь кажется Юлке неизбежной цепью предательств. Но Юлька не одна, и люди, которым она дорога, помогают ей узнать правду. Как в сказке, злые герои получают наказание, а добрые – награду. Выяснив отношения с подругой, Озарёнок узнаёт, почему Аня не указала её имя в тесте, и понимает, что прозвище «аутсайдер» было «технической ошибкой» – ошибкой, чуть не искалечившей её жизнь.

Книга «Не предавай меня!» не только о дружеских предательствах и любовных изменах. Она ещё и о ярлыках, поведенческих моделях и сложившихся стереотипах, о перегибах так называемой «системы», готовой перемалывать и перерабатывать всё живое и оригинальное на свой однообразный, бесформенный манер. Противоядие – только любовь. Единственный рецепт и для родителей, и для учителей, и для всех без исключения людей.

АСИНО ЛЕТО

Наверное, все вы читали книгу о Гарри Поттере? С увлечением погружались в мир волшебников и мечтали хотя бы раз оказаться в школе «Хогвартс», полетать на метле, произнести магическое заклинание, примерить мантию, завести почтовую сову? Но, оказывается, волшебником можно не только родиться – волшебником можно стать. И для этого не нужно проникать в магические порталы, садиться в специальный поезд – волшебство всегда рядом с нами, и зависит оно только от способности творить чудеса.

Если представить себе, что всё лето – все вечерние костры с друзьями, все купания в ласковой речке, все клеверные поляны, все сказки ночных сверчков – всё это короткое счастье уместилось в одной книге, то, наверное, вам захотелось бы увидеть такую книгу поскорее. Спрятаться с ней где-нибудь в тени густого сада, прижать к сердцу, пережить вместе с героями их

удивительную летнюю жизнь, а потом в непогожий зимний вечер, истосковавшись по теплу, вернуться в этот сказочный и неповторимый мир.

Ура! Такая книга есть. Это книга Тамары Михеевой «Асино лето». Сюжет её прост. Девочка с необычным именем Прасковья (можно просто Ася) попадает в летний лагерь «Светлячок», где поначалу не может подружиться с ребятами. Не почему-либо, а просто из-за того, что девочка она необычная. В чём эта необычность – понятно не сразу. В толстой ли косе до пояса, в том ли, что Асе трудно жить по режиму, ходить вместе со всеми на дискотеки и говорить о нарядах, но, так или иначе, волшебство само открывается ей и забирает в свой удивительный мир.

Рано утром Асю зовут на прогулку гномы. Оказывается, они давным-давно живут в лагере, но показываются не всем, а только тем, кто сердцем готов к этой встрече. Обыкновенный летний лагерь становится настоящим заповедником сказок. Здесь есть и Водяной с Русалкой, и Грозовой Человек, и Белый Монах, и гномы, и чумсики, и маленькие феи. Герои страшилок и таинственных преданий лагерного фольклора, ветерки, живущие на веранде, «проклятая герань» на подоконнике палаты, солнечные зайчики в траве и листьях – каждый сантиметр детского мира наполнен жизнью.

Вы когда-нибудь добывали живую воду? Видели шаровую молнию? Были на балу у фей? Пробовали уменьшительный мёд? Нет?! Тогда эту книгу нужно прочесть обязательно.

Правда, книга эта не только о радости. Одному из ребят из Асиного отряда грозит нешуточная опасность. И чтобы спасти его, Прасковье придётся навсегда попрощаться со своими страхами, а ещё отдать кое-что очень ценное ради спасения друга. Конечно, она не справилась бы с этой задачей одна, но доброму сердцу помогает весь мир: так всегда бывает – и в сказках, и в жизни. На помощь приходят и сказочные обитатели леса, и ребята из отряда, наконец-то почувствовавшие, как интересно дружить и работать с Асей, и вожатые, и даже сам директор. Приключения складываются в разноцветную мозаику лета, но вся его красота и радость бессмысленны, если ты живёшь только для себя. Счастье – это когда тебе ничего-ничего не жалко для того, кому это очень нужно. И Прасковья Шустова знает теперь, что такое любовь и дружба.

Из лагеря девочка вернётся совсем другой – взрослой и сильной, сотворившей Чудо. Без помощи волшебных палочек и заклинаний она станет волшебницей. Может, для того и даётся нам лето, чтобы стать мудрее на целую жизнь?

ДЕТИ ДЕЛЬФИНОВ

Дети дельфинов – пожалуй, самая невероятная из книг Тамары Михеевой. Выдумка и реальность, всегда, как и бывает это в душе ребёнка, тесно переплетающиеся в сюжетной ткани её повестей и романов, здесь обретают яркую образную плоть и потрясают совершенно немыслимыми приключениями. Свежая, лучистая и первобытная по градусу заложённой в ней радости, книга «Дети дельфинов» заставляет улыбнуться даже скептиков.

К тому же едва ли не первый раз повествование ведётся от лица мальчишки. Главный герой – Серёжа Лист – единственный ребёнок на Лысом острове, он родился в семье учёных, исследующих дельфинов. Кроме Серёжиных родителей на острове живут другие коллеги-исследователи. В этом посёлке все давным-давно породнились, все знают друг друга, привыкли

жить просто и честно, как в каком-нибудь древнем разумно устроенном племени.

Привычная поселковая жизнь (хотя для среднерусского читателя уже одно только описание Серёжиных будней – чистая экзотика) заканчивается с приездом на остров брата и сестры Осташкиных. Наступает время приключений. Лысый остров бережно и осторожно начинает доверять свои тайны детям. Сначала Максим Осташкин открывает новый биологический вид. Затем у ребят появляются загадочные чертежи самолёта. И вот... они узнают о существовании другой цивилизации. Оказывается, в сердце леса до сих пор живёт племя коренных поселенцев острова, и оно связано с жизнью Посёлка гораздо крепче, чем может показаться на первый взгляд.

Всё там другое: другие ценности, другая красота. И слова весят больше, чем в мире новых людей. И поступки совершаются прочно: раз и навсегда. И вера их – хоть о них и скажут: «язычники» – проста и совершенна: за добро воздай добром, не обижай слабых, помни истоки. Этой правде учит людей сама природа, которая, как всегда у Тамары Михеевой, живёт полной и богатой жизнью. Вольное море и песчаные холмы, деревья, с которыми можно договориться, живые, тёплые камни и, конечно, дельфины! Роська и Максим Осташкины, Серёжа Лист и их новый друг особенно чутки к этому миру – только поэтому остров принимает их так доверчиво.

В книге разыгрывается своеобразный детский вариант «Аватара». неизбежно сталкиваются мир техники и мир природы. В образе гения-злодея выступает умный и амбициозный молодой исследователь Игорь. Но автор сознательно не противопоставляет друг другу науку и природу. Хорошо знакомая с честной, почти аскетической жизнью настоящих учёных, Тамара Михеева убеждена, что предназначение науки не в разрушении природы и грубом её использовании, а в стремлении помочь, уберечь, спасти.

Вот почему символичным оказывается финал повествования, почти фантастический и прошитый такими плотными нитями радости, что в торжестве победившего добра не приходится сомневаться. Детство – это территория роста. Тамара Михеева никогда не забывает напомнить об этом. Любить и ненавидеть, делать выбор и принимать решения, нести ответственность и платить за свои ошибки нужно каждый миг жизни и прямо сейчас, потому что все мы дети Солнца и Дождя, дети мудрых и красивых людей, Дети Дельфинов.

КОГДА МЫ ОСТАЁМСЯ ОДНИ

Главные герои книг Тамары Михеевой – яркие, необычные девчонки и мальчишки, которым жизненно необходимо понять что-то важное о мире, найти себя. В чудесной книге «Асино лето», рассказывающей о приключениях Прасковьи Шустовой в летнем лагере, речь идёт о девочке, только-только переставшей играть в «секретики» в песочницах. А вот книга «Когда мы остаёмся одни» написана для подростков, и читатель взрослеет в ней вместе с пятнадцатилетней Яной.

Как найти себя, когда у тебя отнято всё, когда тебя, точно растение, вырвали и пересадили в новую почву? Как отличить настоящее от случайного, поддельного, и как далека влюблённость от настоящей любви? После развода родителей Янка вместе с мамой и младшим братом Ростиком переезжает в Крым, к бабушке и дедушке, у которых раньше гостила только летом. Казалось бы, всё не так плохо: теперь море и горы всегда будут рядом

и можно начинать новую интересную жизнь. Но привычная жизнь летнего Посёлка меняется с наступлением осени. Остались в прошлом прежние школьные друзья, лучшая подруга, мальчик, без которого жизнь ещё недавно казалась невозможной, дом с его привычным укладом, а главное, собственной комнатой. Теперь Янку ждёт непростая взрослая жизнь, в которой нужно работать после школы, чтобы помочь маме, находить общий язык с ребятами из новой школы, бороться за свою свободу и право называться взрослой, избывать тоску по отцу и оставаться при этом гордой. А сердце живёт так, как ему и положено жить в пятнадцать лет: сладким ожиданием чуда, предчувствием его. И романтический герой, ворвавшийся в Янкину жизнь, как первое искушение, на какое-то время заслоняет от неё весь мир...

Как это часто бывает в книгах Михеевой, в жизни героев происходит испытание. Случается трагедия в задавленном нуждой большом украинском семействе. И то, чего ещё вчера Янка бы просто не заметила, становится для неё смыслом жизни. Настоящее ощущается ясно и зримо, как морские камешки, выброшенные на мокрый песок, и Янка начинает Жить. Жить не по школьным звонкам и распорядку, установленному мамой, а по законам совести, подсказке сердца.

Удивителен каждый герой книги. Это и мальчик-подросток, который берёт на себя ответственность за целую семью, и местный красавчик с навязчивыми приятелями, умеющими сделать так, чтобы жизнь казалась почти невыносимой, и лесничий из заповедника, мудрый и добрый, как сама природа, и кроткая девушка Даша, готовая простить всё, даже нелюбовь и предательство, и маленькая художница Анюта, и многие-многие другие.

Свобода, за которую борется каждый подросток, тяжела сама по себе. Трудно прожить без друзей, привязанностей, сохранить при этом независимость и достоинство. Трудно не упустить самых близких, когда отчаянно ищешь себя. Янка понимает, что взрослыми нас делает не бунт, не протест, а осознанный выбор в пользу чего-то действительно важного: настоящего чувства, самостоятельно и серьёзно выбранной профессии, возможности помогать людям. Когда мы остаёмся одни? Когда не видим и не слышим никого, кроме себя. Когда нам не хватает сил? Когда мы ничего не делаем для других. Добро приходит только к тем, кому оно необходимо для дела, главного дела. А искать это дело и трудно, и просто – но всегда увлекательно.

ЛЁГКИЕ ГОРЫ

Герои Тамары Михеевой растут и взрослеют на фоне вечности. В книге «Когда мы остаёмся одни» таким фоном становится море, в «Лёгких Горах» – горы. Незыблемые как любовь и боль, доброта и сила, они принимают не каждого, но уж если принимают, то навсегда.

Горы, но – Лёгкие. Почему? Нелёгко любой подъём, любое восхождение. Трудно и больно – расти.

Что же делает горы лёгкими? Дом, семья, дружба, вера в людей, живущих по законам совести, рядом с природой.

Эта книга для детей и взрослых, не растерявших веру друг в друга.

Как ребёнку, взятому из детского дома, уже потерявшему однажды родителей, вжиться в новый мир? Как поверить, что его больше не предадут, не бросят, не разлюбят? Как окунуться с головой в горькое, родное и бесконечное слово «мама»?

Как не растерять родителям простую и главную способность любить? Как не сделать ребёнку больно и сохранить при этом себя, надежду на личное счастье?

Динка приезжает в Лёгкие Горы к бабушке, и ей открывается их суровая красота, так похожая на всю бабушкину жизнь – непростую, сдержанную и прекрасную. «Бабушка Тася неслышно подошла сзади, положила Динке руки на плечи, и Динка услышала, как бьётся ей в голову бабушкино сердце». Всё особенное в Лёгких Горах: и живые сосны-сестрички, к тёплым бокам которых можно прислониться и стоять так долго-долго, и чудесный Юрась, и дядя Саша, и хранитель здешних мест дед Телятьев.

Дома сложнее: не все принимают Динку безоговорочно, не все могут полюбить сразу и навсегда. Мир каждого героя неповторим, как это всегда бывает в книгах Тамары Михеевой. Сюжетная линия не уведит слишком далеко и от других детей, учит принимать их, разных и не всегда открытых для беседы, не осуждая. Если мальчик сидит, не отрываясь от фотоаппарата и планшета, это ещё не значит, что он «пропащий». Может, так подрастает талантливый фотограф, а в его комнате – новый мир, увиденный через объектив. И такой мир живёт в душе каждого ребёнка, а взрослым просто некогда, всегда некогда это заметить. Но стоит тронуть рукой паутинку настроенности – и родится чудо: оживёт старая кукла мамы, вырастут на месте срубленных новые деревья, не останется без помощи старый, больной, одинокий, слабый. А ещё эта книга – о доброте. О тёплых бабушкиных руках, отдающих внучке последнюю конфету, о ни с чем не сравнимом запахе мамы, о мальчике, готовом взять на себя чужую вину, об играх в куклы всем подъездом, о тех домах и дворах, где люди не боятся друг друга, о мире природы, ранимом и бережном, исцеляющем и вечном. Хотите отогреться сердцем? Отправляйтесь в Лёгкие Горы вместе с писательницей Тамарой Михеевой!

ЮРКИНЫ БУМЕРАНГИ

Юрка думает, что Бумеранги – это лошади. «Они живут на одном мысе, едят жёлтую траву, а на закате смотрят печальными глазами на море». В том тайном уголке души, который есть у каждого ребёнка и в котором обитают нездешние птицы, шумят парусами корабли, прячутся в горных пещерах сокровища, Юрка бережно любит ими – такими не похожими на однообразный мир города, куда его перевозят из деревни. Маме всё время некогда, она чего-то ждёт и пишет на Север письма – папе. Сложно понять, что волшебней: папа или Бумеранги. И вот однажды папа возвращается, он привозит Юрке настоящий бумеранг – деревянную дощечку, которая всегда прилетает к тому, кто её запустил. Мамины счастливые глаза, парк и качели, чай с конфетами – чего же ещё желать: папа вернулся! Но Юрка рыдает в подушку, потому что Бумеранги – это не лошади. И тут папа обнимает Юрку за плечи и рассказывает о них – точь-в-точь так, как представлял себе Юрка.

Рассказ заканчивается словами: «Взрослые многого не знают. Вот и называют вещи не своими именами. Странные люди эти взрослые. Но не все – Юрка теперь это понимал.

Некоторые знают Бумерангов, грустят о море и пишут письма на Север, чтобы однажды дожждаться чьего-то возвращения...»

К этим чудесным «некоторым» и принадлежит писатель Тамара Михеева. Все её книги – это удивительный перевод с детского на взрослый и обрат-

но. Возникает ощущение, что мир детства так и остался в ней навсегда. Она, к примеру, знает, как сделать так, чтобы не бояться – ни шипящих гусей, ни озёрных омутов. И ещё она знает, как обидно, когда ты уже большой, а тебя считают маленьким. Или – когда ты девчонка, и ноги сами несут тебя вперёд по незнакомым улицам, чтобы ты вдруг обнаружила волшебный заброшенный дом или встретила самого лучшего на свете мальчишку.

В книгу «Юркины Бумеранги», ставшую победителем Первого Международного конкурса имени Сергея Михалкова, включены короткие рассказы и повесть «Две дороги – один путь».

Общее настроение книги – светлое, доверительное и радостное – очаровывает с первых страниц. Бесхитрый мир детства легко узнаваем всеми своими приметам, отметинами, «родинками». Особенно богата ими повесть «Две дороги – один путь».

В мире одиннадцатилетней Елизаветы Петушковой (или просто Петьки) всегда найдётся место мечте и отваге. Рыжеволосая, непокорная, идущая лишь тем путём, который выбрала сама, Петька не боится трудностей. Вместе со своими друзьями она живёт сразу в двух мирах: настоящем и фантастическом, который на самом деле куда реальнее настоящего. В этом придуманном мире, где Петьку зовут Петрой Монтгомери, живут отважные мореходы и кровожадные злодеи, там над океаном высится башня маяка и можно смотреть, как догорает над тёмными водами багряный закат, и чувствовать, как ветер играет волосами. Этот мир внутри мира называется Обществом Вольных Бродяг. У них есть собственный секретный штаб на чердаке, маленький и уютный, с книгами, гитарой и чайником. А главное – у них есть Дружба такого высокого свойства, что предательство здесь – невозможно. Конечно, у них есть и враги, такие, как Генка по прозвищу Щеколда, и недоброжелатели из мира взрослых, которым кажется, что ничем хорошим на чердаке заниматься нельзя. Но Бродяги сумеют отстоять свой маленький мир, и в этом им помогут друзья и родные, готовые в них поверить. А ещё у Петьки появится особенный Друг, тот, который не похож на остальных, «светлый» мальчик. И всё в нём – и имя, и матросская рубашка, и взгляд ясных глаз – будет как праздник. Но как уместить в одно счастье старых и новых друзей, тёплый круг семьи и манящий мир городских улиц, как сделать, чтобы всем было хорошо, чтобы никого не предать и не обмануть?

Жаль, что, взрослея, люди перестают беспокоиться об этом. Но герои повести «Две дороги – один путь», прозрачной и солнечной, как родниковые воды детства, не могут жить по лжи. Их совесть чиста, сердце готово к подвигам, а голова полна невероятных выдумок и планов. Здесь все проблемы разрешимы и пока ещё не завязались, а лишь наметились характерные для книг Тамары Михеевой «трагические узлы». Чтение «Юркиных Бумерангов» – увлекательная прогулка в заповедники детства. Всё возвращается – и добро, и зло. Главное, чтобы Бумеранг был в сильных и добрых руках.

**Елизавета
МАРТЫНОВА**

*Михаил Семёнович
Муллин*

«ЭТИ ЗДАНИЯ ВОЗДВИГНУТЫ СЛОВОМ...»

Памяти Михаила Муллина

13 ноября 2021 года исполнилось 75 лет со дня рождения Михаила Семёновича Муллина, поэта, прозаика, журналиста и замечательного, доброго и светлого человека.

Михаил Семёнович Муллин (1946–2020) прошёл сложный и интересный творческий путь. Родился в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт.

Переехав в Саратов, преподавал в техническом вузе, много лет работал журналистом – в журнале «Степные просторы», в «Деловой газете» и других изданиях.

Я, к сожалению, точно не знаю, в каком возрасте Михаил Семёнович начал писать стихи и прозу. Знаю только, что в конце 70-х–начале 80-х годов прошлого века он пришёл в студию при Союзе писателей России уже сложившимся поэтом. Об этом факте свидетельствуют стихи из его архивов, набранные на печатной машинке и аккуратно датированные – многие из них составили позднее в сборники «Вера» и «Катамаран», печатались в различных толстых литературных журналах, вошли в детские книги поэта.

Михаил Муллин публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Нижний Новгород», «Сура», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссь» и многих других.

Он стал автором книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта», являлся членом Союза журналистов России и Союза писателей России.

Я познакомилась с Михаилом Семёновичем, когда ещё училась в школе, в десятом классе и участвовала в саратовском литературном празднике-конкурсе в секции прозы. Михаил Семёнович работал в жюри этого конкурса, а я читала что-то вроде исторического очерка о своих предках. И до сих пор помню, как он после конкурса говорил со мной и моей учительницей, разбирал достоинства и недостатки написанного (а ведь его об этом никто не просил, участников было несколько десятков со всей области, а он для всех желающих находил время).

Тогда эти его доброта и внимательность помогли мне поверить в себя.

Лет через пять, когда я окончила филологический факультет СГУ и пришла в молодёжный поэтический клуб «Диалог», я снова увидела Михаила Семёновича. Он давно знал руководителя клуба, дружил с ним со времён прежнего литературного объединения при Союзе писателей России, а теперь помогал ему в работе, участвовал во всех мероприятиях, творческих вечерах, концертах и семинарах.

Михаил Муллин работал тогда в «Деловой газете», вёл литературную страницу. На этой странице публиковались как молодые, начинающие авторы, так и поэты давно состоявшиеся. Думаю, многие молодые поэты благодарны Михаилу Семёновичу за первую публикацию. Читать эти литературные страницы всегда было интересно, потому что и стихи отбирал, и подборки составлял Михаил Семёнович с большим вкусом. Я тогда кроме стихов писала ещё и статьи и с благодарностью вспоминаю, как он помог мне в их редактировании перед публикацией.

Тогда же, в 2001 году, у Михаила Муллина вышла его первая поэтическая книга «Вера». Это была небольшая книга карманного формата, опубликованная в литературной серии «Комсомольская правда», с портретом автора на обложке. И был творческий вечер, на котором Михаил Семёнович читал стихи в своей обычной манере – без особых комментариев к ним (что мне очень нравилось: ведь если стихи нужно объяснять, это уже не стихи), без какой-то специальной выразительности, обычным таким, спокойным голосом, как будто он просто своими стихами разговаривал с читателем.

Но именно такая простая манера чтения помогала понять, подчёркивала то богатство интонационных и художественных оттенков, которыми были насыщены его стихи. Ирония и юмор, напевность и живописность, жёсткость строки – и рядом почти сентиментальные, нежные интонации.

Стихи его были сочувственно открыты миру, населены другими героями, помимо самого лирического героя. И удивительно оптимистичны при понимании глубины и трагичности жизни.

Может быть, поэтому книга и называлась «Вера». Как и заглавное её стихотворение.

*Трещит сорока,
Земля парит.
Лицом к востоку
Сидит старик.
Старик убогий,
Один как перст,
Не видел Бога,
А верит: есть!
Старик был фанен
В плечо и в глаз –
Уж так ли странен*

*Его намаз?
Ведь сам я часто
Готов с ним сесть:
Не видел счастья,
А верю: есть!*

У Михаила Семёновича и впоследствии выходили поэтические сборники, но, наверное, лучшее написанное им сконцентрировано в этой книге – итоге творческой работы нескольких десятилетий. Поэтому, видимо, она так и поразила меня – своим богатством интонаций, но, прежде всего, чёткостью заявленной позиции.

*Я долго должен жить – я часть Руси.
Займствованье мне, поэт, прости –
Я тот же вывод прежде сделал сам
Без доступа ещё к твоим стихам.
А после замечал довольно часто,
Что для неё являюсь важной частью.
Когда я денег не имел на ужин,
Когда мне говорили, что не нужен,
Когда меня проклясть её просили,
Я убеждался, что я – часть России.
И что во-первых, во-вторых и в-третьих,
И перед миром за неё в ответе.
И осознал на всех её путях,
Что Мать-Россия – и моё дитя!*

В открывающем книгу стихотворении «Адмиралтейская игла» русская идея связывается с образом Петербурга, который, собственно, раньше в литературе, при всей его стилизованной символичности, для утверждения этой идеи не служил (как подошла бы сюда пряничная Москва или воображающая себя столицей глубинка!). Сюжет здесь лишь намечен – переходом настроения от восхищения к сомнению. А в финале соединяются уже чётко оформившаяся доминанта возвышающего обмана («восторженный враль») и утверждающего, почти молитвенного пафоса: «Здесь причалил воздушный корабль / И остался в России навеки!»

Осознание исторического единства («Как это печально! Особенно в нынешней серии!») позволяет автору делать глобальные обобщения. Что такое – для нас – стихотворение о Новом годе? Поздравление, праздничное размышление для проформы, потому что так принято. В стихах Муллина рубеж Нового года – только веха на пути из бездны времени. Причём привычное слово «наступает» оборачивается исконной своей торжественностью: «Мир мальчишески молод, / Но увидел немало: / Льдины, гунны и голод – / Всё на мир наступало».

Миру любви противопоставлен антимир безверия. Хотя поэзия и находится вне сферы морали, но покоится на тех же вечных ценностях любви, добра и счастья. Их не купить. В разделе «Покупка счастья» появляется антигерой с его миром абсолютного зла. Отражение зла в зеркале вечных образов: Иуды Искариота, Агасфера – обуславливает наличие сатиры высокого ранга. В ней главное не смех, а разоблачение самоуверенности зла, сила которого разрушает душу лирических «негероев».

Иным входит в этот мир прежний лирический герой, чуткий к музыке слова, рефлексирующий («*связей всеобщих анатом*») и иронизирующий над невозможностью постижения мира («*соловей бетонной хаты и агностик*»).

И у каждого слова и образа в стихах Михаила Муллина есть оборотная сторона. Радость боли, счастье страдания воплощены в диалектике веры. Даже в стихотворении «Лаокоон», проникнутом высоким пафосом мученичества, дрожат иронические нотки: «*Но в чём моё тяжёлое злодейство?.. / Я убеждал не брать коней ахейских – / Пустых даров! / Тем паче не пустых!*»

Автор видит любое явление в его многогранности: от великого до смешного, от романтики до иронии. Поэтому стихи Михаила Муллина прочтываются каждый раз по-иному: и со слезами смеха, и всем сердцем до слёз.

Мировоззрение автора заключено в самом стиле, проходящем по тонкой грани между полемикой и медитацией, сатирой и утверждением положительных идеалов, иронией и лирикой. К истинному пониманию и интересу можно прийти только через язык, через слово. Именно слово, прежде идеи, выходит в стихах М. Муллина на первый план.

Особенно характерна ироническая языковая игра для стихов, включённых в общелитературный, библейский, мифологический, сказочный контексты. Игра с многозначными словами, синонимами, паронимами образует новые смыслы. И расстановка слов здесь продумана более чем тщательно: «*листьев лепет мелодию лепит*», «*в лабиринтах из мафинадов*», «*гудящий грёзами вокзал*»:

*Листьев лепет мелодию лепит,
И над ней проплывает порой
Чуть тревожный в наивности трепет.
Липа в листьях – живая, как фой.*

Автор утверждает единство Мира и Слова в стихах, посвящённых искусству. И музыка, и песня, и танец становятся символами, как отражение в отражении, зеркало в зеркале, жизнь в искусстве.

*И летают, и не тают сладкозвучные химеры.
Эти дудки, эти трубы – как посланцы дней иных...
Музыканты надувают синий шарик атмосферы,
Он бы сжался или лопнул, если не было бы их.
А кларнеты и гобои убеждают торопливо,
Что недуги да напасти уплывут как лёгкий дым.
Музыканты надувают, говоря, что мы счастливы.
Ну и ладно, ну и что же? И давай поверим им.
Мундштукуют стальные губы поцелуев их достойны,
И горячее дыханье греет трубы изнутри.
Музыканты задувают полыхающие войны,
Музыканты обдувают перегревших в пути.
Музыкантов выкликают – как солдат при пересчёте...
Что ж, и мы аплодисментов не решимся их лишать.
Музыканты раздувают красно-яблочные щёки –
Так искусственным дыханьем учат заново дышать.*

И когда в полумраке осеннего города появляется персонаж, влюблённый в сельскую красоту природы («*соловей бетонной хаты и агностик*»), он

счастливы даже в жизненном абсурде. Ключ этого счастья – в преображающей силе Красоты и Искусства.

«Возвышающий обман искусства» спасает человека в том же смысле, что и вера: «Так искусственным дыханьем учат заново дышать».

Здесь читатель открывает для себя новую сторону творчества поэта, склонного, на мой взгляд, скорее к живописному, чем к музыкально-песенному восприятию мира.

Такой была книга «Вера».

Позже вышла книга «Катамаран», к которой я писала предисловие (2006 год).

Катамаран, как известно, это «судно с двумя соединёнными вверху корпусами», и такое название сборника точно обозначило двойной запас прочности, заключённый в этой книге (по сути, она продолжает книгу «Вера», многие ранние стихи перекочевали и во вторую книгу).

Двуединство («двойное дно») в формальном плане выразилось в многожанровости произведений: от гражданской лирики до пародии. Разнообразие жанров говорит о многоаккурсности, многомерности той художественной реальности, которая воссоздаётся в стихах Михаила Муллина. Они не беззащитны, вооружены иронией, диалектикой, житейской мудростью – и детской наивностью одновременно. Поэт видит любое явление в его многогранности: от великого до смешного, от романтического пафоса до наивного недоумения.

Новые смыслы создаёт игра с многозначностью слов, например, в стихотворении «Дворы старого Саратова»: «По городу не просто прохожу, / А испытанье прохожу на верность». Постоянно играет поэт и с цитатами: «Хоть я не степь, калмык мне друг!».

В атмосферу языковой игры включается и ненарочитая звукопись, создающая переключку сразу нескольких строк:

*Снег дырявый, как сырники, тает,
Ветер в ржавой дубраве затих.
Пахнет сыростью сад, прилетают
Жаворонки на «Сорок святых».*

Подобная инструментовка необходима для произведений профессионального уровня в целом. Но что характерно: к пониманию тщательно-игровых стихов Михаила Муллина можно прийти только через понимание того, как они написаны, через язык и стиль. «Эти зданья воздвигнуты Словом...»

Многомерность словесного смысла (от серьёзного до смешного) в книге позволяет мирно сосуществовать высокой риторике и стихам юмористическим. Причём грань между серьёзным и смешным, забавным и умильным порою стирается совершенно: вот голуби в Элисте «столь изумительно раскрашены, / Небесным ангелам родня, они и крошки не выпрашивают, / А подают снисходя!»

Да, для поэзии нет вещей обиденных и предметов неинтересных, мелких. Поэт Михаил Муллин узнаваем по особенно приподнятому, одически высокому слогу в повествовании о вещах обыкновенных, но по воле автора окружённых нимбом поэтической любви. «Привет, привет, дворы, где подворотни / Жильцы упрямо арками зовут! / Там лес из трёх берёз, здесь роца трёх акаций. / Тут в кружке – океан невыпитых страстей...»

Высокий слог этот отражает человеческую и гражданскую позицию автора.

*Господи, спаси моё село!
Ниспошли нам милости Твои.
Я подьёмлю тяжкое стило
С опасеньем, зла б не натворить!*

Интересно развитие внутреннего сюжета всей книги и каждого стихотворения в отдельности. Это движение от исходной точки к противоположности. Это слитые воедино вчера и сегодня, жизнь и искусство, встреча и расставание. Диалектический подход к реальной действительности позволяет расширять, видоизменять пространство и время. Яркие примеры такой трансформации – «Дворы старого Саратова», «Всё станет глиной», «Заброшенная деревня», «Небесный огород» и другие. Так возникает иррациональное пространство, где в противопоставлении «земля – небо» предпочтение отдано второму – небесному простору. Или же пространству и времени творения, творчества – «надёжного обмана».

Неслучайно появляется образ путешественника, ориентирующегося в нереальном, сотворённом пространстве: «*И в лунном расплаве слегка растворяется мир, / И в нём проступают немного предметы надмирья*». Село Костеево, «*пятнышко на карте*», оборачивается вечным простором. А «*небесный огород*» связан с увлекательным странствием по небу. «*То маковка, то луковка, – небесный огород!.. / Те храмы, колоколенки / Корнями – из земли!*».

Время в стихах Муллина тоже специфическое. Это время конца тысячелетия, наполненное противоречиями, дающее повод для размышления об апокалиптической его природе. «*На жерфороках негде ставить пробы, / И нас опять ведёт по полю бес, / И люди превозносят небоскрёбы / Превыше недостигнутых небес...*».

Чтобы «настоящее, прошлое, даже грядущее» обрело смысл, снова нужен второй план. Творческий. («Вернисаж» – одна из глав в книге.) Искусство здесь само по себе – иное время и пространство, несущее положительную энергетику. Оно оказывается сильнее земных принципов и законов:

*Глаза прикрою – дождик скачет,
Потом небес струится ясь,
А это просто арфа плачет,
Над синтезатором смеясь.*

Вот оно, противопоставление, где искусство становится «вторым дном», другим планом реальности.

*За тесовым забором прохожие скучны и сухи,
И ворона больная одиноко сидит на столбе,
А в саду Кузнецова распускаются дивные слухи,
Что, мол, жизнь хороша, а искусство поможет в борьбе.*

Подобно искусству, любовь оказывается отдельным пространством, «ковчегом», в котором человек спасается от обыденности.

*Любимая, присядем визави,
Погасим свет – нам и луны довольно.
Давай же вместе слушать до зари
Концерт из рожи – соловьиный, сольный.*

*Как много в мире чар для простаков! –
Хотя бы свет луны волшебнo-странный.
Нет ничего важнее пустяков
И ничего надёжнее обмана.
И больше ничего не нужно мне,
Хоть ничего и быть не может проще –
Твоя ладонь купается в луне
В такт звукам, долетающим из рожи.
Под кровлю воркуют сизафи,
И розовость вливается в оконце –
Любимая, присядем визави,
Луну погасим – нам довольно солнца!*

Любовь становится выходом к созвучной душе. Это шаг к ролевому, игровому началу в главе книги «Песни Глебучева оврага». Героем стихотворения может стать кто угодно, даже... бродячая собака.

*...Но где же справедливость?! – подумала собака. –
Когда одним всё можно, другим ничто нельзя.
Ведь, если разобратъся, собаки – тоже люди,
А люди – как собаки, но вовремя едят...*

Подобное пересечение точек зрения автора и героя порождает комические смыслы. «Всё кончается улыбкой», – утверждает поэт. Улыбка побеждает абсурд и трагизм бытия. Кроме того, ведь помимо серьёзности истинной существует и серьёзность мнимая, ложная. Пародии Михаила Муллина строятся на пересмотре и свежем прочтении чужих мнимо-трагических строк, не имеющих второго плана. Причем, как оказалось, прокалывались на мнимой серьёзности даже классики советской поэзии.

Не могу не процитировать самую любимую пародию («Сбылась мечта») на стихотворение Андрея Дементьева. «Я хотел бы умереть неожиданно. / Чтобы без страданий, на лету. / Я приду на встречу с донной Анной / И к ногам с надеждой упаду. / «Встаньте, встаньте, – скажет донна Анна. / – Я прошу Вас... кто-нибудь войдёт...» / Я хотел бы умереть неожиданно. / Может быть, мне в этом повезёт», – пишет Андрей Дементьев.

И – пародия Михаила Муллина:

*Я, желая умереть неожиданно,
На лету, не растеряв талант,
Ухлестнуть решил за донной Анной –
Я ли не идалъго и не гранд!*

*– Вон, – сказала донна Анна скоро.
Посмотрел, а надо мною зло
Поднялась десница командора –
Слава Богу, вот и повезло!*

Пародия сама по себе не является ни обличением, ни насмешкой. Она лишь устанавливает равновесие между смешным и трагически-пафосным, оттеняет такие неприглядные явления, как красоты и эпигонство. «Гой ты, Русь, васильковое поле! / Я никак с давних пор не решу: / Потому что Есенин я, что ли, / Я порою как Гёте пишу...»

Не боится Михаил Муллин иронизировать над амбициозностью и снобизмом. *«Я взойду на Парнас исполином, / Весь улаврен, как суп и гарнир...»*

Так читатель «Катамарана» совершает путешествие в гротескную вселенную абсурда. Ведь и в целом для автора книги мироздание представляется непознаваемым, таким, которое можно только принять на веру. С одной стороны, абсурд для сильного человека смешон. С другой стороны, он и есть невесёлая истина, изнанка «нормальной реальности».

Особенно отчётливо этот момент прослеживается в лимериках¹.

«Жил философ расстроенный в Триполи, / У которого волосы выпали, / А кому-то в Непале / Эти волосы впали – / Так что бунт это вызвало в Триполи...»

Реальность Слова и Мира сочетаются здесь так, что законы слова преобладают, а от Мира взяты его трагикомическая необъяснимость, столкновение обыденности и вымышленных представлений. Ибо это и есть две стороны одной медали. Смех и слёзы. Выверенность и абсурд. Поэзия чувства и правда жизни.

Здесь можно было бы поставить точку, ведь «Катамаран» – книга, которая даёт полное представление о Михаиле Муллине как лирическом поэте, но это было бы неправильно. Потому что Михаил Семёнович был прекрасным детским поэтом, написал много замечательных стихотворений для школьников, причём таких, которым может белой завистью позавидовать любой «раскрученный» писатель.

Думаю, что подборка стихотворений для детей, опубликованная в нынешнем спецвыпуске, об этом свидетельствует. Так же, как и все предыдущие публикации.

Поэтому, конечно, очень жаль, что произведения М. С. Муллина выходили небольшим тиражом (хотя и прекрасно изданные) и только в нашем городе. То ли ценителей не нашлось (из тех, кто мог бы помочь), то ли сам автор особенно не стремился к тому, чтобы стать известным за пределами родного города. А то, что уровень у стихов всероссийский, думаю, очевидно любому человеку, обладающему художественным чутьём. И опять же, жаль, что московские знакомые писатели остановились только на похвалах и никак не помогли ни в плане публикаций в центральных СМИ, ни в сборниках, ни в антологиях детской литературы, не говоря уже об авторской книге. Почему – вопрос остаётся открытым...

Но у Михаила Семёновича всегда были настоящие ценители и читатели – дети. Собственно, для них он и писал свои стихи. Для них Михаил Семёнович выступал множество раз в школах города и области. Думаю, не было такой школы в Саратовской области, в которой бы он не выступал – до последнего времени, до лета 2020 года.

Выступать перед детьми он очень любил. Увлекался, начинал декламировать. Дети всегда слушали его затаив дыхание. И всегда смеялись, уж очень живыми и искренними были его стихи. Они были похожи на какую-то новую игру, в которую все мы – и дети, и взрослые – невольно вовлекались.

А как было не вовлечься? Всё то, о чём он писал, было настолько живо и забавно, что трудно было поверить, что это стихотворение не существовало всегда.

¹ Лимерик – стихотворный жанр английского происхождения, пятистишие абсурдистского содержания.

Считалку о Корове моя дочь запомнила, когда ещё только начала читать. В дошкольном то есть возрасте.

*В воскресенье, в полвторого
Шла по городу корова.
Ей кричат: – Куда же Вы?
Нету в городе травы,
Нету клевера, капусты,
А газон жевать – невкусно!
Но она сказала: – Мму-у-у!
Это вам не по умму-у-у-у!
Я пришла не сено есть –
Я хочу в троллейбус влезть!
Вот и влезла – у-у-у – как тесно!
Уступи корове место!*

Или вот это забавное стихотворение:

*Пифагоровы штаны
Во все стороны равны –
Так считает вся наука
Школьной знающей страны.
Но пытливые умы
(Это, значит, с Вовкой мы!)
Как-то очень усомнились:
Все ли стороны равны.
Так что летом я и Вовка,
Раз проверить надо,
Полетели на раскопку
В Древнюю Элладу.
И узнали очень скоро
Мы от древних пацанов,
Что у грека Пифагора...
Вовсе не было штанов!*

Я уже говорила о многожанровости творчества поэта. Так вот, и для детей у Михаила Муллина написано множество загадок, считалок, «английских стихотворений» и т.п.

Вот несколько загадок.

«На коня о четырёх ногах хоть впятером садись скакать – не скачет, но стоит крепко!» (*Скамейка*)

«Спинка есть, ноги есть, а живота никогда не бывало!» (*Стул*)

«На него смотрят, а видят другое». (*Окно*)

«В нём каждый своё видит». (*Зеркало*)

«Висит вниз головой, а от счастья светится». (*Электрическая лампочка*)

«Гранит науки не грызёт, а полон знаниями живот». (*Книжный шкаф*)

Все они для Михаила Семёновича самого были игрой – он сам был немного ребёнком, поэтому дети любили и его, и его стихи. Выступить вме-

сте с ним было одно удовольствие – это было такое маленькое поэтическое представление, во многом импровизированное.

Импровизация была «коньком» Михаила Семёновича. Я не знаю другого поэта, который бы с таким же удовольствием писал стихи «по поводу» – для какого-то мероприятия, выставки и т.п. И это никогда не были формальные «датские» стихи. Это были стихи-подарки, в которых он дарил самого себя. Он умел писать обо всём.

Последние годы М. С. Муллин писал и сказки, сказочные повести («Приключения капитана Бывалова»), рассказы о детях и для детей. «Приключения...» вышли отдельной книгой, а до того были опубликованы в нашем журнале.

Нужно отметить, что Михаил Семёнович никогда не «навязывал» своих произведений, он знал им цену. Но вот теперь, когда я разбираю архив его журналов, как никогда ясно, что он был в работе над нашим изданием сотрудником просто незаменимым. Помогал в работе над детскими спецвыпусками нашего журнала, работал в редакционной коллегии, рецензировал книги и рукописи.

Мы часто выступали с ним в школах и библиотеках на вечерах, посвящённых журналу.

Он был очень отзывчивым человеком, умел откликаться на любую просьбу о помощи, о профессиональном выступлении, о рецензии. У Михаила Муллина постоянно просили отзыва, потому что знали, что откликнется и скажет своё мнение, что выступит на выставке и круглом столе.

Он писал о многих саратовских поэтах, прозаиках и критиках – Иване Шульпине, Владимире Шабаете, Александре Баженовой, Олеге Молоткове; откликался на книги молодых писателей из других городов, для нашего журнала он написал рецензии о книгах Марии Знобищевой и Карины Сейдаметовой. Последней его работой в нашем журнале была рецензия на мемориальное «Избранное» замечательного саратовского прозаика Ивана Васильевича Шульпина.

Он очень чётко понимал, что для литературы важно сохранение традиций – и памяти. И не только понимал, он и жил, и работал так – для их сохранения.

Думаю, что задача журнала и саратовских писателей сегодня – сохранять в свою очередь память о Михаиле Муллине, его жизни и творчестве, дать вторую жизнь его книгам, чтобы их читали – они того стоят.

Наталья
ОСИПОВА

Светлая атмосфера детства

Анна Морковина. Яблочный город: Стихи и рассказы /
А.Ю. Морковина. — Саратов: Амирит, 2021.

Прочесть книгу Анны Морковиной «Яблочный город» – стихи и рассказы для детей – интересно в любом возрасте. Для малышей это чудесные зарисовки окружающей природы в стихотворном цикле «В стиле фэнтези», где словно под увеличительным стеклом переливается красками удивительный мир:

*Цветущий крокус удивлённый,
Ты в стиле фэнтези окрашен,
Ты тонкой стрелочкой зелёной
Напоминаешь шпили башен.*

Детей среднего возраста не оставят равнодушными весёлые стихотворные образы уже полюбившихся книжных героев, таких, как Пеппи Длинныйчулок, Алиса, Том Сойер. С ними можно пообщаться в разделе «Встречи на книжных тропинках».

А от иных стихотворений ощущение такое, что эти строки не только для детей написаны. Впечатление, будто попал в светлую атмосферу собственного детства, когда мир кажется огромным и ярким. Лёгкое чувство юмора так и сквозит в каждой строке – будь то стихи про кота, единорога или ворону.

*Скажите, что делать с растущим котом,
Который из шалости портит наш дом –
Обои дерёт и грызёт провода,
Хотя ему в миске готова еда...*

*Уют невозможно уже навести!
Быть может, обратно его отнести?
Нет, время пройдёт, и изменится кот...
Ведь он не зловредный – он просто
растёт.*

Однако не только стихотворные произведения наполняют книгу. Достаточно разнообразный спектр тем охватывают четыре небольшие истории в прозе, написанные живым, лёгким языком. Ими завершается этот удивительный сборник.

Рассказ «Учёный кот Пушкина» особенно трогателен. Истории про животных обычно нравятся детям, тем более когда можно взглянуть на мир глазами прославленного пушкинского Учёного кота. Чтение этого произведения несомненно доставит удовольствие не только ребёнку, но и взрослому, и не раз заставит улыбнуться причудливым переплетениям пушкинских образов:

«На звон прибежал Александр Сергеевич распутывать няню. Она тихо ворчала, а он успокаивал Арину Родионовну, приговаривая: «Выпьем, добрая подружка бедной юности моей! Да, бедная няня, как запуталась... выпьем с горя, где же кружка? Сердцу будет веселей!» – и наливал ей в кружку свежего молока. И мне, погрозив пальцем, наливал – в блюдечко».

Результатом размышления автора о смысле жизни, красоте и сути творчества стал небольшой по объёму рассказ «Вопрос об изобретении велосипедов». В нём Анна Морковина попыталась передать процесс поиска непреходящего в быстро меняющемся мире. И, конечно, как всегда, не без юмора: «Так пусть у каждого останется хоть эта смешная, дразнящая мечта – в один прекрасный день изобрести велосипед!».

В рассказах «Заснеженный Саратов», «Ольга Кошкина и конец прекрасной эпохи» автор мастерски сумела поймать на первый взгляд незначительный эпизод, неожиданную деталь, из которых постепенно складывается образ времени и людей:

«Заснеженный Саратов... Тихие улочки, старинные особняки...

Ценные? Бесценные. Они навсегда с нами, так же, как и мы всегда, где бы мы ни были, ощущаем себя жителями, может быть, даже XIX века, прогуливающимися неторопливо или спешащими мимо этих особняков с колоннами, пилястрами, домов с кариатидами, мимо рыцарей на центральном – таком крошечном по сравнению с московскими! –

проспекте. Впрочем, его же недаром окрестили «саратовский Арбат».

Ностальгия по ушедшему миру красоты и гармонии пронзительно звучит в каждой строке. И, конечно, не может остаться незамеченным доскональное знание автором истории родного Саратова, любовью к которому проникнуто всё повествование. Чистая и незамутнённая

радость от такой прозы остаётся надолго в сердце.

В завершение своей рецензии хочу добавить, что с творчеством Анны Морковиной я знакома давно и с уверенностью констатирую: ей есть что сказать и в поэтической, и в прозаической формах. Думаю, что её новый сборник «Яблочный город» придётся по вкусу юным читателям.

**Вячеслав
ХАРИТОНОВ**

Любознательный Артёмка

**Наталья Бондаренко.
Артёмкины истории и мамины сказки.
Сызрань, «Ваш взгляд», 2008.**

Белинский В. Г., рассуждая в своё время о литературе для детей, писал: «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание великое дело, им решается участь человека». В то же время великий критик выдвигал в качестве основополагающих требований не искажать действительность и избегать сентенций, поскольку «нравоучений не любят и взрослые, а дети просто ненавидят, как и всё сухое и мёртвое». Классик напутствовал литераторов, вставших на путь детской литературы: «...пишите для детей, но только так, чтобы вашу книгу с удовольствием прочитал и взрослый».

И, на мой взгляд, в эту довольно строгую программу вполне укладывается творчество бесспорно талантливого автора «Артёмкиных историй» Натальи Бондаренко. Главные герои их – Артёмка и ребята из его окружения – показаны в широком спектре всевозможных жизненных ситуаций, что позволяет автору высвечивать те или иные чёрточки их характеров.

Рассказы написаны занимательно, добротным и доступным для понимания ребёнка языком. Повествование идёт от первого лица, т.е. от лица самого Артёмки, что подчёркивает его достоверность. Истории и ситуации, в которые попадают герои Натальи Бондаренко, как правило, забавны и поучительны. Они лишены лобовой менторской морали

и назойливых сентенций. Доверяя своему читателю, автор предоставляет ему право самостоятельно поразмышлять над поступками своих героев и сделать соответствующие выводы.

Волжанин Артёмка живёт пусть и в небольшом городе, но в довольно благополучной и по современным понятиям «продвинутой» семье. Родители, люди интеллигентные и чуткие к детским запросам, хотя и не потакают во всём своему ребёнку, всё же предоставляют ему широкие возможности для развития его интересов.

Дитя своего времени, Артёмка накоротке с компьютером, позволяющим заглядывать в виртуальный мир, знаком с Интернетом, что, однако, не мешает ему оставаться живым, а порой и проказливым, любознательным мальчишкой, трепетно относящимся к родным, друзьям и всем окружающим, а особенно – к «братьям нашим меньшим».

Духовный мир ребёнка показан в развитии, от рождения и до школы. Что же касается места действия описываемых событий, то они происходят как в семейной обстановке, так и в детском саду или школьном классе, в городе или в деревне, где живут в ладу с окружающей природой и в кругу непритязательных сельских забот дедушка с бабушкой Артёмки, а порой и на просторе раздольной Волги с её стихией (рассказ «Настоящие путе-

шественники») и красотами («Лучшая экспедиция на свете»), и даже на побережье Балтийского, Красного и Чёрного морей. Из таких рассказов, словно из россыпи цветных камешков, слагается целостная мозаика, в которой проступают черты растущей личности ребёнка. И, судя по всему, на её развитии благотворно сказываются гены, переданные в наследство Артёмке дотошным и любознательным прадедом Савелием из рассказа «Что же замышляла ужиха?» Не потому ли так любопытен и наблюдателен и правнук? Правда, его любопытство сочетается с детским нетерпением, что нередко приводит к разного рода казусам и разочарованиям. Так, в рассказе «Кукушечка» в подаренном отцу «теремке» оказывается не настоящая, а механическая кукушка, не идущая ни в какое сравнение с живой, обитающей где-то в лесу.

Развитию любознательности Артёмки способствуют и окружающие. Так, в рассказе «Карта мира» его отец и сестрёнка Алька азартно «играют в карту», т.е. загадывают друг другу и разгадывают самые большие или самые маленькие города, реки и т.д. Кстати, изучают они по карте и свой родной край – Самарскую область.

В большинстве других рассказов тоже довольно ощутим познавательный момент, столь необходимый в детской литературе. А, как известно, дети лучше познают мир через игру.

Можно порадоваться за Артёмку, трепетно и неординарно относящегося к своей сестрёнке. Мы довольно живо представляем её по рассказам брата. С юмором изображает он, например, Алинку вместе с её закадычной подружкой Инкой в рассказе «Модницы».

В серии рассказов о животных проявляется тяга мальчика ко всему живому, что не удивительно, ведь его мать – биолог. Преданно относится он и к друзьям (рассказы «Дружба», «Скутер», «Санька», «Аслан»).

Можно ещё много рассуждать об «Артёмкиных историях» и их авторе, но лучше самому юному, да и взрослому читателю с головой окунуться в пёстрый и интересный мир отрока и подростка и поразмыслить вместе с ним над его – да и только ли его – проблемами и заботами, а автору от души пожелать дальнейших творческих успехов и поисков в благородном стремлении «сеять умное, доброе, вечное».

Татьяна
ЛИМАНОВСКАЯ

«Эту книгу я посвящаю ВСЕМ ДЕТЯМ...»

Действительно, книга писательницы Натальи Бондаренко написана о детях и для детей. Однако будет небезынтересно не только для мальчишек и девчонок, вступающих в отроческий возраст, но и для их родителей и педагогов. Взяв её в руки, вы уже не оторвётесь и будете читать до последней страницы – так увлекательны и интересны «Артёмкины истории».

Её персонажи – обыкновенные ребята школьного возраста, в общем-то совсем ещё зелёные, делающие первые шаги в познании окружающего мира. Это и глав-

ный герой – Артём, и его сестрёнка Алька, и друзья – Вадик, Женька, Виталик, Аслан.

О чём же эта книга? В первую очередь – о пробуждении души, о детском мироздании, которое связано – узами тонкими и вместе с тем прочными – и с миром природы, и с миром взрослых, самых близких и дальних, и с миром сверстников.

Артёмка постигает простые истины. Впрочем, это нам, взрослым, по прошествии лет они кажутся таковыми. Но в том-то и штука, что каждый должен постичь их сам, и наш герой проходит этот сложный путь.

Артёмка любит этот мир. Ему нравится деревня, где он проводит у бабушки Тани и дедушки Вани летние каникулы, «мальчишки соседские, и рыбалка, и лес с полянами, полными ягод», и «поросёнок с хвостиком-пружинкой и смешным носом-пяточком», и корова Марта. Ему жаль ягнёнка-сосунка, оставшегося без матери, и он просит деда взять его из хлева в дом, чтобы тому не было так тоскливо («Борька»).

Он восхищается диковинной птичкой – удодом, которую ребята нашли подбитой на берегу сызранской речки Крымзы во время рыбалки. В её тревожном «уп-уп» ему слышится зов о помощи, и он забирает пернатую домой. В гибели удода мальчик винит себя: опоздал он со своей заботой, слишком поздно понял, что обрёл птичку на голодную смерть («Удод»).

Наш герой привык доверять взрослым. Он изначально верит, что они хорошие: и «продавщица с добрыми глазами» из кондитерской, и соседка, постоянно угощавшая его сладостями, и Сан Саныч, учитель по изо, развивавший в своих учениках фантазию.

Встречаются, конечно, и исключения. К примеру, тётенька из рассказа «Пупсики», пытавшаяся обманом заполучить кукол у Артёмкиной сестрёнки Альки. Или недалёкая учительница из рассказа «Тетёха», поддерживавшая глупую сплетню об однокласснице Артёма, а ещё воспитательница деревенского детского сада, которая наказала мальчугана, поставив за печку, и забыла о нём («Как я нашёл друга... за печкой»). Но они, конечно же, не главные в Артёмкином мире.

Его систему ценностей определяют в первую очередь отец и мать. А они для него – самые лучшие люди на свете. «Папка», как ласково называет его мальчик, непререкаемый авторитет, истина в последней инстанции. Это он научил Артёмку приёмам самбо, одной весомой фразой разрешал детские споры. Это отец спас мальчишек, отправившихся на поиски приключений на надувной лодке к Матрюковским озёрам.

А мама? Это добрый дух семьи, во многом создающий ту атмосферу тепла, доброты и надёжности, что царит в доме. Вспомним, как она учила Альку читать, посылая письма от таинственной феи («Фея»), как собирала многочисленных родственников и гостей на семейные торжества, как взяла с собой в экспедицию сына на волжские острова и доверила ему важную работу («Лучшая экспедиция на свете»).

Так что к своим тринадцати Артёмка уже научился разбираться в людях, помогать старшим, вставать на защиту слабых, ценить дружбу. И при этом неважно, кто по национальности твой товарищ, главное тут – взаимопомощь и выручка («Где ты, Аслан?»).

А пока школьные дни бегут один за другим, принося каждый раз новые впечатления и открытия. Вместе с Артёмом и его друзьями мы узнаём множество интересных вещей: и про испанских завоевателей – конкистадоров, и про величальную песню колоколов, и про безрукого замечательного иконописца Григория Журавлёва, много лет назад проживавшего в одном из сёл Самарской области, про повадки братьев наших меньших.

В рассказах о школе много весёлого и серьёзного. Невозможно без улыбки читать историю о том, как Женька, отвечая у доски, засунул голову в транспортёр и никак не мог её вытащить («Транспортёр»). Или случай на уроке рисования, когда один из учеников откусил кусок от яблока – воскового муляжа, думая, что оно настоящее.

Артёмке открывается жизнь во всех её сложностях и противоречиях, он постигает горькие уроки нашего прошлого («Моя родословная», «Человек-невидимка»). Мальчишка взрослеет, и вот уже первая школьная любовь – Юлька Селезнёва, девочка «с дивными веснушками» и рыжеволосым хвостиком, рядом с которой он забывает «встать на свете слова».

Мечтатель и фантазёр, верный друг и заботливый брат, способный, пылкий ученик – самые разные грани характера героя представлены в сборнике из пятидесяти пяти рассказов. Кстати, повествование ведёт сам Артёмка, причём так доверительно и откровенно, что воспринимается как рассказ хорошо знакомого тебе человека. Появляется ощущение, что ты давным-давно сроднился с героями книги.

Радует каждая фраза – динамичная, яркая, запоминающаяся. Автор учит нас постигать сложный внутренний мир современного подростка, причём делает это исподволь, ненавязчиво, без ложного пафоса и нравоучений. Это и есть, пожалуй, самое ценное в книге. Читаешь и проникаешься мыслью: «Хорошо, что подрастают у нас такие мальчишки. Пылкие, добрые, равнодушные. Умеющие отвечать за себя и за всё, что происходит вокруг».

И замечательно, что в наше непростое время в Сызрани есть люди, которые пишут такие книги.

КОНКУРС

В РОССИИ ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА ДЛЯ АВТОРОВ ДО 45 ЛЕТ

*Победители конкурса получают призы
в размере 50 тысяч рублей и издание книг*

Всероссийская литературная премия им. А. И. Казинцева для молодых писателей, поэтов и критиков объявила о начале приёма работ. Конкурс учреждён в 2021 году Союзом писателей России, журналом «Наш современник» и фондом «Дорога жизни». Премия посвящена памяти выдающегося русского поэта и критика **Александра Ивановича Казинцева (1953–2020)**.

«Александр Иванович много лет отдал работе с начинающими авторами. Он не только сам был талантливым поэтом и критиком, но и с радостью делился своими знаниями с молодёжью, был наставником для многих поколений. Примечательно, что Малое жюри премии практически целиком состоит из учеников Александра Ивановича, а Большое жюри – из его соратников по литературе. Цель премии – поиск и поощрение современных талантливых авторов, привлечение широкого читательского внимания к их творчеству», – отметил председатель Союза писателей России Николай Иванов.

Возраст участников в номинациях «Поэзия», «Проза» и «Критика» – до 45 лет, «Открытие» – до 35 лет. Финалисты конкурса будут приглашены на Конференцию Союза писателей России и Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках в 2022 году. Победители получают денежную премию в размере 50 тысяч рублей, лучший автор в номинации «Открытие» – издание собственной книги. Предусмотрены также специальные призы от издательств «Вече» и «Российский писатель». Награждение победителей пройдёт в Московском государственном институте культуры.

В состав жюри конкурса входят известные российские поэты, прозаики и критики, представители журналов и издательств, лауреаты престижных литературных премий: Юрий Козлов, Александр Сегень, Михаил Попов, Геннадий Красников, Александр Нестругин, Виктор Кирюшин, Евгений Степанов, Сергей Куняев и др.

Узнать подробнее о требованиях к работам и условиях участия можно на сайте Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Контактное лицо для СМИ: Тимофеев Андрей Николаевич,
тел. 8-905-751-54-69, public.sml.spr@yandex.ru

*Дом П.П. Шмидта
(ныне Саратовский областной колледж искусств).
Архитектор А.М. Салько.
Фото Анны Морковиной*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Художник – Е. Г. Лялина.

Подписано в печать 6 декабря 2021 года.

Дата выхода в свет 30 декабря 2021 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/06121

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2021.

© «Волга–XXI век», 2021.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ЕЛЕНЫ ЛЯЛИНОЙ

Летающий байкер

Чашепитие с русалкой

Елена Лялина. «Княжий обед»

